

**Сибирское
село
в условиях
реформ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

В.С. Шмаков, О.В. Нечипоренко

СИБИРСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ

Новосибирск
2008

УДК 316.334.55

ББК 60.546.22

Ш 711

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
грант № 07-06-00390*

Рецензенты:

доктор философских наук профессор В.С. Диев

доктор философских наук, профессор В.В. Мархинин

доктор исторических наук, профессор А.А. Николаев

Шмаков В.С., Нечипоренко О.В.

Ш 711 Сибирское село в условиях реформ / Под ред. чл.-корр. РАН В.И. Бойко — Новосибирск: Параллель, 2008. — 160 с.

ISBN 978-5-98901-012-7

Работа посвящена анализу современного состояния сибирской деревни в условиях реформирования аграрного сектора. Авторы рассматривают изменения, происходящие в экономической и культурной жизни сельского социума как в масштабах России, так и в масштаба отдельного региона — Сибири, где в течение ряда лет проводились мониторинговые исследования современных трансформационных процессов. Предметом исследования выступали конкретные практики, вырабатываемые сельскими сообществами в ответ на изменения социально-экономической среды и их корреляция с уровнем развития государственной аграрной политики, что позволило предоставить богатый эмпирический материал по комплексу проблем социально-экономического, социально-демографического, политического, социокультурного характера, стоящих перед сельской общиной в настоящее время и построить классификацию социально-экономического поведения населения сельских локальных сообществ, на основе которой предложена типология адаптационных стратегий населения в условиях нестабильной экономики переходного периода.

Книга может представлять интерес для широкого круга читателей политологов, социологов, историков, этнологов и др.

ISBN 978-5-98901-012-7

© Шмаков В.С., Нечипоренко О.В.

© Институт философии и права СО РАН, 2008

Введение

В условиях социально-экономических трансформаций, происходящих в современной России, проблема выбора концепции социальной политики и ее корректировки в соответствии с социальными, экономическими и политическими реалиями приобретает стратегическое значение, становясь одним из главных факторов в определении координат эволюции между ловушками переходного периода и общемировым путем развития.

В настоящее время в российском селе происходят важнейшие социально-экономические изменения, характер и направление которых до сих пор изучены весьма слабо. Интереснейшие результаты, полученные в последние годы российскими учеными, занимающимися сельской социологией, позволяют утверждать, что в подавляющем большинстве сельских ареалов складывается новый уникальный тип социально-экономических отношений, сочетающий в себе черты натурального хозяйства и черно-рыночной экономики, существенным образом зависящий от редистрибутивной политики государства.

В то же время нынешняя государственная социальная политика практически не учитывает не только наблюдаемые инновации в структуре сельских сообществ, но и специфику сельского образа жизни как такового. Большая часть социальных программ ориентирована на городское население и оперирует нормами и реалиями, характерными для высокоурбанизированной социальной среды.

В этом контексте проблема эффективности государственной социальной политики, ориентированной на село, является одной из приоритетных для отечественной науки.

Таким образом, представляется в высшей степени своевременным и социально оправданным проведение исследований, способствующих оптимизации государственной социальной политики, ориентированной на село.

Целью данного исследования является комплексный анализ современных трансформационных процессов в российском селе. Исходя из поставленной цели, в работе анализируется взаимозависимость эконо-

мического и социально-политического аспектов современных трансформационных процессов, предлагается комплексный подход к исследованию социальной политики, включающий в себя анализ ее как явления одновременно экономического, социального и политического; в отличие от экономических подходов, рассматривающих ее только как редистрибутивный механизм.

Социальная политика рассматривается авторским коллективом, прежде всего, как управление социальным развитием общества и регулирование процессов общественной дифференциации. Наиболее существенными для понимания содержания социальной политики, ее целей и направленности являются такие категории, как уровень жизни, образ жизни, качество жизни. Основным показателем успешности социальной политики является достижение экономического роста наравне с сохранением экономического равенства и уровня удовлетворения основных потребностей человека. В современной России реализация социальной политики сопровождается постепенным переходом от патерналистской модели к субсидиарной.

Такой методологический подход дает возможность авторам:

- изучить практические формы реализации государственной социальной политики на селе;
- оценить эффективность существующей социальной политики и степень ее соответствия реальным условиям жизнедеятельности сельских сообществ;
- определить оптимальные направления социальной политики в сельской местности;
- привлечь внимание профессиональных и научных кругов к социальным проблемам села;
- дать практические рекомендации региональным органам государственного управления по оптимизации социальной политики в сельских ареалах.

Общие контуры методологии исследования в рамках представляемой нами программы задаются ориентацией на комплексность исследования. Предполагается, что в рамках профилирующего социологического исследования должны найти отображение все основные, взятые в единстве и взаимодействии, стороны образа жизни сельских сообществ.

В центре внимания нашего исследования находится сельское сообщество как активный агент происходящих социальных перемен, вырабатывающий собственные формы адаптации и социальные практики в ответ на проводимую государственную политику и имеющий собственные социальные механизмы поддержания самоидентичности. Учет этих форм представляется, по мнению авторов, совершенно необходимым для выработки любой более или менее конструктивной социальной политики.

Мы стремимся к созданию специфической методологии сельской социологии, которая на настоящий момент недостаточно разработана в оте-

чественной науке, тогда как на Западе rural sociology представляет собой фактически отдельную дисциплину. Методологически, трансформационные процессы в сельских сообществах могут быть осмыслены в рамках современной теории глобализации, что является теоретическим развитием ранее разрабатывавшейся исследовательским коллективом модернизационной парадигмы изучения социальных процессов¹. Внимание при этом будет фокусироваться на способах, какими в рамках конкретных сельских сообществ нелокальные факторы взаимодействуют с локальными, продуцируя социокультурные идентичности и формы. Также такой подход позволяет изучить эффект «расщепления», когда под воздействием глобализованного социума сельские сообщества вырабатывают специфические локальные формы адаптации, что приводит к плюрализации социального порядка. Отличительной чертой методологического подхода к изучаемому объекту является ориентация на социальные последствия экономических преобразований (процессов).

Конкретные социально-экономические процессы на селе понимаются как адаптационные реакции, вырабатываемые сельскими сообществами в ответ на воздействие глобализованного социума. Работа привлекает внимание к оригинальному эффекту вторичной архаизации социальных отношений и, как следствие, — к специфическим формам реализации социальной политики на селе. В используемом коллективом инструментарии большое значение придается изучению черно-рыночных механизмов в современной экономике и их влиянию на социальную структуру.

Анализ проводится на основе эмпирических данных, полученных в Новосибирской, Кемеровской областях, Республике Алтай.

¹ См.: Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Эволюция парадигмы социальной модернизации // Гуманитарные науки в Сибири 1999. № 1.

Глава 1. Методология и методика

1.1. История развития и современное состояние сельской социологии

Положение социологии села и в СССР, и в постсоветской России определялось и определяется двумя противоположно действующими факторами. С одной стороны, российское общество чрезвычайно сильно связано с селом. Это определяло интерес ученых к деревне. С другой стороны, имеется немало причин, которые как бы отодвигают сельскую проблематику на задний план: территориальная отодвинутость деревни от города, меньшая институционализированность сельской среды, труднодоступность сельских жителей для обследований стандартными методами опросов.

Нельзя не учитывать и зависимость исследований села от характера аграрной политики государства в те или иные периоды отечественной истории, когда в центр внимания попадали весьма различные стороны жизни села.

В результате при большой социальной значимости села для России внимание социологов к деревне как к объекту изучения на разных этапах истории страны менялось, поэтому имеет смысл выделить и описать этапы эволюции социологии села.

Монографические исследования села 20—30-х гг. Специфика этого этапа в том, что изучались и описывались отдельные деревни различных губерний страны, причем комплексно, по множеству социальных, экономических, психологических и других характеристик.

Этот этап имел глубокие исторические корни: сбор информации о жизни крестьянских поселений еще в конце XIX в. начали губернские земства, работавшие при них санитарные бюро². Земства проводили подробные подворные переписи: описывали имущественное положение семей,

²См., например: **Мартынов С.В.** Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Малышева Воронежского уезда // Сара-

их возрастной состав, образование, состояние здоровья. Подробно рассматривались демографические процессы — рождаемость, смертность, заболеласмость. Собранная информация и служила основой первых монографических описаний отдельных деревень России.

Исследования велись в рамках этнографических традиций. Главный интерес исследователей состоял не столько в получении обобщающих выводов, сколько в добросовестном описании условий труда и быта, повседневного поведения, хозяйственной деятельности, традиций, образа жизни и образа мыслей жителей отдельных деревень. Не случайно многие монографии носят названия изучавшихся деревень. В поле зрения исследователей были состав крестьянских хозяйств, состав семей, их труд, достаток (уровень жизни), способы проведения досуга, воспитание детей, здоровье. Нередко изучались социальные взаимоотношения внутри села, участие жителей в управлении общественными делами, национальные особенности. Описывалась и психология крестьян.

С начала 20-х гг. выделяется особое направление, которое можно назвать идеологически ангажированными исследованиями села. Они были обобщены руководителем Комиссии ЦК РКП(б) М. Хатаевичем в книге «Партийные ячейки в деревне: по материалам обследования комиссиями ЦК РКП(б) и ЦКК», которая в значительной мере посвящена организации и методике сбора информации. Такие исследования инициировались РКП(б) и стимулировались ее политикой в деревне³. В частности, по постановлению XI съезда партии, при ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия, которая организовала серию обследований села в разных районах страны. По единой программе описывались деревни Иваново-Вознесенской, Саратовской, Алтайской и других губерний, а также Башкирии, Туркестана, других национальных районов.

В первой половине 30-х гг. аналогичные обследования проводились комиссиями при местных партийных органах. Они изучали деятельность партийных организаций в уездах и округах, а также работу школ, больниц, клубов. В обследованиях участвовали и ученые — статистики, историки, социологи, этнографы.

Детально обсуждалась представительность результатов. Использовались взаимоконтролирующие методы сбора данных⁴. Крестьянские хозяйства изучались по специальным подворным карточкам, которые заполнялись исследователями со слов интервьюируемых. Полученные сведения

товская земская неделя. 1903, Прилож. № 3; **Шингарев А.И.** Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. 2-е изд. СПб.: Б-ка общественной пользы, 1907.

³ **Хатаевич М.М.** Партийные ячейки в деревне: по материалам обследования комиссиями ЦК РКП(б) и ЦКК. Л.: Госиздат, 1925.

⁴ См.: **Большаков А.М.** Советская деревня (1917—1925). Экономика и быт. 2-е изд. Л.: Прибой, 1925.

проверялись на сходах крестьян. Для более детальных частных обследований применялись специальные анкеты.

Например, в одной из программ было свыше 400 специальных вопросов. При обследовании, проведенном отделом печати ЦК РКП(б), был использован опросный лист, который должен был обнаружить отношение крестьян к цене массовой газеты, шрифту, формату, языку⁵. Таким образом применялись социологические методы.

Как отмечает Ю. Арутюнян⁶, такой же социологический подход был характерен для анализа чисто экономических вопросов. Выяснялось, как население (его разные слои) относится к экономической политике партии и государства в деревне, как оно относится к сельскохозяйственному налогу, к ценам на те или иные товары и др.⁷

Центральный вопрос, на который должны были дать ответ многочисленные экспедиции, сводился к характеристике социально-экономического развития деревни. Куда она идет — к социализму или к капитализму, как происходит и происходит ли вообще в крестьянстве процесс расслоения. Для ответа на этот вопрос использовались почтовые опросы. Например, в 1924 г. газета провела дискуссию на тему и собрала 300 крестьянских писем. Часть писем была опубликована⁸.

Оценивая эти исследования, надо разделять сами знания о советской деревне и использование этих знаний в аграрной политике партии. Бесспорно, что информация о деревне 20—30-х гг. представляла тогда и представляет сегодня немалую научную ценность. Прав Ю.В. Арутюнян, который в 1968 г. писал: «Не случайно через несколько десятилетий, в 70-е гг., этот опыт стал предметом специального историко-социологического анализа»⁹.

Хотя во второй половине 30-х гг. конкретные исследования села еще продолжались, в 40-е они прекратились. Их место заняли труды, отражающие концепцию непрерывного прогрессивного развития условий и образа жизни городского и сельского населения, что исключало возможность проведения беспристрастных, не ангажированных исследований, отражающих реальное положение села.

Возобновление социально-экономических и этнографических исследований села в конце 50-х—начале 60-х гг. В новой обстановке, возникшей

⁵ См.: **Шафир Я.** Газета и деревня. М.; Л.: Красная новь, 1924.

⁶ См.: **Арутюнян Ю.В.** Опыт социологического изучения села. М.: Издательство МГУ, 1968. С. 13.

⁷ См.: **Большаков А.М.** Советская деревня...

⁸ См.: **Хрящева А.И.** Группы и классы в крестьянстве. М.: ЦСУ СССР, 1926; **Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне?** / Предисл. Л.С. Сосновского, примеч. М. Грандова. М.: Красная новь, 1924.

⁹ **Арутюнян Ю.В.** Опыт... С. 34.

после смерти Сталина и под влиянием XX съезда, возобновились и конкретные исследования проблем крестьянства. Первые такие исследования конца 50-х—начала 60-х гг. в основном были экономическими и этнографическими. В центре внимания находились две группы вопросов. С одной стороны — особенности колхозной собственности, экономическое положение колхозников, принципы оплаты труда (в частности, в связи с осуществленным Хрущевым в 1957 г. переводом колхозников на денежную оплату труда). С другой стороны — культурные особенности сельского населения, национально-психологические традиции в крестьянской среде. Причем, если экономические исследования были весьма серьезными, опирались на солидную статистику и отражали новые тенденции сельской жизни¹⁰, то этнографические исследования, напротив, были идеологизированными и поверхностными. Чаще всего они представляли собой лишь комментарий к партийной доктрине.

Однако проблематика исследований села постепенно расширялась, выходила за рамки экономики и этнографии.

Макросоциологические исследования села 60—80-х гг. Развитие советской социологии, как и всей духовной жизни, зависело от директивного партийного руководства. В начале 60-х гг. ЦК КПСС начал проявлять серьезный интерес к социальным проблемам, в частности к таким, как текучесть кадров на промышленных предприятиях крупных городов, миграция сельского населения в города, обеспеченность населения жильем, удовлетворение его потребительских запросов. Внимание к этим проблемам проистекало отнюдь не из чистой гуманности, а диктовалось суровой необходимостью. Население страны, уровень жизни которого к этому времени (по сравнению с первым послевоенным десятилетием) значительно поднялся, стало вести себя более требовательно — пережив войну и период восстановления народного хозяйства, люди начали предъявлять более высокие требования к условиям труда и жизни, чем когда-либо ранее.

На такой волне и стали возникать первые собственно социологические исследования села. Их главными темами были:

- 1) социальная структура сельского населения;
- 2) миграция сельского населения в города;
- 3) бюджеты времени и образ жизни сельского населения;
- 4) труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством;
- 5) уровень жизни сельского населения, личные подсобные хозяйства, семейная экономика.

Кратко рассмотрим развитие исследований в этих направлениях.

¹⁰ См., например: **Вепжер В.Г.** Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966; **Заславская Т.И.** Распределение по труду в колхозах. М.: Экономика, 1966.

Социальная структура сельского населения. В рамках этого направления было сделано научное открытие, касающееся природы послевоенного советского общества. На данных переписи 1959 г. Ю.В. Арутюнян эмпирически доказал, что внутриклассовые различия между разными профессиональными группами работников сельского хозяйства — глубже, сильнее, чем межклассовые, т. е. различия между рабочими и колхозным крестьянством¹¹.

Фундаментальность этого вывода состояла в том, что он подрывал одну из программных идей КПСС — постепенного приближения советского общества к социальной однородности. Это приближение мыслилось как все большее стирание различий между двумя основными классами — рабочими и колхозниками в условиях их труда и жизни, а также в отношении к средствам производства, причастности к собственности. Большинство исследователей, работавших по этой проблеме, занимались тем, что иллюстрировали это программное положение все новыми и новыми фактами. Об этом свидетельствует, например, вышедшая в 1971 г. библиография социологии села¹².

Книга Ю.В. Арутюняна подрывала эту идеологическую идиллию. Проведя исследование на базе беспрецедентно огромной статистической информации, дополненной данными социологических опросов, автор делает вывод, что общепринятое представление о социальной структуре советского социалистического общества, включающей рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию, недостаточно. Ю.В. Арутюнян показал, что есть основания говорить, по крайней мере о следующих категориях сельского населения: 1) неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда; 2) квалифицированные работники физического труда; 3) служащие и 4) интеллигенция¹³.

Исследования Ю.В. Арутюняна позволили выявить глубокую и одновременно скрытую для официальной идеологии и науки стратифицированность советского общества.

В развитие этих исследований Б.И. Староверовым был проведен чрезвычайно полезный крупномасштабный анализ региональных различий социальной структуры сельского населения страны¹⁴. Исследование условий жизни в разных регионах помогало выявлять социальные проблемы села и нередко находить их решения.

Параллельно в те же годы проблематика социальной структуры разрабатывалась также в рамках исследований рабочего класса промышленных

¹¹ См.: Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971.

¹² Социология села. Библиография. Киев: Наук. думка, 1971.

¹³ См.: Арутюнян Ю.В. Социальная структура... С. 14—15.

¹⁴ См.: Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни. М.: Наука, 1975; Он же. Город и деревня. М.: Политиздат, 1972.

предприятий (С. Кугель — 1963, В. Семенов — 1965, О. Шкаратан — 1967). Но анализ структуры сельского населения позволил сделать более крупные выводы. Почему?

Во-первых, потому, что в отличие от городской промышленности в деревне присутствовали все элементы социальной структуры в ее канонизированном понимании — колхозное крестьянство, рабочий класс (рабочие совхозов и др.) и интеллигенция, т. е. все общественные группы населения страны. В частности, по данным переписи 1959 г., 19 млн человек (40 % сельского населения) были заняты в государственном секторе.

Во-вторых, село представляло более богатую структуру собственности, чем город, поскольку в нем, кроме государственной собственности, были представлены еще и личные подсобные хозяйства (ЛПХ), дававшие доход и облагавшиеся налогами. И хотя в официальной доктрине социализма они не рассматривались, реально они являлись важным экономическим и социальным фактором.

Итак, именно по проблематике социальной структуры села в 60—80-е гг. были получены результаты, облегчившие понимание социальной стратификации в СССР и в постсоветской России.

Миграция сельского населения в города. Это направление родилось в связи с увеличением масштабов сельской миграции, необходимостью ее регулирования, а следовательно, возникновением потребности знать факторы, выталкивающие население из села. Инициатором направления стал коллектив исследователей в Новосибирске под руководством Т.И. Заславской. Однако сельской миграцией занимались во многих районах страны (В. Староверов), эта проблема стала одной из ключевых тем в исследованиях общих проблем миграции населения страны (В. Переведенцев, Л. Рыбаковский, Г. Морозова и др.¹⁵). Их особенность состояла в региональном и прикладном характере. Хотя факторы, которые выталкивали население из деревни, были в основном сходными, но условия труда и жизни — как в сельской местности, так и в городах разных регионов страны — значительно различались. Это оправдывало многочисленные региональные исследования сельской миграции.

Образ жизни сельского населения («бюджеты времени»). Проблематика образа жизни сельского населения (как и городского) была инициирована очередными идеологическими декларациями 70-х гг., хотя сам по себе объект в научном отношении представлял несомненный интерес. Однако это направление оказалось развитым слабее, чем два описан-

¹⁵См.: **Староверов В.И.** Социально-демографические проблемы...; **Он же.** Город и деревня; **Переведенцев В.И.** Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975; **Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В.** Региональные особенности миграционных процессов в СССР / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1986; **Рыбаковский Л.Л.** Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.

ных выше. Сказались и нетрадиционность направления, и то, что для эмпирического представления образа жизни (в полном смысле этого понятия) требовался довольно сложный многомерный типологический анализ различных видов активности населения. Информацию такого рода за много лет до этого периода начали и продолжали собирать и изучать (В. Патрушев, В. Артемов и др.). Но в рамках бюджетных опросов полные описания в те годы, о которых идет речь, еще не строились: описание данных шло не по типам поведения, а по одномерным занятиям применительно ко всей изучаемой совокупности населения. В отличие от этого в конце 70-х гг. была сделана первая попытка описания образа жизни сельского населения по семи видам деятельности (Р. Рывкина¹⁶). К сожалению, опыт таких исследований не вышел за рамки Новосибирской области.

Труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством. Это направление представляли Л.В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, И.Т. Левыкин, В.А. Калмык, Р.К. Иванова, З.И. Калугина, В.Д. Смирнов и др. Наиболее глубокие исследования здесь касались характера отношений собственности в колхозах и совхозах, а также путей сближения условий труда в сельском хозяйстве (включая и личные подсобные хозяйства) с условиями в городах (Л. Никифоров). Чрезвычайно полезными были и бюджетные обследования труда — анализ значительной перегрузки работников (З. Калугина).

Особо надо сказать об исследованиях эпохи горбачевских реформ, т. е. второй половины 80-х гг. Взятый в те годы КПСС курс на реформирование советской экономики привел к тематической переориентации исследований села. Акцент был сделан на новые, актуальные проблемы сельского хозяйства, а именно: 1) перспективы перестройки системы управления производством — возможности его демократизации, потенциал выборности руководителей предприятий, работа советов трудовых коллективов, новая роль профсоюзов и проч.; 2) готовность работников сельского хозяйства к перестройке, к работе в условиях; 3) возможности переориентации работников в сфере труда (Р. Рывкина, Л. Косалс, С. Павленко¹⁷).

¹⁶ См.: Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука, 1979.

¹⁷ См.: Рывкина Р.В., Косалс Е.В., Косалс Л.Я. и др. Управленческие кадры АПК: ориентации и поведение, готовность к перестройке. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987; Социально-управленческий механизм развития производства: методология, методика и результаты исследований / Отв. ред. Р.В. Рывкина, В.А. Ядов. Новосибирск: Наука, 1989; Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования. Метод, разработка / Р.В. Рывкина, Л.Я. Косалс, С.Ю. Павленко и др. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1990.

В ходе этих исследований было выявлено, что никаких перемен в трудовой мотивации не возникало. Зато были получены совсем другие (и крайне важные) результаты. Главными можно считать три.

Первый: доказательство резко критического отношения работников к административно-командной системе управления производством.

Второй результат: доказательство огромного недоиспользования трудового потенциала работников.

Третий результат: доказательство деформации трудовых мотиваций работников. Например, более 70 % опрошенных не имели желания продвигаться вверх, заниматься более ответственной и более престижной работой.

Исследования по этому направлению заставляли прийти к тревожащим выводам: социалистическая трудовая мотивация себя изжила, а новая, рыночная не сложилась. Этот результат вплотную подводил к выводу о необходимости радикальных перемен в системе экономических отношений. Социологические исследования свидетельствовали, что управлять по-старому и иметь эффективную экономику — невозможно.

Материальное благосостояние, уровень жизни сельского населения. Особенности этого направления (М. Сидорова, М. Можина, Т. Кузнецова, З. Калугина, А. Шапошников, В. Тапилина, Л. Хахулина и др.) состояли, во-первых, в том, что изучался сложный комплекс характеристик, лежащих за рамками труда, куда входили жилищные условия населения, потребление общественных услуг; во-вторых, проводились глубокие исследования личных подсобных хозяйств; в-третьих, в рамках этого направления впервые начали изучать всю совокупность доходов, получаемых всеми членами семьи из разных источников.

Особо надо сказать о новосибирской научной школе сельской социологии (точнее было бы называть ее школой социальных проблем села). Она начала формироваться во второй половине 60-х годов на базе отдела социологии, созданного в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭиОПП СО АН СССР). Созданию этой школы благоприятствовали особые условия: концентрация в Академгородке молодых исследователей, приехавших в Сибирь из разных центров страны (в основном из Москвы и Ленинграда) ради возможности заниматься наукой; инициатива и поддержка нового направления директором института академиком А.Г. Аганбегяном; наличие авторитетного научного руководителя Т.И. Заславской; наличие финансовых возможностей, предоставлявшихся Сибирским отделением АН СССР для систематического проведения экспедиций в районы Новосибирской области и Алтайского края.

Первое конкретное исследование было посвящено миграции сельского населения Новосибирской области (Т.И. Заславская, Л.В. Корель и др.). Основная цель состояла в выяснении глубинных причин (факторов) миг-

рации и в разработке практических рекомендаций по регулированию этого процесса¹⁸. Однако социальные факторы миграции были представлены столь широко, анализ их влияния на миграционное поведение жителей деревни оказался столь объемным, что это исследование довольно быстро вышло за первоначальные рамки и переросло в другое, более крупное направление, объектом которого стала уже не миграция, а деревня как система жизнедеятельности населения, включая и весь комплекс условий жизни, и сферу труда. Нисслучайно после первой монографии, названной «Миграция сельского населения», все последующие были посвящены комплексным описаниям деревни как системного объекта¹⁹.

Масштабы исследования были значительными. О них свидетельствуют, например, характер и объемы собираемой информации, статистической и социологической.

Совокупность изучавшихся проблем охватывала все основные стороны жизнедеятельности населения деревни: состав семьи, занятость всех ее членов, трудовую деятельность работающих, учебу школьников, условия воспитания дошкольников, жилищные условия, домашнее хозяйство семьи, ее личное подсобное хозяйство; использование общественных услуг — транспортных, медицинских, культурно-образовательных, бытовых; участие в управлении производством (по месту работы). Собиралась информация о всех источниках доходов семьи, о миграционных намерениях, о родственных связях за пределами села и др.²⁰

Статистическая информация собиралась с помощью 12 статистических форм. Эти формы разрабатывались научными сотрудниками отдела социологии, но заполнялись работниками местных филиалов Госкомстата СССР.

Значительными были и масштабы выборки: в первом опросе 1967 г. были опрошены свыше 5 тыс. семей, что составило более 10 тыс. сельских жителей. К тому же исследование носило панельный (мониторинговый) характер: оно повторялось с интервалом в пять лет — в 1972, 1977 и в 1982 гг. Наряду с новыми вопросами к населению, в анкеты повторно включались и ранее задававшиеся.

Однако главными в успешности работы новосибирского коллектива были, конечно, не масштабы информации и поля, а два других фактора:

¹⁸ См.: **Миграция** сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970; **Корель Л.В.** К вопросу о связи между потенциальной и реальной миграцией сельских жителей в города // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск: Наука, 1972.

¹⁹ См.: **Методология** и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980; **Проблемы** системного изучения деревни / Науч. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1975.

²⁰ См.: **Методология** и методика....

1) организация исследования, особенности разделения и кооперации труда в научном коллективе и 2) используемая методология.

Особенность организации исследования состояла в том, что несколько десятков участников, изучая достаточно сложный социальный объект, работали как одно целое. Эффективность исследования обеспечивалась строгой специализацией при одновременной жесткой интеграции, увязке разных тем, отражающих разные стороны жизни сибирской деревни. С одной стороны, в основе исследования лежала единая концепция развития деревни: единое представление о механизме ее функционирования, ее связях с городом и др. Использовались единая программа сбора информации, сходные методы обработки и анализа. С другой стороны, каждый исследователь был самостоятельным специалистом в своей теме и мог углубляться в нее, насколько хотел. В результате тематически разных исследований итоговая картина сибирской деревни получалась весьма богатой, многогранной.

Исходным и в то же время базовым фактором формирования ново-сибирской научной школы явилась использовавшаяся методология. Причем, методология двоякого рода: общенаучная и специальная. Принятая общенаучная методология, так называемая пятичленка познавательной деятельности, конкретизированная с учетом особенностей социальных объектов (Р.В. Рывкина), формировала у исследователей определенные традиции, касающиеся структуры исследований и требований к их доказательности²¹. Наряду с этим, по мере углубления и расширения исследований, формировался комплекс специальных методов, адекватных тем объектам, которые изучались, и той информации, которую использовали.

Огромную роль сыграл комплексный, экономико-социологический анализ изучаемых объектов. Благоприятно сказалось то, что отдел социологии ИЭиОПП СО АН СССР возник в коллективе экономистов, которые составляли основную часть его кадрового состава. В центре внимания были не классические проблемы социологии, а социальные проблемы сибирской деревни, рассматривавшиеся с учетом экономических условий в стране, состояния производства, социально-бытовой инфраструктуры села. Это придавало исследованиям весьма конкретный, деловой характер.

Весьма продуктивным было внедрение типологического метода обработки информации. Исследователями-сибиряками были построены типологии практически всех уровней структуры села: сельских регионов

²¹ См.: **Методологические** проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1974.

(Т. Заславская, С. Крапчан²²), сельских административных районов (В. Федосеев), сельских поселений (Е. Горяченко²³), аграрных городов (А. Троцкий), типов сельскохозяйственных предприятий (П. Коло-совский, Л. Косалс²⁴) и типов поведения, например, типология сельских потребителей товаров и услуг (В. Тапилина, Л. Хахулина, Т. Богомоллова), образа жизни (Р. Рывкина, В. Артемов²⁵), семейных экономик (А. Шапошников). Если учесть, что каждая из этих типологий строилась на базе огромной статистической информации, то надо признать, что названный комплекс типологий можно считать довольно полным.

Если вернуться к социологии села советского периода в целом, то надо отметить еще одну ее особенность (которая проявилась и в новосибирской школе) — прикладную направленность. Классическим примером прикладных исследований было изучение системы сельского расселения. Активно изучались проектирование и застройка сельских населенных пунктов, в центре внимания были сельское жилье, организация личных подсобных хозяйств и др. Все эти темы свидетельствовали о том, что сельская социология была связана с государством, с его аграрной политикой²⁶.

В первые годы широкомасштабного реформирования всей страны в целом и аграрного сектора в частности традиции советской социологии села если не полностью, то в большой мере были утрачены — не проводились ни межрегиональные, ни крупные сравнительные исследования, отсутствовал анализ условий жизни сельского населения.

В первой половине 90-х гг. советские традиции исследований села еще поддерживались. Так, в 1992—1994 гг. Аграрный институт РАСХН (А. Петриков) изучал отношения работников сельского хозяйства к земельной реформе. Выяснялись их отношения к частной собственности на землю, фермерству, реорганизации колхозов и совхозов, а также самооценки их социально-экономического положения. Было опрошено около 10000 сельских жителей в пяти регионах европейской России и Сибири²⁷. Однако в последующие годы эти исследования прекратились. На смену социологическим опросам пришел сбор статистической информа-

²² См.: **Социально-демографическое** развитие деревни. М.: Наука, 1986.

²³ См.: **Развитие** сельских поселений / Под. ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучни-ка. М.: Статистика, 1977.

²⁴ См.: **Косалс Л.Я.** Социальный механизм инновационных процессов. Новоси-бирск: Наука, 1989.

²⁵ См.: **Артемов В.А.** Бюджеты времени населения города и деревни. Новоси-бирск: Наука, 1990.

²⁶ См.: **Социально-экономическое** развитие сибирского села / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука, 1987.

²⁷ См.: **Петриков А.** Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

ции путем переписей крестьянских дворов, сплошных описаний деревень определенных сельских районов страны.

Вместе с тем нельзя не признать, что в 90-е г. зародились новые направления исследований.

Практически все современные исследователи российского села обращают внимание на необходимость понять суть и динамику протекающих в данной сфере процессов. Очевидно, что без понимания динамики невозможно осмыслить существующее положение вещей. Научное сообщество единодушно в том, что российское село, как и российское общество в целом, в настоящий исторический момент переживает период глубокой трансформации. Однако нет единодушия в понимании сущности, закономерностей, тенденций трансформационных процессов. Исследователями предлагаются различные концепции для их объяснения, часто опирающиеся на противоположные теоретические основания.

Окончательной теории, объясняющей трансформационные процессы современного российского села и общества в целом, нет ни у кого. Поэтому целесообразны и полезны дискуссии на данную тему. Ключевой проблемой становится сложность соотношения общих социально-философских концепций с конкретным социологическим материалом. Отсюда необходимость и трудность построения теорий «среднего уровня». В настоящий момент усилия ученых направлены на разработку методологии и методик исследования социальных процессов, в том числе на селе. Сложились несколько социологических школ, представители которых уже более десяти лет исследуют трансформационные процессы в российском селе. Особого внимания заслуживают коллективы исследователей под руководством З.И. Калугиной, Т. Шанина, В.В. Пациорковского.

З.И. Калугина опирается на теоретические положения и методологию изучения трансформационных процессов, разработанную Т.И. Заславской. Последнюю не устраивают существующие концепции общественного развития. В частности, она критикует формационную и модернизационную парадигмы, а также современные подходы к изучению посткоммунистических трансформаций²⁸. Т.И. Заславская предлагает альтернативную концепцию. Она справедливо отмечает необходимость задавать нормативные, а не фактические направления трансформационных процессов, поскольку это позволяет оценивать эффективность происходящих сдвигов с точки зрения жизненных интересов общества. По мнению ученого, фундаментальным критерием расцвета / деградации общества является уровень его динамического, или человеческого, потенциала. Речь идет об уровне жизнеспособности общества, готовности к развитию и активному ответу на вызовы современности. Уровень динамического потенциала

²⁸ См.: **Россия**, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 22—29.

определяется качеством социальной структуры и эффективностью институциональной системы. При этом институциональная система (система правил игры, регулирующих жизнедеятельность данного общества) изменяется быстрее социальной структуры и детерминирует последнюю. Человеческий потенциал еще более инертен.

Для понимания механизма трансформационных процессов, как он представляется Т.И. Заславской, важно понятие акторов как «тех социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества»²⁹. Акторы макроуровня определяют системное преобразование институциональной структуры общества, т. е. трансформацию нормативно-правового пространства. Следует согласиться, что трансформационная активность акторов макроуровня носит определяющий характер. Активность акторов мезоуровня характеризуется как социально-инновационная деятельность, акторов микроуровня — как реактивно-адаптационная. При этом адаптационное поведение масс вызывает качественные изменения базовых социальных практик, являющихся конкретными формами функционирования общественных институтов. Последние рассматриваются как сущность по отношению к социальным практикам, изменения в которых свидетельствуют о соответствующих институциональных сдвигах.

Ключевой проблемой становится переход от уровня социальных практик к уровню их сущности — социальных институтов, поскольку уровень сущностей недоступен непосредственному восприятию и вообще дискуссионен. Методологию данного перехода можно обнаружить в многочисленных публикациях Т.И. Заславской.

З.И. Калугина конкретизирует разработанную Т.И. Заславской методологию, применяя ее в изучении трансформационных процессов на селе. Исследуется активность, прежде всего, акторов микроуровня. Поэтому на первый план выходит анализ форм адаптации сельского населения и сельскохозяйственных предприятий к социально-экономическим трансформациям общества. При этом «стратегии выживания» сельских семей напрямую связываются с хозяйственными стратегиями предприятий, в которых работают их члены: «В современных условиях экономическая эффективность предприятия при прочих равных условиях значительно дифференцирует уровень жизни и стратегии выживания сельских семей»³⁰.

Опираясь на результаты социологических исследований, З.И. Калугина выделяет четыре модели хозяйственных стратегий, соответ-

²⁹ Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 6.

³⁰ Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3. С. 77.

ствующие им формы адаптации сельскохозяйственных предприятий и сельских семей³¹.

1) активная рыночная стратегия — конструктивная инновационная адаптация предприятия, ориентация большинства семей на повышение или стабилизацию имеющегося уровня жизни;

2) традиционная хозяйственная стратегия — компенсационная адаптация предприятия, доминирующая стратегия домохозяйств направлена на сохранение имеющегося уровня жизни без расчета на его улучшение;

3) неадекватная хозяйственная стратегия — депривационная адаптация предприятия, ориентация на выживание или сохранение имеющегося уровня жизни;

4) пассивно-выжидательная хозяйственная стратегия — разрушительная деструктивная адаптация предприятия, ставящая работников и членов их семей на грань физического выживания.

Хозяйственные стратегии и соответствующие им формы адаптации понимаются З.И. Калугиной как «способы приспособления к резко меняющимся социально-экономическим условиям»³². В основу выделения форм адаптации легли выявленные различия в хозяйственной, социальной и кадровой политике руководства предприятий.

Важной теоретической и методологической проблемой является объяснение причин предпочтения сельским населением, в том числе в производственной сфере, тех или иных форм адаптации. З.И. Калугина обнаруживает социально-психологические причины. Во-первых, сельское население неоднородно; трансформации затрагивают интересы различных социальных групп. «Интересы этих социальных групп в аграрных преобразованиях не совпадают. Возможности, способы и рычаги реализации этих интересов также различны, соответственно различны стратегия и тактика поведения данных социальных групп в этих процессах»³³. Во-вторых, индивиды и группы обладают различными «адаптивными ресурсами», составляющими их «адаптивный потенциал», который «определяет скорость процесса адаптации, его конечные результаты, степень адаптированности субъекта»³⁴. В-третьих, успешность адаптации к рыночным преобразованиям связывается с формированием соответствующего типа личности. «На смену человеку-“винтику”, адекватному принципам ведения

³¹ См.: Калугина З.И. Сельское предпринимательство в сельской России: институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 199—200.

³² Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е издание. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. С. 92.

³³ Там же. С. 46.

³⁴ Там же. С. 112.

социалистического планового хозяйства, должны прийти инициативные, самостоятельные и ответственные экономические субъекты, способные функционировать в условиях экономической свободы»³⁵.

Помимо предприятий и семей, рассматривается также адаптация различных социальных групп, в частности этнических, а также адаптация сельских женщин к новым социально-экономическим условиям.

З.И. Калугина работает по преимуществу в рамках сельской экономической социологии, исследует социальные аспекты трансформационных процессов в сфере аграрного производства и на селе в целом.

Эмпирическую базу работы З.И. Калугиной составляют результаты социологических исследований сельских районов Новосибирской области. Данные исследования осуществляются сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН под руководством проф. З.И. Калугиной, начиная с 1990 г. Кроме того, она опирается на результаты социологических исследований Республики Алтай, Томской и Кемеровской областей, в меньшей степени — других регионов Сибири.

Весьма характерным в плане поисков новых путей и направлений исследований села является проект, руководимый профессором Манчестерского университета Теодором Шапиным. Т. Шанин возглавляет большую группу исследователей трансформационных процессов на селе, в которую входят О. Фадеева, А. Никулин, В. Виноградский и мн. др. Проблемам методологии в данной научной школе уделяется особое внимание. В ее рамках разработана и непрерывно совершенствуется так называемая «методология двойной рефлексивности», опирающаяся на неокантианскую традицию различения «наук о природе» и «наук о духе». Последние должны учитывать специфику человеческой реальности. «Основным элементом человеческой жизни и ее особенностью являются вопросы смысла и выбора при определении действий субъекта, поэтому для исследователей сферы человеческой деятельности так важна именно расшифровка субъективного в объекте»³⁶. Свою позицию Т. Шанин характеризует как «фундаментальный гуманизм», реализуемый в эпистемологии, методологии и прикладной исследовательской работе³⁷. Суть этого гуманизма состоит в превращении «респондентов» в партнеров по исследованию и отношении к ним как равным.

³⁵ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России... С. 35.

³⁶ Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002. С. 15—16.

³⁷ Там же.

Английский исследователь критикует такие распространенные методологические «неадекватности», как «ограниченность статистических методов», «государственный взор на окружающий мир» и «узкий прагматизм мышления». Он противопоставляет им методологию двойной рефлексивности как «соотношение между: а) тем, что наблюдается исследователем; б) влиянием исследователя на изучаемый объект и их взаимовлиянием; в) субъективностью субъекта, выражающейся главным образом в том, что объект исследования определяет и объясняет поступки и сделанный им выбор»³⁸.

Методы работы коллектива Т. Шанина содержат много общего с теми, которые использовались дореволюционными исследователями деревни и в 20-е гг.³⁹ Свой предмет Т. Шанин называет «Крестьяноведение». По Т. Шанину, это — самостоятельная отрасль общественной науки, объект которой — крестьянин, его семья и его хозяйство, а также его село и взаимодействующая с этим миром природа⁴⁰. Исследования Т. Шанина продолжают традицию, заложенную А.В. Чаяновым, исследовавшим крестьянское хозяйство⁴¹.

Между тем и сельская семья, и экономика села, и различные прочие аспекты жизнедеятельности локальных сельских общин всегда изучалась социологами — как в Москве, так и в новосибирской школе. Таким образом, мы полагаем, что «крестьяноведение» все же не является самостоятельной наукой, а предметно принадлежит социологии села.

Методология «двойной рефлексивности» конкретизируется в качественной методологии, разрабатываемой школой Т. Шанина. Суть качественной методологии, по Т. Шанину, заключается в том, что наблюдаемые действия и взаимодействия индивидов связываются с тем, как они понимаются самими участниками. При этом ученый не призывает отказаться от количественных методов в социологии; напротив, говорит о необходимости сочетания качественных и количественных методов, которые дают различные, но взаимодополняющие срезы одного и того же предмета исследования. Если количественные методы опираются на статистику (анкетные опросы), то качественный анализ предполагает работу с понятиями и категориями. Тем не менее, в реальном социологическом исследовании — справедливо указывает Т. Шанин — количественные и качественные методы присутствуют, повышая его эффективность: статистические данные зависят и отчасти вытекают из значений и категорий, которые, в свою очередь, проверяются данными, часть которых выражена статистически.

³⁸ См.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение... С. 81.

³⁹ См.: Петриков А. Специфика сельского хозяйства...

⁴⁰ См.: Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник 1996 / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996.

⁴¹ См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

Интерактивность полевого исследования — важный аспект методологии двойной рефлексивности, заключающийся в особом внимании к процессу взаимодействия субъекта и объекта исследования. Т. Шанин подчеркивает необходимость вживания социолога в изучаемое сообщество, формирования равных и доверительных отношений с наблюдаемыми, что позволяет получить более достоверную информацию. Методология исследовательских проектов Т. Шанина основана на наблюдении за повседневной жизнью отобранных сел. Как правило, в каждом селе группа из двух исследователей работает в течение 8 месяцев, после чего переезжает в следующее село. Исследования Т. Шанина нацелены на изучение истории сельских семей и сел, анализ бюджетов доходов и расходов, а также бюджетов времени населения деревень. Изучаются и проблемы местного управления, экономические связи, собирается информация о доходах и расходах семей путем ежедневного самозаполнения специальных бланков обо всех видах поступлений и расходов.

За полуторадесятилетний период работы Центра крестьяноведения и аграрных реформ под руководством Т. Шанина география исследований постепенно сужалась. Это связано с углублением методик социологической работы, все более решительным отказом от количественных и формальных методов исследования. Если первый проект (октябрь 1990—1994 гг.) широко охватывал регионы России (Западная Сибирь, Поволжье, Ставрополье, Архангельская, Калининградская области и т. д.), а также Белоруссию, Казахстан и Среднюю Азию, то второй (1995—1996 гг.) ограничился селами Поволжья, центральной и южной России, а третий (1999—2001 гг.) вообще локализовался в двух регионах — Краснодарском крае и Саратовской области⁴².

Важное значение для исследований социальных проблем села имеет межстрановой проект, выполняемый с 1991 г. Университетом Миссури—Колумбия США совместно с лабораторией социальных проблем села и социальной инфраструктуры Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН).

В своих исследованиях коллектив исследователей ИСЭПН РАН ставит перед собой следующие задачи:

- мониторинг трансформации социальной инфраструктуры и сферы услуг;
- исследование трансформации жизнедеятельности сельского населения;
- изучение потенциала современного крестьянского хозяйства и тенденций земельных отношений в России.

⁴² См.: Фадеева О., Никулин А. Исследование и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди (1990—2001 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002. С. 99—101.

Социологические исследования коллективом под руководством В.В. Папиорковского осуществляются в селах Центральной России.

Как тема, так и методология исследования не являются принципиально новыми для России. Они базируются на традициях изучения качества жизни сельского населения, получивших распространение в период социализма. Новизну исследованиям придает тот факт, что они изучают село в условиях реформирования и направлены на анализ той ломки всего сельского быта, которая вызвана кризисным состоянием экономики.

В исследованиях коллектива под руководством В.В. Папиорковского предпочтение отдается статистическим методам исследования. Тем не менее, качественные методы не игнорируются полностью: «...для отражения в работе творческого потенциала опрашиваемых, нами постоянно вводятся, естественно там, где это возможно, их комментарии и оценки, сохраняющие колорит и звучание первоисточника»⁴³. В своих исследованиях В.В. Папиорковский использует также глубинные видеосью интервью и открытые формы опросов.

Оригинальный подход в рамках сельской социологии развивает старший научный сотрудник Института географии РАН Т.Г. Нефедова. Она концентрирует свое внимание на географическом аспекте трансформаций российского села. Одним из базовых понятий поэтому становится понятие сельского пространства. «Три главных фактора стали решающими для пространственной организации сельской местности: а) природные различия (с севера на юг и с запада на восток), б) крупные города и в) национальный состав населения»⁴⁴. В своих работах Т.Г. Нефедова исследует природно-климатические, социально-экономические и особенно демографические (урбанизированность и плотность населения, половозрастная структура населения, его этнический состав, миграционные тренды и т. д.) факторы, определяющие, по ее мнению, структуру и динамику российского сельского хозяйства и российского села вообще.

Свои выводы Т.Г. Нефедова строит на результатах собственных полевых исследований, которые осуществляются в селах европейской России, и на статистических данных. «О том, как устроено и как меняется в новых условиях пространство российского сельского хозяйства, об очагах его провалов и успехов можно судить по некоторым индикаторам. Таковыми могут служить продуктивность скота и урожайность зерновых культур»⁴⁵.

⁴³ Папиорковский В.В. Сельская Россия: 1991—2002 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.

⁴⁴ Нефедова Т.Г. Географические вариации сельского хозяйства. Географические градиенты и фрагментация пространства // <http://www.strana-oz.ru/?numid=16&article=748>

⁴⁵ Нефедова Т.Г. Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности // <http://www.socio.ru/wr/3-03/Nefedova.htm>

Один из своих основных выводов Т.Г. Нефедова формулирует следующим образом: «Главным географическим фактором дифференциации сельскохозяйственной деятельности оказывается тип освоения и заселения пространства. В России он определяется редкой сетью городов, способных оказывать цивилизующее воздействие на сельское окружение. На Юге агросектор опирается на благоприятные природные предпосылки и неистраченный трудовой потенциал. В промышленном Нечерноземье города как насосы выкачивали сельское население обширных территорий. Но их недостаточно, чтобы везде создать плотную экономическую среду. Там, где выше плотность городов и где они крупнее, большие ареалы относительного благополучия общественного сельского хозяйства, лучше его средние показатели»⁴⁶.

Рассмотрев основные направления современной сельской социологии, можно сделать вывод о дифференциации исследований села по преобладающей методике: одна группа исследователей опирается на количественные методы, другая — на качественные. При этом, безусловно, везде используются и качественные, и количественные методы; разница в приоритетах.

Качественный подход последовательно реализован в исследованиях Центра крестьяноведения и аграрных реформ под руководством Т. Шанина и до недавнего времени В.П. Данилова. Предпочтение количественных методов наиболее отчетливо просматривается в исследованиях В.В. Папиорковского.

Проблемы социальной политики и социальной защиты населения в постперестроечный период обсуждались весьма активно как в научной, так и в управленческой среде. Интерес к этим проблемам стимулировался актуальностью рассмотрения социальных последствий рыночных реформ в России⁴⁷. При этом весьма значительное внимание уделялось анализу зарубежного опыта, попыткам его адаптации к российским условиям⁴⁸. Такая ориентация на реалии, присущие социальной ситуации в других странах, несмотря на очевидные позитивные аспекты, имела и отрицательный эффект, поскольку специфика ситуации в России оказывалась за пределами рассмотрения.

⁴⁶ Нефедова Т.Г. Географические вариации...

⁴⁷ См.: Пирогов Г.Г. и др. Механизм защиты социальной сферы. М., 1992; **Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа.** М., 1989; **Социальная справедливость и проблемы перехода к рыночной экономике.** М., 1992; **Роговин В.З.** Социальные ориентиры изменяющегося общества. М., 1993.

⁴⁸ См. например: **Роик В.Д.** Социальная защита: управление условиями труда и охраной труда. Опыт зарубежных стран. М., 1992; **Социальное партнерство: Зарубежный опыт.** М., 1995; **Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе.** М., 1997.

В настоящее время появились работы, подводящие итог дискуссиям предыдущего периода⁴⁹. Тем не менее, надо отметить, что во всех этих работах проблемы сельского населения затрагиваются слабо.

Наиболее важно то, что выработка и обсуждение государственной социальной политики, направленной на село, происходит совершенно без учета фундаментальных результатов исследований в области сельской социологии, о которых говорилось выше. Таким образом, прослеживается необходимость исследований, направленных на соединение новейших достижений отечественной сельской социологии с проработкой вопросов социальной политики. Весьма вероятно, что реализация новых научных подходов будет способствовать формированию в России социальной политики, более учитывающей проблемы и нужды села.

1.2. Методология и методические аспекты социологического исследования

Характер социологии села в постсоветской России существенно меняется.

Во-первых, социология села сконцентрирована не на макро-, а на микро-объектах. Она базируется, скорее, не на массовых опросах, а на данных, полученных с помощью интервьюирования сравнительно небольших по численности совокупностей жителей села, а также включенных наблюдений.

Концепция глобализации является в современной социологии наиболее популярным инструментом анализа социальных процессов⁵⁰. В основе всех теорий глобализации лежит дихотомическая типология социальной организации: локальная versus глобальная. В рамках этой типологии, общественными изменениями могут быть лишь процессы, связанные со смежной пространственных характеристик социальной организации и социальных взаимодействий.

Но в теориях глобализации это дихотомическое различие становится парадигмой описания и объяснения любых тенденций и используется для создания теоретических моделей изменений за историческими и географическими пределами сдвига. Таким образом, трансформация системы происходит не только на уровне системных связей (гло-

⁴⁹ См.: **Социальная политика** в современной России. М., 1993; **Социальная политика** в период перехода к рынку: Проблемы и решения. М., 1996; **Социальная политика и социальная работа** в изменяющейся России. М., 2002; **Григорьев И.А.** Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. СПб., 1998; **Социальная политика: парадигмы и приоритеты** / Под ред. В.И. Жукова. М., 2000.

⁵⁰ См.: **Giddens A.** The Consequences of Modernity. Stanford, 1990; **Appadurai A.** Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.

бальном), но и на уровне связываемых элементов системы — «местных событий» (локальном).

В нашем исследовании предполагается подойти к данной проблематике, основываясь на анализе ситуации в локальных сообществах. Как показывает опыт изучения развивающихся стран, именно преобразование внутренней структуры локальных сообществ, очевидно, является решающим фактором в успешности процесса модернизации в этих странах⁵¹. Традиция изучения сельских локальных сообществ в эмпирической социологии восходит к классическим работам Лазарсфельда и Мертон. Многими исследователями отмечается также тенденция к поддержанию самоидентичности сообщества за счет возрождения различного рода архаичных социальных механизмов⁵².

В центре нашего исследовательского внимания — сельские сообщества, рассматриваемые как отдельные, исторически сложившиеся, относительно автономные по отношению к остальному миру социальные системы, имеющие собственные социальные механизмы поддержания самоидентичности. При такой трактовке локальное сообщество, в отличие от пассивного «населения», механически воспринимающего нововведения, декларируемые на уровне государственной политики, является активным агентом происходящих социальных перемен, вырабатывающим специфические формы адаптации к ним. Социальное содержание экономической трансформации, происходящей в обществе, касающейся внешне обусловленных социально-экономических преобразований и реакций населения на эти преобразования, наиболее отчетливо проявляется на примере сельских сообществ, где фундаментальные экономические сдвиги, а также обусловленные ими социальные изменения выступают в форме моделей, демонстрирующих истинную природу трансформационных процессов.

Во-вторых, существенные изменения претерпевает методология исследований.

В последние десятилетия новые независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, переживают этап системной трансформации, сопровождающийся не только созидательными, но и разрушительными процессами. Системная трансформация ставит общества перед трудностями социального, экономического и культурного характера, изменяет цели, средства и способы функционирования социальной системы, приводя ее в особое состояние, формируя специфическое сознание и поведение людей, специфические социальные адаптационные реакции, сопровождаемая появлением новых социальных феноменов.

⁵¹ См.: **Janelli R.L.** Making capitalism: The social and cultural construction of a South Korean conglomerate. Stanford, 1993.

⁵² См.: **Poliakov S.** Everyday Islam: religion and tradition in rural Central Asia. - N.Y., 1992.

Переходное состояние является одной из характерных черт современной эпохи. Речь идет о глобальном переходе к обществу, основанному на информационных постиндустриальных технологиях, т. е. о качественном изменении всех процессов: социальных, экономических, политических. В состоянии перехода, или транзита, оказались не только развивающиеся, но и развитые страны. Некоторые государства мира на нормативном уровне уже признали переходное состояние и формулируют собственную политику именно на этом фундаменте, заранее признавая возможность нелинейности дальнейшего развития социальных процессов и внезапного слома тенденций.

Если говорить только о глобальном переходе к информационному обществу, то он имеет место лишь в странах, которые уже находятся на определенном этапе устойчивого развития и основываются на детерминированных и сбалансированных интеракциях подсистем и уровней общества. В то же время, довольно значительная часть стран объективно оказалась в условиях двойного транзита: с одной стороны, в этих странах осуществляется переход от закрытых, жестко структурированных социально-политических систем к открытым обществам, с другой стороны, эти страны оказываются в условиях глобального перехода к информационному обществу. К таким странам принадлежат и постсоветские государства.

Особенности исторического и социально-экономического развития определили своеобразие проблем и противоречий, с которыми сталкиваются постсоветские общества. Вместе с тем, постсоветским государствам свойственны многие из социально-экономических противоречий, порожденных глобализацией и характерных для других регионов мира. В итоге, постсоветским государствам свойственны противоречия как развитых постиндустриальных стран, так и стран отстающего и догоняющего развития.

Принадлежность всех постсоветских государств к одному типу общества (советскому) породила, во-первых, общие черты институционального устройства, а во-вторых, проблемы, связанные с его изменением. Общность развития государств, по мнению российского академика Т. Заславской, обусловлена следующими факторами⁵³:

1. Практически одинаковый костяк формально-правовых институтов, доставшийся в наследство от советской системы и формирующий сущность постсоветских социально-политических систем.

2. Идентичность объективных вызовов, которые глобализирующийся мир предъявил бывшим советским республикам на переломе XX–XXI вв. Для выживания и устойчивого развития им требовалось не только сформировать современную правовую государственность, обеспечить национальную безопасность, развить рыночные отношения, решить социальные и национальные проблемы, но и создать принципиально новую экономику,

⁵³ См.: **Россия**, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003.

основанную на технологиях постиндустриальной эпохи, что предполагало и преобразование всей социальной структуры постсоветских государств.

3. Неясный, промежуточный статус, который все постсоветские государства занимают в мировом сообществе, расколотом на «золотой миллиард» и «общность развивающихся стран».

4. Политическая, экономическая и социальная отсталость, неразвитость или отсутствие гражданского общества, глубокое отчуждение личности от власти и общества, затрудняющие адекватное реагирование на глобальные вызовы XXI в.

5. Тесные экономические, политические, социальные, культурные, военные и демографические связи, исторически сложившиеся между бывшими республиками СССР.

Таким образом, исходным пунктом развития постсоветских обществ послужил распад советской социалистической системы, а конечной целью их трансформации явилось построение демократического общества с развитой рыночной экономикой.

Радикальные преобразования в постсоциалистических странах, начавшиеся в конце 80-х гг. XX в., привлекли пристальное внимание ученых и актуализировали теоретические и практические исследования переходного развития этих стран. Однако теория перехода постсоциалистических стран к принципиально новым общественным отношениям долгое время не разрабатывалась. Зарубежные ученые отмечали «...отсутствие в исторической практике такого перехода», поэтому создание добротной теории оказалось сложным и длительным процессом⁵⁴.

Фундаментальная теория переходного периода до сих пор находится в стадии становления. Каждая из постсоциалистических стран при определенных общих трансформационных закономерностях все значительнее разнится по опыту, скорости и последовательности проведения рыночных реформ. В каждой из стран с переходной экономикой объективно вырабатываются свои теоретико-методологические подходы к рыночным преобразованиям и построению рыночной модели экономического развития на основе законов рыночного саморегулирования или же адаптированной модернизации экономики⁵⁵.

На практике отсутствие разработанной теории переходного периода оказывается одной из причин непоследовательности в проведении политики экономических реформ в постсоветских государствах и недостаточной обоснованности ряда принимаемых решений.

В то же время, отсутствие общепризнанной фундаментальной теории переходного периода порождает различные теоретические точки зрения

⁵⁴ См.: **Harrison Ph.** The Current State of Soviet Economic Reforms. Brussels, 1989.

⁵⁵ См.: **Кошанов А.К.** Трудное восхождение. На путях к рынку. Избранные труды. Астана, 2004.

на сущность и перспективы переходных процессов. Некоторые российские политологи и социологи выражают сомнение в том, можно ли считать государства, которые вступили на путь построения демократии западного типа и рыночных реформ около десяти лет назад, до сих пор находящимися в состоянии перехода. «Нам представляется, что в настоящее время правомерно говорить о том, что в большинстве посткоммунистических центрально- и восточноевропейских стран (за исключением некоторых балканских стран), России и прибалтийских республиках переходный период практически завершен»⁵⁶. Однако при этом не обсуждаются критерии такой завершенности. Более того, делается ссылка на точку зрения З. Бжезинского, согласно которой Россия является страной частично свободной и занимает промежуточное положение между наиболее продвинутыми в демократическом плане постсоветскими республиками — Латвией, Литвой и Эстонией — и не демократическими странами Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан).

Говоря о России, вряд ли можно считать, что она «проскочила» транзит, если все еще остается страной частично свободной, в которой демократические институты на одних уровнях действуют, а на других буксуют. Вопрос о завершенности переходного периода в постсоветских государствах не всеми решается однозначно. Существуют точки зрения, согласно которым постсоветские общества в большинстве своем являются транзитивными, еще не закончившими стадию постсоветского перехода⁵⁷.

Отсутствие единой точки зрения на сущность переходных процессов в постсоветских государствах отнюдь не препятствует развитию исследований в области транзитологии. Достаточный объем накопившихся исследований, касающихся специфики переходных процессов в странах бывшего социалистического лагеря (странах Центральной и Юго-Восточной Европы) и странах СНГ, позволил определить тенденции, общие для развития транзитных обществ.

Основными направлениями перехода оказываются политический, институциональный и экономический.

Переходные процессы в политической сфере происходят от полностью контролируемой государством централизованной политической системы к более децентрализованной и демократической форме государственного управления.

В институциональной сфере переход осуществляется от институциональной системы централизованного планирования к институтам рыночной экономики.

⁵⁶ См.: Рукавишников В.О. Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 31.

⁵⁷ См.: Титаренко Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания // Социологические исследования. 2003. № 12.

В экономике переходный период характеризовался дезинтеграцией единого экономического пространства бывшего Советского Союза и стран-членов СЭВ, приведшей к нарушению торговых и финансовых связей и связей между рынками рабочей силы.

Общая схема переходного процесса предполагает, что в каждой из этих трех областей было два этапа перехода⁵⁸:

Первый этап характеризовался экономическим спадом, дезинтеграцией и разрушением существующих политических, институциональных и экономических связей. При этом наиболее заметно процессы дезинтеграции проявились в странах СНГ, где традиционно были сильны экономические связи, ориентированные преимущественно на советскую систему, и существовало жесткое централизованное планирование. Стран Центральной и Юго-Восточной Европы дезинтеграция коснулась в гораздо меньшей степени в силу того, что они имели относительно свободный доступ к западным товарам и капиталам.

Второй этап переходных процессов был этапом подъема и характеризовался реформами в каждой отдельно взятой стране и реинтеграцией этих стран в рамках новых экономических и политических структур. При этом наблюдались существенные различия в темпах и масштабах реформ.

Анализ различных направлений перехода позволяет оценить эффективность модернизационных реформ, осуществляемых постсоветскими государствами.

Предполагаемый характер и перспективы дальнейшего развития постсоветских государств содержатся в дефинициях их современных политических систем: являются ли они только промежуточным итогом трансформации или уже сложившимся новым типом политического режима. До 1993 г. преобладало мнение, что переход к демократии и рыночному хозяйству произойдет сравнительно быстро и что, соответственно, существующие системы по своей природе являются транзитными, поэтому исследования были сконцентрированы на процессах демократизации. В последующие годы, когда появились первые признаки формирования типологически своеобразных, устоявшихся режимов, на первый план вышли проблемы консолидации демократии, и возникла проблема определения этой, скорее стабилизирующейся, чем переживающей переход, политической системы.

Конкретные исследования процессов трансформации в странах СНГ ориентируются чаще всего на формальные, прежде всего, политические и правовые институты.

⁵⁸ См.: Линн И. Переходные процессы в странах Центральной и Юго-Восто-
пы и СНГ: социальный аспект // Модернизация экономики России: социальный кон-
текст. 4 Международная научная конференция, организованная Высшей школой
экономики. М.: ВШЭ, 2003.

Большинство западных исследователей сегодня убеждено, что консолидация демократии западного типа в России и других бывших республиках СССР не состоялась, поскольку образование новых формальных институтов в этих странах до сих пор не завершено. Что касается развития партийной системы, то ее консолидации также не произошло, политические партии находятся в тени, реальную политику определяют разнообразные группы элит, а политические партии практически не участвуют в процессе принятия политических решений. Таким образом, формальные институты в новых независимых государствах недостаточно сформированы, чтобы определять трансформационные процессы, и пока еще уязвимы для их использования в интересах элит.

Процессы политической трансформации тесно связаны с трансформациями в сфере экономики. Х.-Г. Хайнрих, называющий российский капитализм сторрсальным, полагает, что монетаризация экономики на первых этапах реформ повлияла на последующую монетаризацию политической власти. В то же время, одной из главных причин неудачного макроэкономического развития является незаконченный характер системно-политической трансформации; консолидация рыночного хозяйства в России не происходит во многом из-за неустойчивости политической системы⁵⁹.

Экономическое развитие в переходный период оказалось, пожалуй, наиболее важным критерием оценки модернизационных реформ. В рамках общего перехода к рыночной экономике государствами реализовывались различные концепции этого перехода. Казахстан и Россия придерживались стратегии быстрого реформирования и опирались на методы «шоковой терапии», ускоренной ликвидации старых управленческих структур и на форсированное создание рыночных институтов.

Независимо от конкретной стратегии реформирования экономических реформы в постсоветских странах происходили в направлении утверждения рыночных институтов. В результате, в переходный период в постсоциалистических странах сложился весьма специфический тип экономических отношений, по сути, являющийся особой моделью капитализма. В постсоциалистических странах переход к рыночному хозяйству совершается не от традиционной товарной, а от плановой экономики. Именно это определило специфику поиска эффективного механизма и стратегий экономического, социального и политического реформирования. В условиях постсоциалистических социумов переход к современной рыночной модели — это движение, прежде всего, к смешанной экономике. Как утверждает российский академик Л.И. Абалкин: «Современный переход — это одновременно переход от экономики с ее тотальным огосударствлением к многоукладной экономике смешанного типа, наиболее отве-

⁵⁹ См.: Heinrich H.-G. Vom realen Sozialismus zum surrealen Kapitalismus // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 1997. Jg 26.

чающей современным мировым тенденциям формирования сложной, многоцветной, полиформической, как иногда говорят, экономической системы, включающей в себя, причем не в антагонистических формах, а в виде взаимодополняющих и обогащающих друг друга, самые разные формы собственности, типы хозяйства и т. п.»⁶⁰

Смешанная экономическая система возникает вследствие разгосударствления экономики и объектов собственности, ее существование обусловлено необходимостью разрешения общественных и частных интересов, экономической эффективности и социальной справедливости, она призвана обеспечивать динамический баланс между различными интересами. Важную особенность смешанной экономики составляет не просто параллельное существование государственного и частного секторов, а их взаимодействие, взаимопереплетение и дополнение. Сочетание государственного и частного начал, государственной и частной собственности определяет механизм реализации государством, корпорациями и стихийным рынком своих интересов.

Постсоциалистические государства, осуществляя частичное (иногда весьма значительное) разгосударствление собственности, утверждая равенство всех видов собственности и рыночный механизм регулирования общественного производства, тем не менее, сохраняют определенные позиции в экономике, необходимые для обеспечения социального развития.

В целом, именно этапы экономических реформ определяют этапы реформирования прочих направлений: политического, социального и т. д. Эта тенденция прослеживается на всем постсоветском пространстве.

Россия с начала 1990-х гг. в своем развитии также прошла несколько этапов. Первый этап реформирования (1991—1993 гг.) был связан с демонтажом экономической системы, оставшейся в наследство от советской эпохи. Он сопровождался ломкой привычного уклада жизни, острыми политическими, социальными конфликтами и был тяжело пережит обществом. В сфере экономики в этот период проводилась либерализация цен, началась приватизация собственности.

Второй этап реформирования (1993—1999 гг.) характеризовался попытками стабилизации внутриэкономической и внешнеэкономической ситуации: разработкой механизмов антиинфляционного регулирования, введением в действие валютного коридора, продолжением либеральных реформ, институционализацией частной собственности, продолжением политики приватизации. В этот период удалось остановить наиболее опасные тенденции в экономике и политической сфере. Многие решения, принимавшиеся в те годы, имели не долгосрочный характер, а характер

⁶⁰ Абалкин Л.И. Проблемы переходного периода в экономике России // Эволюционный подход и проблемы переходной экономики. М., 1995.

антикризисных мер, а действия федеральных властей являлись скорее ответами на серьезные угрозы.

С 1999 г. Россия вступила в третий этап модернизационных реформ, который характеризуется стабилизацией макроэкономической динамики и началом экономического подъема. В этот период у России появилась возможность развиваться более высокими темпами, решать масштабные, общенациональные задачи и ставить долгосрочные цели.

Важнейшей предпосылкой и характерной чертой стабильной демократии является консолидированное гражданское общество, опирающееся на устойчивую и сбалансированную социальную систему. Процессы социальной трансформации — в сравнении с политическими, экономическими и институциональными, — наиболее продолжительны, поскольку речь идет об изменении социальных структур, создании новых общественных слоев, консолидации общества в его новом состоянии. Однако в России и других новых независимых государствах такая консолидация осложнена небывалым по масштабу процессом социального расслоения.

Поляризация общества и отсутствие сильного среднего класса, способного быть гарантом стабильности демократической системы, одни из характерных черт трансформационных процессов в постсоветских обществах.

С институциональными сдвигами тесно связан еще один важный аспект трансформационных процессов — изменение норм и ценностей. Идейные и культурные аспекты постсоветских трансформаций как таковых, в отличие от политических и экономических, попадают в поле зрения лишь небольшого числа исследователей. В то же время, процессы, разворачивающиеся в ценностной сфере, также свидетельствуют о том, что еще рано говорить о завершении переходного периода.

В соответствии с парадигмой исторического анализа, заданной Вебером, условием перехода к капитализму являются не сами экономические процессы, а, в первую очередь, радикальное обновление сознания, ценностных ориентаций и установок.

Данные различных социологических исследований показывают, что только поверхностный слой общественного сознания обнаруживает желаемые или нежелательные трансформации, в то время как на глубинном уровне ценностные ориентации носят все еще просоциалистический характер. Если в начале реформ значительная часть населения новых независимых государств испытывала к бывшему советскому социалистическому обществу негативное отношение и воспринимала его как несправедливое, то реформы 1990-х гг. настолько обострили конкретные животрепещущие проблемы, связанные с выживанием, что социальная справедливость казалась уже предметом роскоши. В результате отношение к социализму в очередной раз изменилось: несправедливость распределения дефицитных благ, неоправданные привилегии власть имущих и их окружения,

свойственные советской административно-командной системе, уже не вызывали такого раздражения⁶¹.

Вытесненный реальными тенденциями развития лозунг «социальной справедливости» не был заменен другим, таким же понятным и актуальным для населения лозунгом. Для большинства россиян, не имеющих опыта жизни в либеральных обществах, провозглашенный реформаторами переход к рынку и демократии не был актуален. Не случайно в 1995 г., спустя три года после начала рыночных реформ, около половины сельских жителей все еще не понимало, что такое «рынок», поскольку у многих это понятие ассоциировалось с хаосом, произволом, вседозволенностью, личной беззащитностью, что затрудняло их адаптацию к изменившейся социальной среде. Призывы к «свободе» или «порядку» также не стали долговременной основой для общественной мобилизации и интеграции, ибо, в действительности, разные группы россиян вкладывают в такие понятия разный смысл. Все это, разумеется, стало мощным субъективным барьером целевого реформирования общества⁶².

В данной ситуации утверждение о формировании нового менталитета, нового демократического сознания как необходимого условия завершения переходного периода в постсоветских государствах представляется достаточно спорным. Более того, опыт развития постсоветских государств продемонстрировал, что одним из следствий все большего включения национальных экономик в глобализованное мировое сообщество является реинституционализация традиционных социальных структур.

Социальная практика, вырабатываемая постсоветскими сообществами в ответ на вызов «извне», состоит из нескольких разнородных компонент:

1) архаических структур традиционного типа, т. е. той самой традиции, оппозицией которой выступают разворачивающиеся процессы модернизации;

2) промежуточных структур, сформированных в советский период;

3) переходных структур, создаваемых современным этапом модернизации.

В условиях быстрых и кардинальных трансформаций все эти структуры оказываются тесно переплетенными. В целом, социальная адаптация населения бывших советских государств определяется двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации традиционных национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной индустриальной культуры, во-вторых, влиянием формирую-

⁶¹ См.: Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.

⁶² См.: Шабанова М.А. Посткоммунистический трансформационный процесс в России: «механическая» перспектива анализа // Социологические исследования. 2004. № 1.

щихся рыночных отношений, обуславливающих кардинальное преобразование сложившегося образа жизни.

Очевидно, что современные режимы в новых независимых государствах имеют ярко выраженные черты режимов переходного периода, сформировавшегося в условиях слабого развития гражданского общества. В силу особенностей переходного периода, смены ценностей и приоритетов многие сферы жизнедеятельности постсоветских обществ: экономическая, социальная, политическая и пр. — в течение длительного времени переживают кризисное состояние. Таким образом, большинство постсоветских государств все еще находится в состоянии «посткоммунистического транзита». Множество нерешенных проблем придают транзиту нестабильность, неустойчивость, создавая, таким образом, опасность для обществ, оказавшихся в ситуации перехода. Транзитное состояние, в котором находятся постсоветские общества, необходимо преодолеть как можно быстрее, поскольку именно завершение переходного периода позволит сделать качественный скачок и перейти к новому уровню социально-экономической и духовно-культурной жизни.

Трансформационные процессы привлекли внимание ученых к проблеме разработки методологии исследований сущности, направленности и итогов изменений. Очевидно, что такая методология должна быть комплексной и междисциплинарной. Конечный выбор методов исследования и принципов их сочетания детерминирован исследовательскими целями и задачами. В результате такого подхода к исследованию обнаруживаются и новые пересечения различных методологических парадигм.

Достаточно перспективной в качестве общего методологического основания исследований постсоветских обществ оказывается модернизационная парадигма. Рассмотрение процессов социально-экономической адаптации постсоветских обществ к происходящим изменениям в рамках теории модернизации позволяет обнаружить внутреннюю логику их развития, определить мировой контекст, задаваемый процессами глобализации, и дать комплексную характеристику происходящих в них процессов.

Анализ общественного развития в рамках традиционного цивилизационного подхода и предлагаемой им дихотомии «вызов/ответ» позволяет интерпретировать развитие любого общества с точки зрения вызовов, с которыми сталкиваются сегодня постсоветские общества: это, прежде всего, глобальные вызовы Запада, предстающие как вызовы современности прошлому и определяющие то внешнее воздействие, которое способно создать в постсоветских странах внутренний импульс собственного развития. С такой точки зрения «догоняющая» модернизация является ответом постсоветских обществ на влияние глобализирующегося мира. Ответ, с одной стороны, выражается в стремлении этих обществ измениться в сторону приближения своей экономики, политики, культуры к западно-

му миру, а с другой стороны, он обусловлен всей спецификой цивилизационного, социокультурного развития постсоветских государств.

Рассуждая о новых независимых государствах, стоит заметить, что все они к моменту образования уже имели специфический модернизационный опыт — речь идет об опыте, полученном в «советский» период их развития. Интерпретация советского опыта как «модернизационного» оправдана схожестью двух «альтернативных» моделей развития — капиталистического мира Запада и «социалистического лагеря»: несмотря на существующие между ними политические различия, их сутью являются индустриализация и создание индустриальной культуры, обеспечивающие условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния, основанные на ярко выраженном стремлении к рационализации.

Модернизационное развитие «догоняющего» типа в силу ряда причин оказалось преобладающей стратегией развития большинства постсоветских государств, однако конечная цель модернизационных реформ — создание механизмов рыночной экономики и демократически-правовой государственности — не была полностью достигнута, и это является важным для понимания специфики трансформационных процессов в постсоветских государствах. Уже к середине 1990-х гг. наместились первые признаки формирования типологически своеобразных, устоявшихся режимов, по своему характеру являющихся квазирыночными и квазидемократическими, что, в свою очередь, обусловило специфические черты в формировании стратегий социальной адаптации населения постсоветских государств.

Применение методологической схемы, предлагаемой цивилизационным подходом к процессам, происходящим внутри трансформирующихся обществ, позволяет в качестве «вызова» интерпретировать политику, проводимую государством, т. е. собственно модернизационные реформы, а в качестве «ответа» — модели социально-экономического поведения, вырабатываемые населением в процессе адаптации к реформам. В целом, модернизационные изменения в постсоветских государствах определяются двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации традиционных национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной индустриальной культуры, во-вторых, влиянием формирующихся рыночных отношений, обуславливающих радикальное преобразование сложившегося образа жизни населения. В результате эти модернизационные изменения являются крайне противоречивыми и имеют нелинейный характер. В то же время модернизационные процессы инерционны и, следовательно, модернизация сама по себе не гарантирует движения общества к сплочению и интеграции.

Виток модернизации, который постсоветские государства переживают в последние десятилетия, имеет свою специфику: во-первых, он проходит в условиях развала мировой социалистической системы и, соответ-

ственно, утраты привычных идентификаций и схем поведения, а во-вторых, он осуществляется в контексте общемирового глобального сдвига, предопределяющего однонаправленность тенденций экономического и политического развития стран. Именно процессы глобализации во многом определяют сегодня стратегии и модели социально-политического и экономического развития постсоветских обществ. Под влиянием современной теории глобалистики сами понятия «цивилизация» и «модернизация» претерпевают изменения и интерпретируются по-новому. В результате постепенного сближения этих подходов развитие современного мира все чаще понимается как движение в направлении единства мировой цивилизации. Под воздействием глобализации меняются роль государства в жизни общества, набор и объем его социальных функций, идеология, формы и методы социальной политики.

Таким образом, теоретические основания исследований социальной политики в настоящем издании анализируются во взаимосвязи с процессами модернизации и глобализации, определяющих социальную жизнь постсоветских обществ и всего мира.

Глава 2. Социально-экономическое состояние регионов

2.1. Социальная адаптация сельских сообществ в условиях промышленного развития региона

Экспедиционные работы проводились в населенных пунктах Тяжинского района Кемеровской области (Тяжин, Борисоглебовка, Кубитет, Листвянка, Нововосточный, Новомарьинка, Преображенка, Сандайка, Старый Урюп, Ступишино).

Для сбора эмпирических материалов в ходе экспедиции применялись следующие методы: 1) массовый опрос населения обследованных сел и поселков; 2) стандартизованный экспертный опрос представителей сельской интеллигенции и местной элиты; 3) выборочное неформализованное интервьюирование экспертов и представителей сельской интеллигенции; 4) паспортизация обследованных сел; 5) сбор документов официальных органов власти (статсправки, планы, программы развития и т. д.)

Респондентов, опрошенных в ходе экспедиции, можно отнести к следующим категориям: 1) трудоспособное население, квотированное по половозрастной и национальной структуре населения района; 2) представители управленческого звена и интеллигенции. Всего было опрошено 284 человека.

Массовый опрос населения осуществлялся на основе двухступенчатой выборки. На первом этапе отбирались населенные пункты. Для каждого из этих населенных пунктов определялся необходимый объем подвыборки на основании официальных данных о численности населения. Затем в каждом из населенных пунктов непосредственный отбор респондентов осуществлялся на основании маршрутной модели выборки.

По анкете массового социологического опроса было опрошено 198 человек: из них 51 % мужчин и 49 % женщин; 20 % в возрасте до 30 лет, 52 % — от 30 до 50 лет и 28 % — старше 50 лет.

Экспертный опрос осуществлялся на основании квотной выборки, стратифицированной по населенным пунктам. Квотировались пол и род занятий эксперта: управленческий персонал, представители сельской интеллигенции, инженерно-технический персонал, предприниматели. Модель выборки была направлена на сбор максимально разносторонних высказываний.

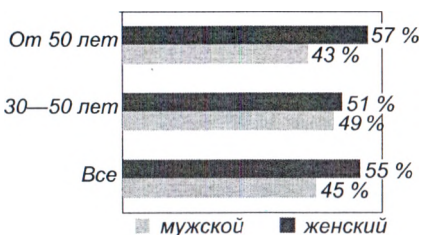

Рис. 1. Распределение экспертов по полу и по возрасту.

В качестве экспертов выступило 86 человек (рис. 1), из них 45 % мужчин и 55 % женщин. Среди экспертов люди в возрасте до 50 лет — 51 %, и в возрасте старше 50 лет — 49 %. Средний возраст экспертов 48,2 лет. Из них 47 % имели высшее образование, 7 % — неполное высшее, 5 % — среднее, 41 % — среднее специальное.

Дополнительно было реализовано 19 неформализованных интервью с некоторыми наиболее информированными экспертами — специалистами из районной администрации, руководителями сельских администраций и крупных сельскохозяйственных предприятий (в общей сложности примерно 8 ч аудиозаписи).

Общая характеристика обследованного района и основные параметры выборки. Тяжинский район находится на территории Кемеровской области. В районе 43 населенных пункта, в которых, по официальным данным, проживает 16059 человек (табл. 1).

Для обследования были избраны шт. Тяжин, села Ступишино, Кубитет, Сандайка, Пресображенка, Борисоглебское, деревни Старый Урюп, Новомарьянка, Листвянка, Нововосточный. Выбор поселков определялся тем, что они являются наиболее крупными по численности, в общей сложности в них проживают 5995 человек (по данным хозяйственных книг). Как мы уже отмечали, непосредственно на месте обследования данные хозяйственных книг сверялись с данными, полученными в ходе интервью с экспертами. Экспертами выступали представители органов местного самоуправления: старосты сел, главы уличных комитетов, а также работники сельской администрации. В результате реальная численность постоянно проживающего в обследованных населенных пунктах населения отличалась от официальной информации.

Обследованный район практически моноэтничен по своему составу. Большая часть жителей района являются представителями русской национальности, и лишь 6 % отнесли себя к другим национальностям.

В обследованном районе проживает практически одинаковое количество мужчин и женщин (49 % и 51 % соответственно) (рис. 2).

Численность населения, проживающего в обследованных населенных пунктах

Населенный пункт	Численность населения по данным хозяйственных книг, чел.	Число домохозяйств	Численность населения, опрошенного в ходе социологического исследования, чел.
Кубитет	1097	356	36
Старый Урюп	635	198	19
Листвянка	804	302	30
Новомарьянка	386	138	14
Преображенка	1129	376	37
Нововосточный	585	179	15
Борисоглебское	328	114	9
Ступишино	692	263	26
Сандайка	339	122	12
Всего	5995	2048	198

Доля респондентов до 29 лет по всем населенным пунктам составляет 20 %, от 30 лет до 49 лет — 52 %, и доля лиц от 50 лет и старше составляет 28 % (рис. 3).

Таблица 2

Распределение опрошенных по населенным пунктам, %

Населенный пункт	Все	Мужчины	Женщины	До 30 лет	30—50 лет	От 50 лет
Ступишино	13	14	12	8	15	14
Кубитет	18	17	19	20	16	21
Сандайка	6	6	6	5	7	5
Старый Урюп	10	8	11	8	11	9
Новомарьянка	7	3	11	3	9	7
Преображенка	19	17	20	23	20	14
Листвянка	15	20	10	30	13	9
Нововосточный	8	8	7	3	6	14
Борисоглебовск	5	5	4	3	5	5

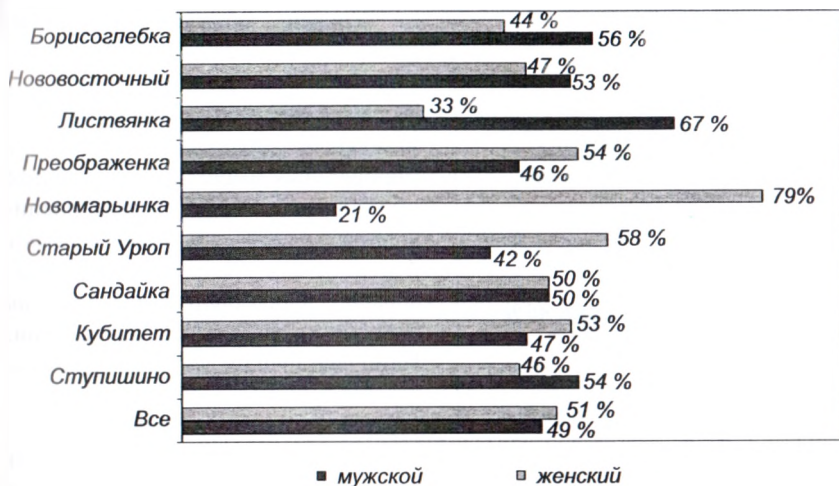

Рис. 2. Распределение опрошенных по полу в населенных пунктах Тяжинского района.

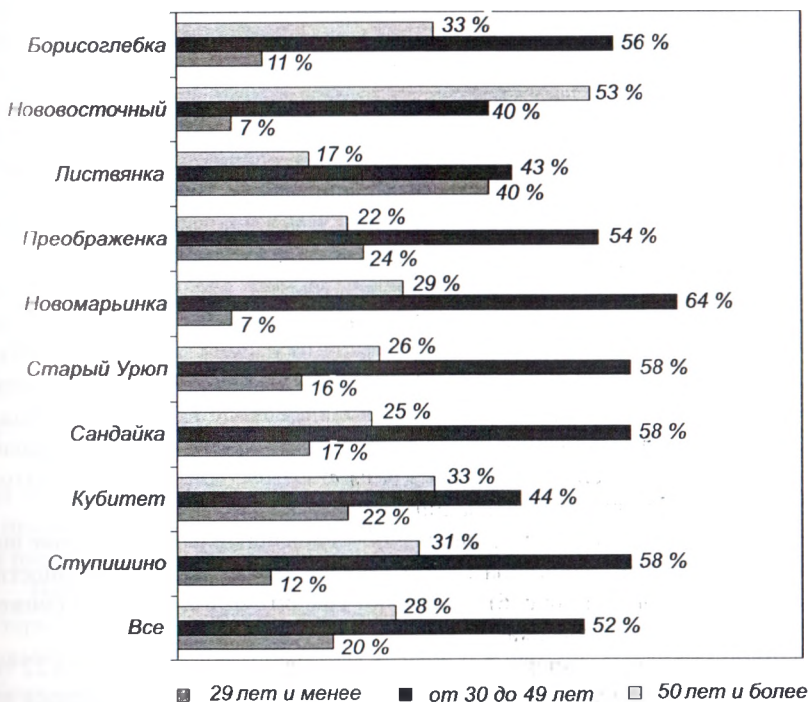
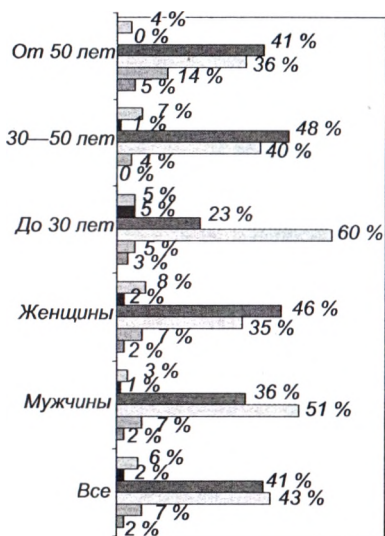

Рис. 3. Распределение по возрасту в населенных пунктах Тяжинского района.

- Высшее (вуз)
- Неполное высшее (3 курса вуза)
- Среднее специальное (ПТУ, техникум)
- Среднее (10 или 11 классов школы)
- Неполное среднее (8 или 9 классов)
- Начальное (менее 8 классов)

Рис. 4. Уровень образования опрошенных, %.

Уровень образования респондентов (рис. 4) показывает, что выборочная совокупность является репрезентативной по своим образовательным характеристикам. 43 % опрошенных имеют полное среднее образование и 41 % среднее специальное, еще 8 % респондентов имеют неполное высшее или высшее образование. Образовательный уровень женщин в целом выше, чем мужчин. Наиболее низкий уровень образования характеризует, в основном, старшую возрастную группу, среди респондентов, имеющих начальное и неполное среднее образование, более половины составляют пожилые люди. Среди тех, кто получил высшее образование, 25 % приходится на старшую возрастную группу, 44 % — на среднюю и 31 % — на младшую возрастную группу. Для населения района наиболее характерно среднее и среднее специальное образование. Можно сказать, что уровень образования в обследованных населенных пунктах примерно одинаков (рис. 5).

Миграционные потоки. В обследованном ареале зафиксирован средний уровень миграционной активности населения. Как показывают данные массового опроса, отток населения из района за последние пять лет составлял около 4 % в год. В то же время приток населения в последние 10 лет практически не изменялся, составляя около 1 % в год (что можно установить на основании продолжительности проживания респондентов в данном населенном пункте). Таким образом, миграционный отток преобладает над миграционным притоком.

Доля опрошенных, приехавших в обследованный район в течение последних десяти лет, составила 12 % от общей выборочной совокупности. Данные исследования (рис. 6) позволяют говорить о постепенном снижении миграционного притока.

Доля мигрантов, живших до этого в пределах района, составила 22 %, еще 22 % мигрантов переселились из населенных пунктов, находящихся на территории области, и 56 % приехавших за последнее десятилетие являются мигрантами из других регионов России.

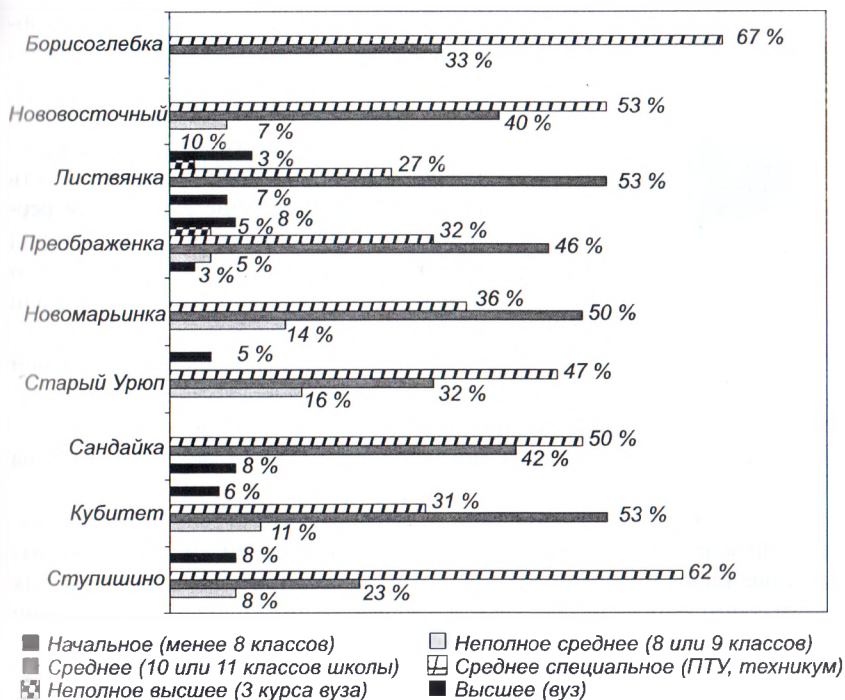

Рис. 5. Уровень образования опрошенных по населенным пунктам.

По оценкам экспертов, миграционный отток значительно преобладает над миграционным притоком населения. 60 % экспертов отметили, что люди уезжают из села. Только 6 % экспертов считают, что село растет за счет приезда новых людей, и еще 10 % полагают, что отъезд компенсируется приездом в село новых людей. В то же время значительная часть экспертов (24 %) отметили, что какая-либо миграция в селе в настоящее время отсутствует.

Миграционный отток в обследованном районе в значительной степени имеет межрегиональный характер. Лишь 12 % мигрантов уезжает в пределах района. 29 % — в пределах области. Межрегиональный отток за последние пять лет составил 59 %.

Наибольший отток населения наблюдается в селе Кубитет и в деревне Старый Урюп (рис. 7). Оба населенных пункта относятся к Кубитетскому сельсовету, который значительно удален от районной администрации. Из обоих населенных пунктов преобладает отток в другой регион (рис. 8). Наименьший отток в Борисоглебке. Оттуда за последние пять лет не уехал никто.

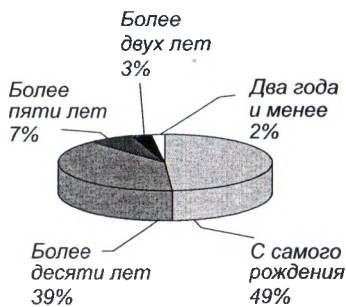

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как давно Вы живете в данном поселке?»

фиксированной: 33 % всех опрошенных заявили о своем желании переехать (рис. 9). Потенциальная миграция также четко ориентирована на город, а не на село.

В качестве основных причин возможного переезда респонденты называют, прежде всего, отсутствие подходящей работы, низкие заработки, отсутствие жилья и невозможность обучать детей (рис. 10). При этом, как показывают данные опроса, высокий уровень потенциальной миграции

Значительная часть миграции из обследованного ареала может быть объяснена близостью Красноярского края (особенно в Кубитетском сельсовете, который находится ближе всего к границе с Красноярским краем), где у мигрантов есть шанс получить рабочие места. Для респондентов миграционный отток в город преобладает над миграционным оттоком в село. 94 % от числа переехавших уехали в город, остальные 6 % — в село.

В то же время уровень потенциальной миграции выше, чем уровень миграции за-

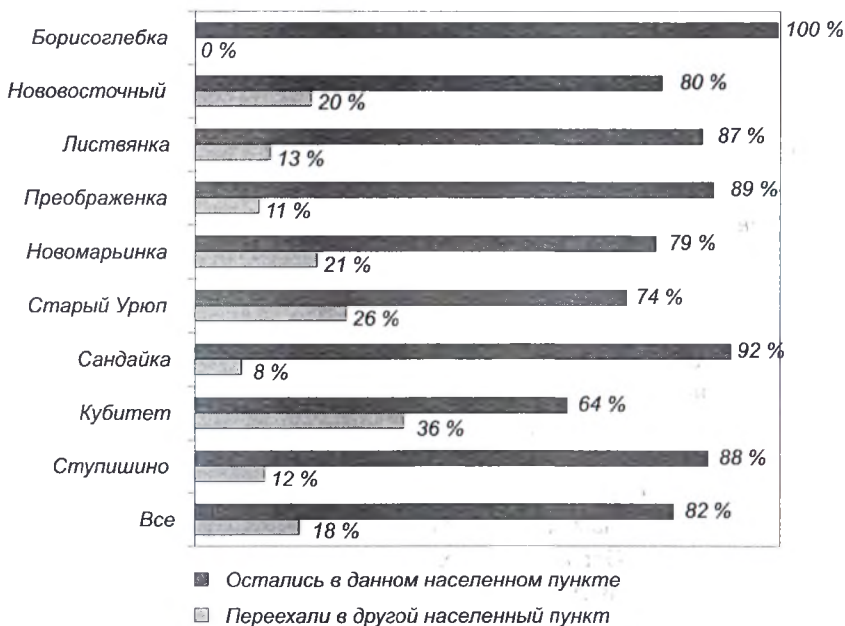

Рис. 7. Миграционный отток из обследованных населенных пунктов за последние пять лет (на основании ответов респондентов)

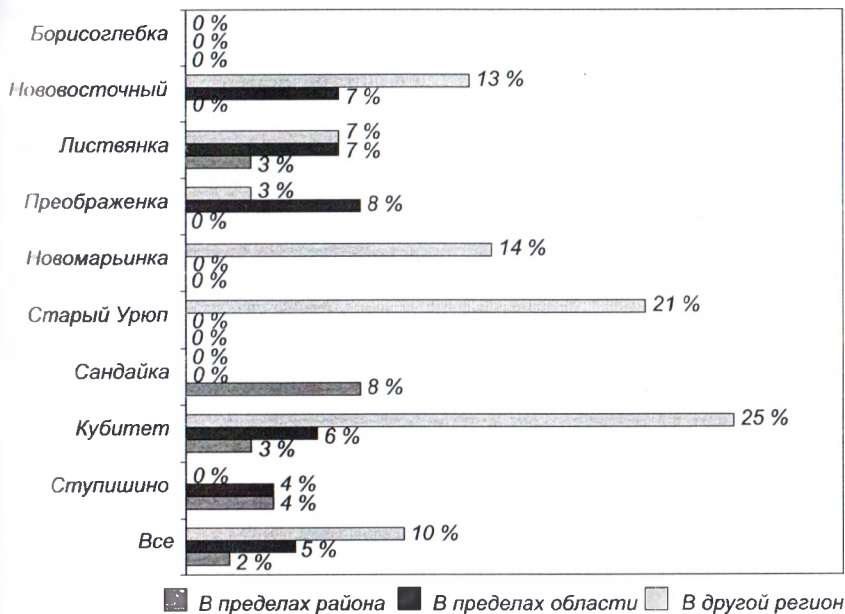

Рис. 8. Основные направления миграционного оттока из обследованных населенных пунктов за последние пять лет (на основании ответов респондентов)

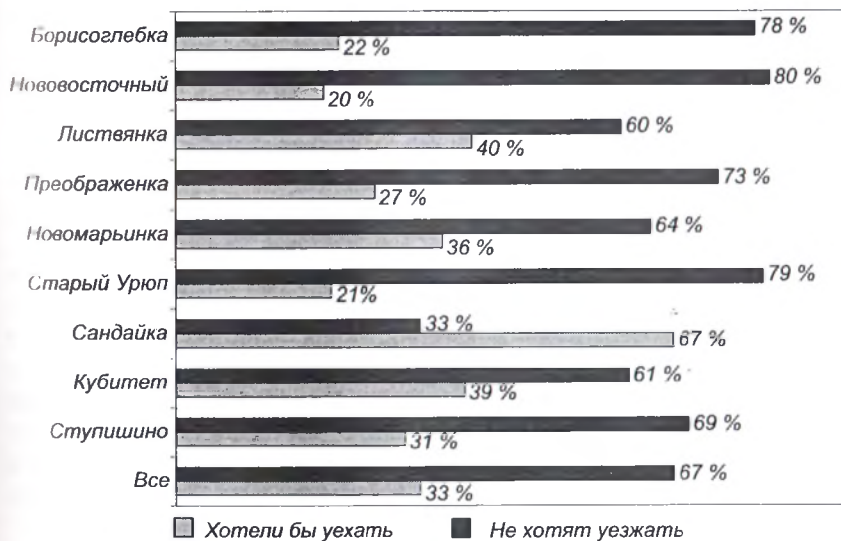

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы переселиться отсюда, если бы была такая возможность?»

связан с уровнем социально-экономического развития конкретных населенных пунктов: чем более «депрессивным» является село, тем выше среди его жителей уровень потенциальной миграции.

Таким образом, специфика миграционных процессов в районе определяется экономическими факторами. Существует тенденция и к локальной, и к межрегиональной миграции. Основной причиной миграции является отсутствие подходящей работы. Еще одним фактором миграционных процессов выступит близость Красноярского края, т. е. фактор урбанизации: и локальная и межрегиональная миграция ориентирована в основном в город.

Демографическая ситуация, брак и проблемы семьи. Результаты обследования позволяют охарактеризовать современное состояние брачно-семейных отношений в районе. В браке состоят 78 % опрошенных. Распространение незарегистрированных браков в районе невелико — 5 % (рис. 11).

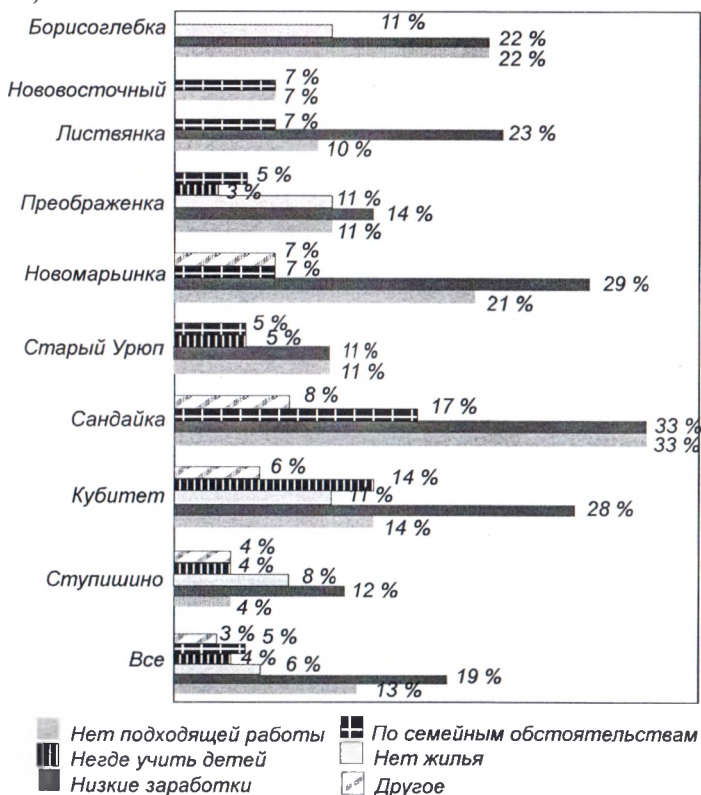

Рис. 10. Причины потенциальной миграции

Рис. 11. Уровень брачности среди опрошенных

Половозрастная структура браков показывает, что уровень брачности мужчин и женщин в районе приблизительно одинаков, 76 и 79 % соответственно. Среди женщин незарегистрированные браки более распространены — 3 % (по сравнению с 1 % незарегистрированных браков у мужчин). В возрастной группе от 30 до 50 лет состоят в незарегистрированном браке 2 % опрошенных. Среди молодежи незарегистрированных браков по данным опроса не зафиксировано.

По району не состоят в браке 19 % опрошенных, в том числе 19 % мужчин и 17 % женщин. Наиболее высокая доля лиц, не состоящих в браке, приходится на молодежь: 54 % опрошенных в возрасте до 30 лет на момент опроса не состояли в браке. В возрастной группе от 30 до 50 лет доля респондентов, не состоящих в браке, составляет 10 %.

Повсеместное распространение практики планирования детей сформировало среди населения района определенные репродуктивные установки. По мнению респондентов, в современной семье достаточно иметь в среднем 1,89 ребенка. Данные опроса показывают, что репродуктивные установки мужчин немного выше, чем у женщин. У мужчин желаемое число детей составляет 1,98 ребенка, для женщин этот показатель составляет 1,81 ребенка. Репродуктивные установки возрастных групп до 30 лет и от 30 до 50 лет практически не различаются. Если первые, в среднем, ориентируются на 1,92 ребенка, то вторые — на 1,93 ребенка.

По данным опроса, среднее число детей на обследованное население района составляет 1,9 ребенка (в семьях опрошенных в возрасте до 30 лет — 0,69, от 30 до 50 — 2,12, более 50 — 2,38). Число детей в возрасте до 7 лет практически не уступает числу детей в возрасте от 8 до 16 лет —

Состав семьи по данным опроса в Тяжинском районе

Членов семьи	Все	Ступишино	Кубитет	Сандайка	Старый Урюп	Новомарынка	Преображенка	Листвянка	Нововосточный	Борисоглебовка
Всего	3,34	3,62	3,03	2,75	3,16	3,14	3,46	3,83	3,00	3,67
Работающих	1,75	1,61	1,63	1,64	2,00	1,44	1,85	1,93	1,75	1,33
Пенсионеров	1,31	1,13	1,33	1,00	1,50	1,67	1,44	1,22	1,20	1,17
Детей до 7 лет	1,32	1,60	1,14	1,00	1,33	1,00	1,33	1,56	1,00	1,00
Детей до 16 лет	1,38	1,15	1,25	1,25	1,33	1,75	1,47	1,83	1,00	1,67

1,32 и 1,38 соответственно. Это говорит о том, что демографический кризис, начавшийся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. до сих пор продолжается. Последнее пятилетие, несмотря на свою относительную стабильность, не способствовало увеличению рождаемости. Продолжается ее спад, и она не дотягивает до уровня простого воспроизводства.

Показатели численного состава семей в районе являются достаточно обычными. По данным опроса, средний размер семьи в районе составляет 3,34 человека (табл. 3).

Межнациональные и межрелигиозные отношения. Межнациональные отношения в районе достаточно стабильны. В районе наблюдается достаточно лояльное отношение к заключению смешанных браков. По данным опроса, 94 % не считают межнациональные браки менее устойчивыми, чем мононациональные браки.

На вопрос «Считаете ли вы себя верующим человеком?» 49 % опрошенных ответили положительно (рис. 12). При этом большинство верующих приходится на старшую возрастную группу: 68 % из них ответили, что верят в бога. Однако в младшей возрастной группе доля верующих составила 35 %. Среди женщин больше верующих, чем среди мужчин (65 % и 35 % соответственно). Все верующие в районе являются православными. Основная часть опрошенных (87 %) считает, что различие религиозных убеждений никак не влияет на устойчивость брака, остальные 13 % не согласились с ними.

На вопрос «Испытывали ли Вы недоброжелательное отношение со стороны представителей других национальностей?», большинство опрошенного населения ответило отрицательно, и лишь в деревне Старый Урюп

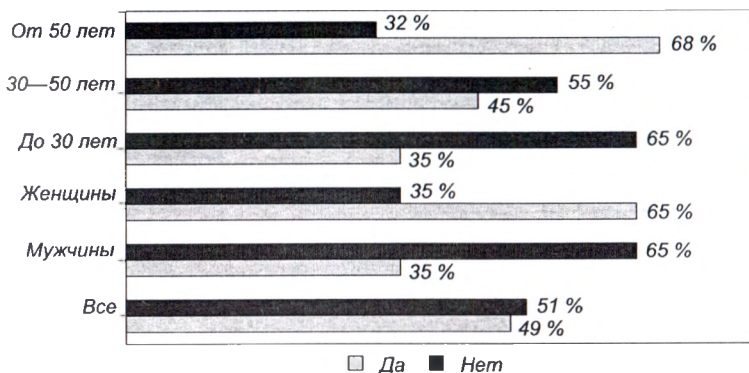

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?»

16 % опрошенных ответили, что иногда замечали недоброжелательное отношение. В поселке Листвянка 3 % отметили постоянное недоброжелательное отношение и 3 % — недоброжелательное отношение время от времени.

Больше половины опрошенного населения (68 %), считает, что основные проблемы одинаковы для всех народов России, 27 % придерживаются противоположного мнения, 5 % затруднились ответить.

Социальный статус и структура занятости населения. В качестве одной из задач социологического исследования выступала оценка уровня занятости населения Тяжинского района.

Среди опрошенных доля пенсионеров составила 16 % (рис. 13). Результаты исследования в Тяжинском сельсовете показывают, что в районе наблюдается достаточно высокий уровень реальной безработицы. Среди опрошенных нами респондентов безработные составили 16 %. Зафиксированный таким образом уровень безработицы совпадает с экспертной оценкой: безработные составляют одну треть экономически активного населения.

Анализ социальной структуры опрошенных по полу и возрасту (рис. 14, 15) показывает, что безработных больше среди женщин, а среди мужчин больше занятых на производстве.

Среди молодежи (в возрасте до 30 лет) достаточно высока доля учащихся — 10 %, безработных — 30 %. Работу имеет 60 % респондентов моложе 30 лет.

В возрастной группе от 30 до 50 лет работу имеют 83 % опрошенных, а безработными являются 14 %. Половина старшей возрастной группы находится на пенсии, еще 41 % работают, а остальные 9 % являются фактически безработными.

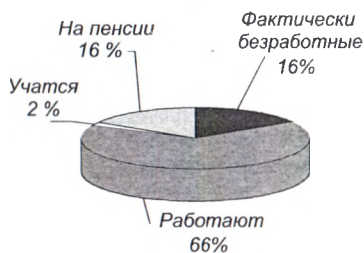

Рис. 13. Социальный статус респондентов массового опроса.

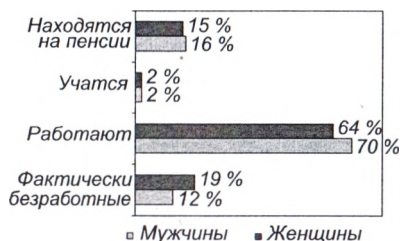

Рис. 14. Социальный статус опрошенных, распределение по полу.

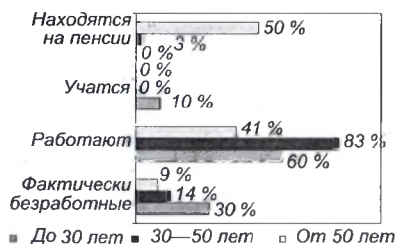

Рис. 15. Социальный статус опрошенных, распределение по возрасту.

Уровень безработицы в обследованных населенных пунктах оказался различен (рис. 16). Наибольшее количество безработных зафиксировано

в Новомарьянке. Среди опрошенных нами жителей этого поселка безработные составили 29 %.

Рис. 16. Социальный статус опрошенных, распределение по населенным пунктам.

Достаточно высокая доля пенсионеров является характерной чертой всех населенных пунктов, однако как социальная группа пенсионеры наиболее представлены в Борисоглебке и Нововосточном. На фоне остальных населенных пунктов Листвянка и Преображенка выглядят достаточно благополучными. Здесь высока доля занятого населения (83 % и 73 % в порядке перечисления) и, соответственно, низка доля безработных (7 % и 14 %).

В целом можно отметить различные стратегии развития поселков. В Сандайке и Борисоглебке налицо процессы депопуляции, ведущей к исчезновению поселков. Село Листвянка, напротив, активно адаптируется к современным социально-экономическим условиям, чему, несомненно, способствует то, что в поселок стали вкладывать деньги частные предприниматели, а также относительная близость населенного пункта к районному центру (10 км).

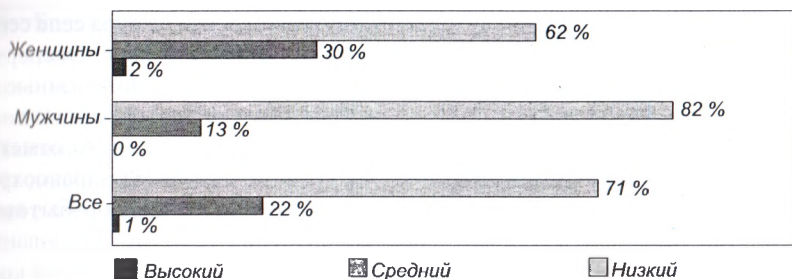

Рис. 17. Оценка производственного потенциала села (эксперты).

Уровень современного производственного потенциала села, по мнению опрошенных экспертов (рис. 17), является достаточно низким (25 % экспертов отметили средний уровень развития производственной базы и 74 % — низкий уровень). Женщины-эксперты оценивают уровень производственного потенциала села выше, чем мужчины-эксперты. 30 % женщин-экспертов говорят, что производственная база находится на среднем уровне, а среди мужчин так считают только 13 %.

Одним из факторов, влияющих на производственный потенциал села, является материальное обеспечение предприятий: 82 % всех экспертов отметили его низкий уровень.

Эксперты оценили значение в жизни современного села различных форм хозяйствования (рис. 18).

Наиболее значимыми, с точки зрения экспертов, являются личные подворья. Это отметило 91 % опрошенных экспертов. На втором месте по важности акционерные общества (56 % экспертов), о важности фермерских хозяйств заявило только 14 % опрошенных.

Рис. 18. Оценка экспертами роли различных форм хозяйствования в жизни села.

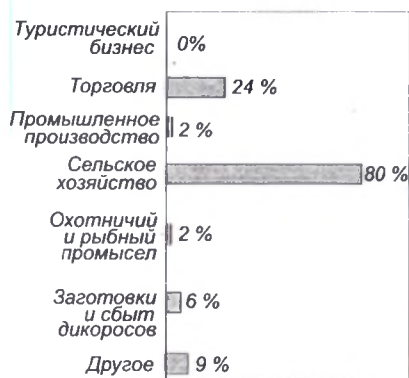

Рис. 19. Отрасли деловой активности населения (по оценкам экспертов).

Вся инфраструктура села сегодня переживает кризис. Эксперты выделили наиболее проблемные ее составляющие. Это жилищно-коммунальное хозяйство (его отметили 37 % опрошенных), здравоохранение (34 %), социально-бытовое обеспечение (29 %), образование и воспитание (23 %), правовой контроль и защита (22 %), социально-культурное обеспечение (20 %), затем идут транспорт и коммуникации (9 %), связь, топливно-энергетическое обеспечение и сельская администрация (по 6 %), а также торговля и общепит (2 %).

Основные сферы проявления деловой активности сельского населения — сельское хозяйство и торговля. Это отметили соответственно 80 % и 24 % экспертов (рис. 19).

По мнению экспертов, уровень предпринимательской активности населения сравнительно низок, это отметило 67 % опрошенных, 32 % отметило средний уровень деловой активности.

Среди работающих респондентов наиболее обширную группу (65 %) составляют лица, занятые физическим трудом. Работники, занятые преимущественно умственным трудом, составляют 35 %. К этой группе относятся служащие и специалисты, — в основном женщины, среди которых доля занятых умственным трудом (33 %) значительно больше, чем среди мужчин (16 %) (физическим трудом заняты 58 % мужчин и 34 % женщин). Мужчины в этой группе — в основном руководители низшего и среднего звена. Явный «перевес» женщин по этой характеристике в значительной степени формируется за счет крайне «феминизированных» подгрупп, специалистов относительно низкой квалификации из числа занятых данным видом труда (например, воспитатели детских дошкольных заведений, медицинские сестры, фельдшеры и акушерки).

Занятые преимущественно физическим трудом преобладают среди всех возрастных групп. Наибольшая доля занятых умственным трудом приходится на людей в возрасте от 30 до 50 лет.

Как правило, труд требует умения и определенной квалификации. В ходе массового опроса 58 % работающих респондентов заявили, что их работа требует специального образования. Низкоквалифицированным трудом заняты 42 % от всех работающих респондентов.

Большинство работающих респондентов занято на предприятиях с государственной и акционерной формой собственности: 59 % и 19 % соответственно. В частных организациях занято 22 % работающего населения.

Стоит отметить, что в районе активно разворачиваются процессы, связанные со сменой форм собственности предприятий: постепенно растет доля акционерных обществ и частных предприятий за счет предприятий с государственной формой собственности. В связи со сменой форм собственности и выходом нового закона о земле в районе происходит развитие сельскохозяйственного производства, связанное с появлением так называемых инвесторов (новых собственников).

Предприятия, функционирующие на основе частного инвестирования, как правило, экономически более эффективны по сравнению с государственными предприятиями: здесь выше уровень заработной платы, как правило, ее выплата не задерживается, к тому же такие предприятия берут на себя решение многих социальных проблем села.

Отметим, что за все годы исследований научный коллектив впервые столкнулся с феноменом «частного инвестирования» в сельское хозяйство в столь ярко выраженной форме. Именно активные процессы вложения средств в сельское хозяйство сегодня определяют специфику социально-экономического развития района. Наличие или отсутствие «предприятия-инвестора» на территории населенного пункта напрямую определяет стратегии социально-экономической адаптации и перспективы дальнейшего развития конкретных поселков.

Уровень жизни во многом характеризуется не только размером доходов, но и регулярностью их получения. Для основной части населения это связано со своевременной выплатой заработной платы и различных социальных трансфертов. На момент опроса задержки в выплатах отметили 39 % опрошенных.

Структура занятости населения определяется несколькими факторами. Во-первых, это относительная близость Красноярского края, который обеспечивает дополнительный рынок труда и рынок сбыта, во-вторых, наличие работающих предприятий. В Тяжинском районе наиболее привлекательны рабочие места на крупных хозяйственных предприятиях, особенно негосударственной формы собственности. Для большинства населения (91 %) работа в крупхозах является основным источником средств к существованию.

В районе имеет место и натуральная оплата труда (рис. 20).

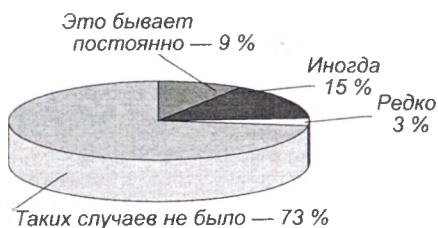

Рис. 20. Доля работников, получающих зарплату в натуральной форме (от числа работающих).

Достаточная распространенность задержек по выплате заработной платы, так же как и значительная доля натурального характера оплаты труда, обусловлены тем, что в районах с сельскохозяйственной специализацией, к которым относится и Тяжинский район, выплата заработной платы зависит от цикличности сельскохозяйственного производства, когда деньги предприятие получает только после реализации своей продукции. Сельскохозяйственная специализация района определяет специфику его социально-экономического развития по сравнению с большинством других районов Кемеровской области, преимущественно промышленных.

Безработица. К категории безработных могут быть отнесены 16 % опрошенных в ходе социологического исследования. Уровень безработицы среди женщин выше, чем среди мужчин (19 и 12 % соответственно). Среди безработных 61 % составляют женщины, 39 % — мужчины.

Официально зарегистрированы только 50 % безработных. При этом эксперты оценивают уровень реальной безработицы на селе (табл. 4) еще выше, чем демонстрируют результаты массового опроса. Все это свидетельствует о том, что безработица в районе имеет скрытый характер.

Для оценки реального количества безработных в районе в нашем исследовании применялась методика Международной организации труда (МОТ), адаптированная к условиям изучаемого ареала. В соответствии с этой методикой безработным считается человек, не имеющий работы в течение длительного времени (более трех месяцев), но желающий получить работу и предпринимающий определенные усилия для ее поиска. Используя такое определение, можно установить, что в момент опроса реальный уровень безработицы составлял около 19 % всего трудоспособного населения.

Характерно, что 12 % неработающих лиц трудоспособного возраста не попадают в эту категорию — хотя они и не имеют работы, они не хотят или не пытаются ее искать. Отметим, что доля лиц, не работающих и зая-

вивших, что в настоящее время не стали бы устраиваться на работу или не задумывались об этом, в рамках нашей методики соответствует тем лицам, которые не попадают под категорию безработных.

Эти данные позволяют проанализировать трудовые мотивации безработных (рис. 21, 22). Большинство безработных респондентов заявили, что согласились бы практически на любую работу. В то же время, около 35 % безработных (5—6 % от всей совокупности

Таблица 4

**Экспертная оценка
реального уровня безработицы**

Оценка уровня безработицы	Доля экспертов, %
Менее 10 %	13 %
От 10 % до 30 %	43 %
От 30 % до 50 %	27 %
Более 50 %	17 %

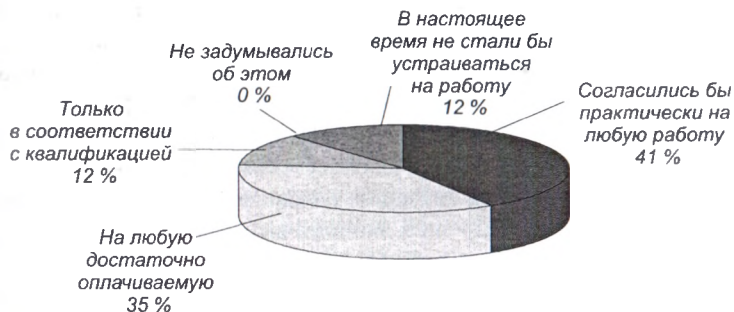

Рис. 21. Трудовые предпочтения лиц, не имеющих работу.

опрошенных) ориентированы прежде всего на работу, которая бы хорошо оплачивалась. А 12 % безработных согласились бы только на работу в соответствии с полученной квалификацией. Наиболее высок уровень безработицы среди молодежи: он достигает 30 %.

Если посмотреть на картину безработицы в возрастном разрезе, то основная масса безработных (57 %) — это молодежь, которая не может устроиться на работу, и люди среднего возраста (26 %). Молодешная безработица является более институционализированной. Все безработные респонденты в возрасте до 30 лет получают пособие по безработице, т. е. имеют официальный статус безработных.

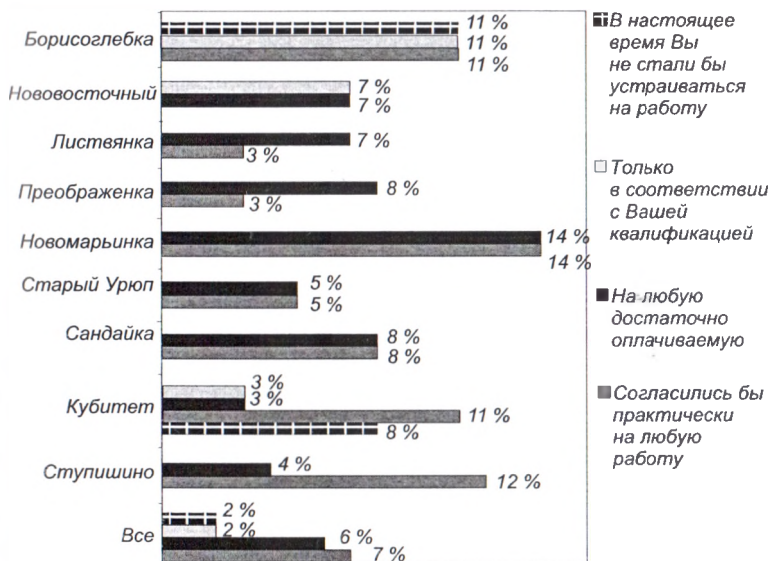

Рис. 22. Трудовые предпочтения лиц, не имеющих работу, распределение по поселкам.

Пособие по безработице получают только 50 % безработных, т. е. половина людей, не имеющих работу, не учтены государственными социальными службами и официальной статистикой. Таким образом, при достаточно высоком уровне безработицы в обследованном районе это явление во многом является скрытым. Потребность в новых рабочих местах является одной из самых острых для населения.

Изменение социальной ситуации, начавшееся с 1990-х гг. и характеризующееся становлением новых экономических отношений и новых социокультурных реалий, является основным фактором, определяющим особенности трудовой адаптации различных социальных групп в современных российских условиях. В ситуации переходного периода и либерализации социально-трудовых отношений государство уже не контролирует организацию оплаты труда, а рыночные регуляторы еще не работают в полную силу, и это приводит к тому, что процессы в области социально-трудовых отношений приобретают стихийный, бессистемный характер. Складываются нерациональные, несправедливые, а порой и уродливые формы организации труда и его оплаты, при которых работникам вместо денег выдаются товары и продукция, производимая на предприятии. Недостатки в организации и оплате труда негативно влияют на трудовую мотивацию.

Таким образом, с одной стороны, за последние годы из части трудоспособного населения формируются достаточно устойчивые группы безработных, не стремящихся устроиться на работу вообще. С другой стороны, сложившаяся на рынке труда ситуация влияет на трудовые ориентации населения в целом. Как показывает анализ привлекательности труда среди представителей различных социальных групп, ориентация на материальные стимулы, интерес к заработку, доминирует над интересом к содержательности труда, к работе как роду деятельности. При этом сама по себе возможность трудоустройства является безусловной ценностью в глазах населения.

Доходы населения и уровень бедности. Позитивная динамика экономических показателей, наблюдаемая в последнее время в России, не снимает остроту проблем, связанных с низкими доходами населения и бедностью. В течение последних лет снизился средний уровень денежных доходов населения и росло неравенство в их распределении. Высокая дифференциация заработной платы непосредственно связана с межотраслевым и внутриотраслевым неравенством в оплате труда.

Анализ уровня жизни предполагает обращение к понятию среднедушевого дохода, под которым понимается среднесемесный доход в расчете на одного члена семьи, включая несовершеннолетних детей и иждивенцев. В ходе массового опроса населения выяснялись суммарные доходы семьи за последний месяц, которые потом делились на общее число членов данной семьи.

Среднедушевой доход в селах Тяжинского райсовета, по данным нашего исследования, составляет 1291 р. на члена семьи в месяц. По данным официальной статистики, величина прожиточного минимума (ПМ) по Кемеровской области в первом полугодии 2004 г. составила 2285 р., для основных социально-демографических групп: для трудоспособного населения — 2495 р., пенсионеров — 1638 р., детей — 2368 р.

Зафиксированный нами среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. Основываясь на значении прожиточного минимума, можно условно разделить все домохозяйства на три категории. В соответствии с общепринятой методикой, домохозяйства, имеющие среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, принято относить к бедным. Те, чьи доходы лежат в диапазоне от одного до двух прожиточных минимумов, могут быть классифицированы как средние по своему достатку. И, наконец, семьи с доходом выше двух прожиточных минимумов относятся к зажиточным.

Только малая часть опрошенных (12 %) в ходе массового опроса имели доходы выше прожиточного минимума, причем к категории зажиточных (более двух ПМ на члена семьи в месяц) относилась только 2 % семей (табл. 5). Подавляющее большинство семей имеют среднедушевой доход менее одного прожиточного минимума, т. е. находятся за чертой бедности. При этом 52 % обследованных семей находятся в особо тяжелом положении, поскольку среднедушевой доход для них находится на отметке ниже, чем половина прожиточного минимума на каждого члена семьи в месяц.

По этим параметрам обследованный район находится на средней для сельскохозяйственных районов (если рассматривать по Сибири в целом) отметке, однако на фоне других, промышленных, районов Кемеровской области уровень доходов населения Тяжинского района представляется крайне низким.

Таблица 5

Самым благополучным по уровню жизни из обследованных населенных пунктов (рис. 23) можно считать Кубитет, что, скорее всего связано, опять же с близостью Красноярского края, а следовательно, с большим количеством рабочих мест и т. д.

Данные опроса позволяют проанализировать структуру доходов населения района, в которой высока доля пенсий и заработной платы (табл. 6, 7).

Уровень среднедушевых доходов населения Тяжинского района

Уровень доходов	Доля, %
Крайняя бедность (менее 0,5 ПМ)	52 %
Бедность (от 0,5 до 1 ПМ)	36 %
Более 1 ПМ на члена семьи	10 %
Более 2 ПМ	2 %
Среднедушевой доход	1291 р.

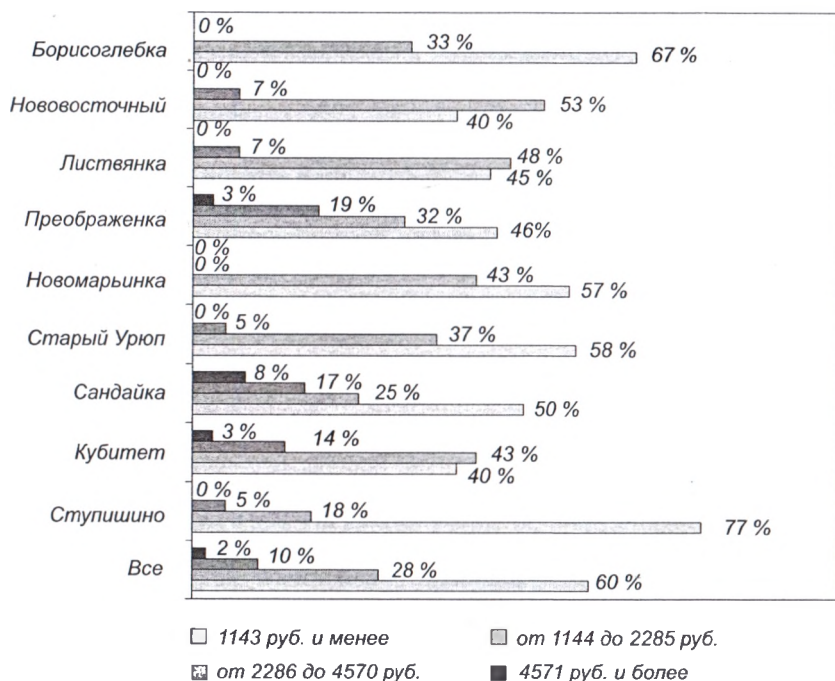

Рис. 23. Уровень среднедушевых доходов в различных населенных пунктах.

Наряду с заработной платой и пенсиями, основным источником денежных средств выступает доход от продажи продуктов своего личного хозяйства. Доход от случайных приработков эксперты ставят на четвертое место. Предпринимательская деятельность стоит на пятом месте (ее отмстило 15 % экспертов).

При этом 91 % экспертов очень высоко оценили роль личных крестьянских подворий в экономике района. Наряду с этим, 56 % экспертов отметили роль крупных сельскохозяйственных организаций (бывшие колхозы) и роль фермерских хозяйств — только 14 %.

Таблица 6

Основные источники денежных средств сельского населения (экспертная оценка)

Источник средств	Доля населения, %
Доход от продажи продуктов своего личного хозяйства	84
Зарплата	58
Пенсии, пособия	63
Случайные приработки	16
Предпринимательская и коммерческая деятельность	15
Доходы от охоты, пушного промысла	1

Примечание. Можно было указать несколько источников средств.

Экспертная оценка доли денежных доходов в бюджете крестьян

Оценка	Доля экспертов, давших оценку, %	
	Заработная плата	Собственное хозяйство
Менее одной трети	38	15
От одной до двух третей	43	48
Две трети и более	19	37

Уровень жизни населения обследованного района находит свое отражение в структуре расходов сельчан, которая характеризуется возрастанием доли расходов на текущее потребление за счет уменьшения сбережений и капитальных вложений. Результаты экспертизы структуры расходов типичной сельской семьи являются еще одним подтверждением того, что доходы населения находятся на минимальном уровне, обеспечивающем лишь простое выживание.

О тяжелом материальном положении населения свидетельствуют не только объективные показатели, такие как уровень доходов населения, но и субъективные оценки сельчанами своего материального положения.

По оценкам экспертов, большая часть (39 %) денежных средств расходуется на приобретение продуктов питания, несмотря на то, что значительную часть продуктов типичная сельская семья получает в своем собственном хозяйстве.

Заметную часть расходов (18 %) составляют также коммунальные платежи и транспорт (в таблице они приводятся в графе «другие расходы»). Еще 15 % приходится на приобретение необходимых хозяйственных товаров. Кроме того, в среднем 16 % бюджета сельских жителей тратится на образование своих детей. Фактически, образовательные услуги постепенно становятся предметом роскоши.

После всех этих расходов доля, приходящаяся на товары длительного пользования, составляет всего 9 %, а на досуг и того меньше — 3 %. Можно сказать, что типичные сельские домохозяйства не имеют свободных денежных средств и не могут позволить себе ничего «лишнего».

По-прежнему для населения, по результатам опроса, характерна обеспокоенность, прежде всего экономическими проблемами, такими как безработица (60 %), распространение бедности и нищеты (35 %), задержка в выплатах зарплаты (34 %). Также острой является проблема пьянства. Все прочие проблемы представляются населению гораздо менее актуальными. Заметим что оценки населением пьянства и безработицы как наиболее

лее острых проблем характерны не только для данного района, но (как показывают данные наших исследований) и для других районов Сибири и сохраняют свою силу на протяжении как минимум последних 15 лет.

На современном этапе развития российское общество приобретает некоторые новые черты, связанные с постепенной институционализацией рыночных отношений. Они часто существуют в форме неправовых практик, но, тем не менее, сегодня становятся новыми факторами влияния на отношения людей и их положение в социальной структуре общества. Диагностировать эти изменения можно с использованием объективных данных уровня доходов, числа частных предприятий, занятых в них работников и т. д. Но можно и на основе самооценки респондентами некоторых социальных характеристик своей жизни. Причем показатели этого типа зачастую более адекватно отражают реальную дифференциацию в обществе и действительные тенденции развития.

Для оценки уровня текущего материального положения респондентам была предложена качественная шкала из шести уровней (табл. 8). Представленная в таблице дифференциация населения — это обобщенная характеристика бедного общества, в котором более двух третей могут быть отнесены к «нищим» и «бедным». Эксперты также невысоко оценивают свое материальное положение. К живущим по своему достатку ниже среднего уровня отнесли себя 53 % экспертов, на среднем уровне — 45 %, выше среднего — 2 %.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос, «Какое из приведенных высказываний лучше подходит для характеристики Вашего материального положения»

Ответ	Социальный слой	Доля ответивших, %
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	Нищие	35
На повседневные затраты уходит вся зарплата	Бедные	32
На повседневные хватает, но покупка одежды затруднительна	Несобеспеченные	23
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	Обеспеченные	7
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	Зажиточные	3
Практически ни в чем себе не отказываем	Богатые	0

Оценка материального положения коррелирует с тем, как респонденты оценивают свои жизненные перспективы. Более половины опрошенных (54 %) считают, что их жизненные перспективы низки (рис. 24). А высоко свои жизненные перспективы оценили только 6 % сельчан. Таким образом, материальное положение, несомненно, оказывает влияние и на социальное самочувствие сельчан.

Оценка жизненных перспектив — это не только оценка своего материального положения, но и других, актуальных для человека, аспектов жизни: возможности улучшения социального статуса, возможности самореализации. Можно заметить, что молодежь в целом оценивает свои жизненные перспективы более высоко,

чем люди среднего и старшего возраста. Степень включенности в экономические процессы также влияет на восприятие жизненных перспектив: в более депрессивных поселках респонденты оценивают свои жизненные перспективы ниже, чем в целом по району (рис. 25).

Восприятие жизненных перспектив напрямую коррелирует с уровнем среднедушевых доходов в семье респондента. Респонденты, имеющие среднедушевой доход более двух прожиточных минимумов, оценивают свои жизненные перспективы выше, чем те, кто относится к категории бедных.

Личное подсобное хозяйство и промысловая деятельность. В отдаленных и/или небольших селениях возможности приработков, как правило, ограничены, основным источником жизнеобеспечения помимо заработной платы, пенсий и социальных пособий являются личные подсобные хозяйства (ЛПХ).

Проведенные исследования показали, что официальное место работы является лишь одной из возможных сфер приложения труда. Вторичная занятость, в том числе и не оформленная официально, распространена повсеместно. Для своего жизнеобеспечения большинство селян обращаются к проверенному временем способу — натуральному производству продуктов питания. Часть произведенной продукции продается на местных рынках.

Таким образом, мы имеем дело, по меньшей мере, с двумя сферами занятости: формальная занятость (труд по найму либо официально за-

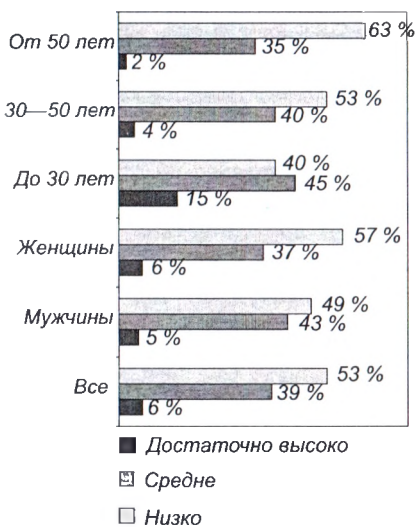

Рис. 24. Распределение ответов на вопрос «Оцените свои жизненные перспективы».

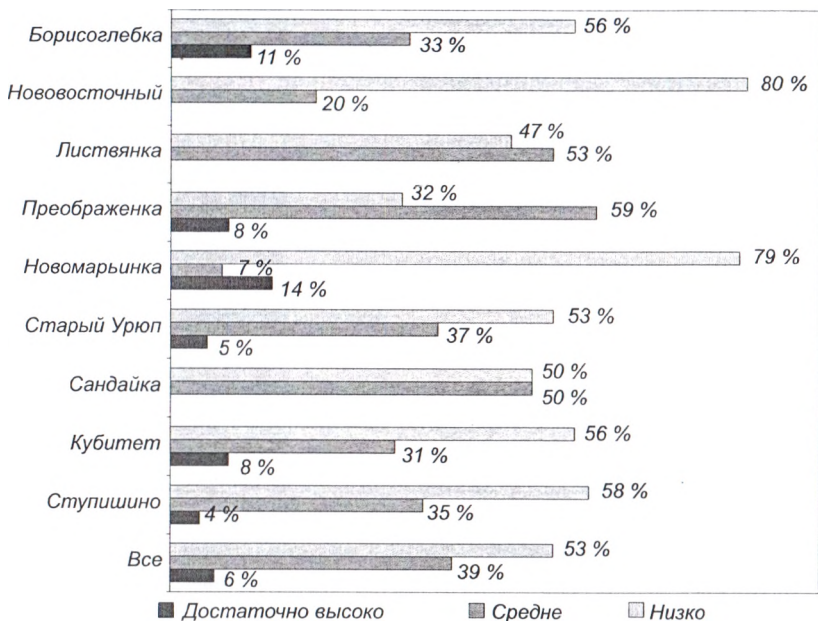

Рис. 25. Распределение ответов на вопрос «Оцените свои жизненные перспективы», по населенным пунктам.

регистрированная самозанятость) и неформальная занятость (незарегистрированная работа по найму или самозанятость, а также производство товарной продукции в личных подсобных хозяйствах).

Жители района производят продукцию в личных подсобных хозяйствах для собственного потребления (97 %). Несмотря на то, что личное подсобное хозяйство (ЛПХ) по сравнению с пенсиями и зарплатами играет, как кажется, второстепенную роль, тем не менее, прожить без него в сельской местности сегодня невозможно. Среди респондентов массового опроса ЛПХ вели 96 % опрошенных. Но товарность этого хозяйства остается на довольно низком уровне. Тем или иным способом реализует свою продукцию 47 % хозяйств. Основным каналом сбыта продукции на сегодня являются частные скупщики — им сдают продукцию 44 % опрошенных, государству сдают 5 % и реализуют самостоятельно или через родственников — 2 %.

Таким образом, личное подсобное хозяйство не только обеспечивает население продуктами питания, но, в силу своей товарности, является источником дохода населения. По мнению 70 % экспертов, личные подсобные хозяйства в основном находятся на среднем уровне развития, 20 % — на низком, 10 % — на высоком.

Промысловой деятельностью занимаются лишь 17 % опрошенных. Казалось бы, что промысловая деятельность, представляющая в сегодняшних условиях вспомогательный вид хозяйствования, должна быть распространена в тех населенных пунктах, где доля безработных больше, потому что, как правило, занятие промыслами официально не фиксируется. Однако данные нашего исследования показали, что, как это не парадоксально, чем выше уровень безработицы в поселке, тем меньше людей там заняты промысловой деятельностью. Это связано, прежде всего, с характером промысловой деятельности, которая как мы уже отмечали, является не источником денежных средств, а скорее вспомогательным видом хозяйствования.

Товарность промыслового хозяйствования остается очень низкой. Основная часть продуктов промысла (89 %) реализуется в личном хозяйстве, 11 % продуктов промысла реализуется частным скупщиком.

Частная собственность на землю. Плюрализм форм собственности, наряду с политическим плюрализмом, является базовым, конституционно закрепленным принципом современной российской государственности. Таким образом, наличие развитого института частной собственности является одним из признаков демократического общества с рыночной экономикой. Поэтому признание и положительная оценка института частной собственности (в том числе и на землю) говорит о принятии демократической системы ценностей и общего направления развития российского общества. Вопрос об отношении к частной собственности на землю оказывается, таким образом, вопросом об отношении к экономическим и политическим изменениям в обществе и к связанным с ними тенденциям социального развития.

Особенно актуальна проблема отношения сельского населения к частной собственности на землю в свете принятия и введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации, федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и главы 17 первой части Гражданского кодекса, которая регулирует гражданско-правовой оборот земельных участков. Только после принятия этих актов можно говорить о том, что развитие законодательной базы земельной реформы, начавшееся в 1991 г., привело к тому, что в настоящее время земля в Российской Федерации стала объектом гражданского, торгового оборота, в результате чего в полной мере реализуется конституционное право частной собственности на землю.

Введение частной собственности на землю и включение земельных участков в торговый оборот имеют принципиальное значение для жителей села. Поэтому отношение сельского населения к частной собственности на землю сегодня уже определилось, об этом говорит тот факт, что на вопрос об отношении к частной собственности на землю ответ дали все респонденты.

Около половины опрошенных (46 %) высказали положительное отношение к частной собственности на землю. Помимо вполне понятного

стремления сельского жителя к тому, чтобы стать собственником основного средства сельскохозяйственного производства, имеются практические причины для такой позиции. Долгое время недостаточная разработанность нормативной базы земельной и аграрной реформы отрицательно сказывалась на развитии села. Земельно-правовой статус большинства сельскохозяйственных организаций, созданных в результате реорганизации колхозов и совхозов, оставался, да и сейчас остается весьма неопределенным, так как эти земли перешли в общую собственность их работников и других категорий граждан, ставших владельцами земельных долей. В такой ситуации трудно определить конкретного субъекта земельных правоотношений, что является одной из причин отрицательных тенденций в развитии села. Вместе с тем, 54 % опрошенных относятся к частной собственности на землю отрицательно.

Большую роль здесь играют достаточно сакрализованное отношение к земле, которая традиционно в России воспринимается как мать и кормилица, и вытекающее из такого отношения неприятие возможности свободной купли-продажи земли (что необходимо для полноценного функционирования института частной собственности), борющееся с пониманием, что земле нужен хозяин. Отсюда осознание большой ответственности подобной миссии. Также здесь весьма налицо вполне понятный страх сельскохозяйственных производителей быть отчужденными от земельных участков, потерять всякие права на землю, так же как рабочие городских предприятий в результате приватизации лишились прав на промышленные предприятия.

Интересной представляется возрастная структура ответов (рис. 26). Среди молодежи сторонников частной собственности на землю приблизительно в два раза больше, чем среди людей старшей возрастной группы. Данный факт объясняется тем, что молодежь, как правило, оказывается более восприимчивой к изменениям в экономической и социальной сферах (в то время как население среднего и пожилого возраста склонно к консерватизму, сохранению привычного уклада). Меньше всего сторонников частной собственности на землю среди людей пожилого возраста.

Эксперты занимают достаточно критическую позицию относительно влияния Земельного кодекса на развитие села (рис. 27). Среди них сильны

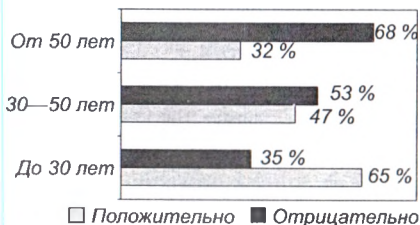

Рис. 26. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к частной собственности на землю?», по возрастным группам.

опасения, что земля будет заброшена. Таким образом, для экспертов характерно столь же осторожное отношение к новому витку земельной реформы, как и то, которое выявляется в результате массового опроса.

Итак, на сегодняшний момент село еще не определилось в своем отношении к частной собственности. Противники частной собственности на землю среди населения Тя-

жинского района преобладают над ее сторонниками, т. е. демократическая система ценностей еще не принята, как и общее направление развития российского общества.

Представления о социальной политике. По оценкам экспертов, из компонентов уровня жизни в наиболее неудовлетворительном положении в районе находится состояние здоровья людей (так думают 60 % экспертов), далее следует невозможность образования (это отметили 37 % экспертов). Также в плачевном состоянии находятся жилищные условия (30 %), досуг и культура (30 %), питание населения (22 %).

По мнению населения района, наиболее остро сегодня перед селом стоят проблемы социально-экономического характера, прежде всего безработица, пьянство и распространение бедности и нищеты (табл. 9).

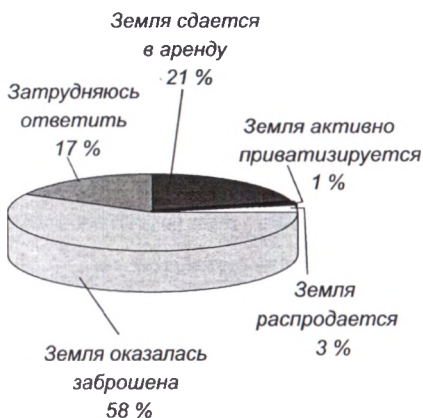

Рис. 27. Распределение ответов среди экспертов на вопрос «Роль нового Земельного кодекса в развитии вашего села?»

Таблица 9

Основные проблемы поселка, по мнению респондентов, %

Проблема	Доля отметивших, %
Безработица	60
Пьянство	37
Распространение бедности, нищеты	35
Задержка в выплатах зарплаты	34
Недостатки в работе местных органов управления	17
Загрязнение окружающей среды	17
Сокращение рождаемости	10
Слишком резкое расслоение на бедных и богатых	7
Наркомания	7
Преступность	7
Рост смертности	7
Моральное разложение	7
Напряженность в межнациональных отношениях	3
Нет проблем	8

Распределение ответов на вопрос: «Как можно охарактеризовать политику правительства в отношении села?», %

Ответ	Все опрошенные	Эксперты
Предпринимает усилия по решению проблем села	8	8
Бросило село на произвол судьбы	75	84
Политика направлена против села	18	8

Суммарный уровень тревожности (суммарный показатель озабоченности проблемами в той или иной социальной группе, характеризующий общий уровень социальной тревожности группы или степень ее включенности в проблемы общественной жизни) составляет 251 %, что свидетельствует о средней социальной активности населения.

Неудивительно, что в такой ситуации политика правительства в отношении российского села оценивается самими сельчанами негативно. 75 % опрошенных считают, что правительство бросило село на произвол судьбы, а еще 18 % полагают, что прослеживается политика направленная против села. Экспертные оценки в целом совпадают с оценками населения: 84 % экспертов отметили, что правительство бросило село на произвол судьбы (табл. 10).

Оценка населением проводимых в стране реформ, с точки зрения выигрыша или проигрыша от них, является косвенным показателем социальной мобильности и позволяет понять ожидания, которые население связывает с дальнейшим государственным реформированием. Более половины респондентов — 61 % продолжают считать себя проигравшими от реформ. Еще 31 % респондентов считают, что в результате реформ они не выиграли и не проиграли. Доля тех, кто считает себя выигравшими, напротив, является очень низкой — 3 %, 4,5 % затруднились дать оценку.

Важную роль в совершенствовании системы социальных гарантий и стратегии социальной политики в настоящее время призваны сыграть «изменение форм социальной помощи», осуществляемые в соответствии с федеральным законом «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

Распределение ответов на вопрос: «Как относитесь к замене льгот денежными компенсациями?», %

Ответ	Все опрошенные	Эксперты
Положительно	56	59
Отрицательно	24	23
Затрудняюсь ответить	20	18

Хотя социальная реформа предполагает изменение правового регулирования большого количества вопросов, связанных как с разграничением полномочий и заменой различных льгот и компенсаций на «меры адресной социальной поддержки», так и с широким спектром разнообразных социальных прав населения, в том числе социально-трудовых, однако, для населения страны из всего комплекса инноваций в регулировании социальной сферы, наиболее понятны меры по монетизации льгот — т. е. замене «натуральных» льгот «денежными компенсациями». С целью исследования восприятия населением реформы по «изменению форм социальной помощи» в анкеты массового опроса был включен вопрос «Как Вы относитесь к замене льгот денежными компенсациями?» (табл. 11).

Как показывает анализ результатов массового опроса, у жителей обследованных населенных пунктов, причем как у основной массы населения, так и у экспертов, данная реформа не вызывает негативного восприятия. Более половины респондентов относится, по разным причинам (рис. 28), к данным мерам положительно, а остальные либо не определились со своей позицией, либо относятся к очередному этапу социальному реформированию отрицательно (рис. 29). Большое количество респондентов, не определившихся в принципиальном согласии или отрицании реформы социальной поддержки, говорит о том, что население обследованного района либо не готово к проведению реформы (не обладают необходи-

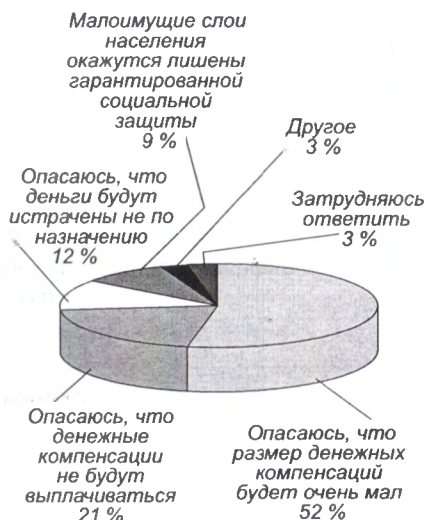

Рис. 28. Причины отрицательного отношения к замене льгот денежными компенсациями.

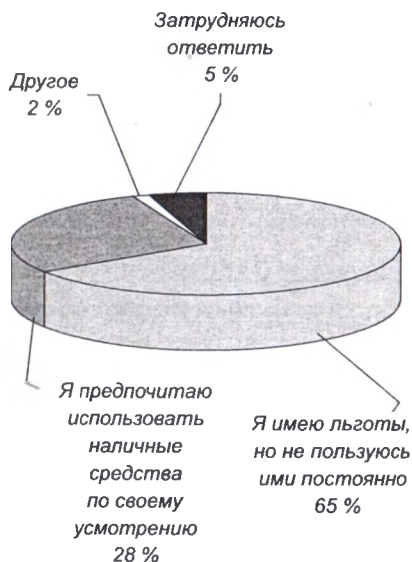

Рис. 29. Причины положительного отношения к замене льгот денежными компенсациями.

мой информацией), либо не придает изменениям форм социальной поддержки большого значения.

Основным поводом для неприятия данной реформы служит опасение, что выплаты будут малы, а причиной хорошего к ней отношения послужило то, что в сельской местности многие (48 %), имея льготы, просто не пользуются ими. В табл. 12 перечислены льготы, которые, по мнению респондентов, стоит сохранить. На первом месте, конечно, льготы для пенсионеров и детские пособия (отметило 53 и 44 % опрошенных соответственно).

Поскольку одна из целей реформы социальной сферы — разграничение полномочий и социальной ответственности между федеральными органами государствен-

ной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, то актуальным становится вопрос, какие органы власти пользуются наибольшей поддержкой среди различных социальных групп, от какого уровня власти население обследованных населенных пунктов ожидает реальной социальной поддержки?

Значительная часть экспертов (53 %) продолжает считать, что выполнение социальных гарантий на селе будет зависеть от федеральной власти. На региональную власть надеются 43 % экспертов и еще 19 % рассчитывают на местные органы управления.

Таблица 12

Социальные гарантии, которые, по мнению респондентов, необходимо сохранить?

Льгота	Доля согласных, %
Единое социальное пособие для малоимущих	31
Детские пособия	44
Северный коэффициент	42
Льготы для пенсионеров	53
Льготы для инвалидов	40

Среди сельского населения основная масса (57 %) возлагает свои надежды в решении социальных проблем на областную администрацию, главой которой является Аман Тулсев. На втором месте государство (тогда президент Путин) — 22 %. И всего лишь 5 % опрошенного населения связывают свои надежды с местной администрацией. Остальные респонденты затруднились ответить. Таким образом, в обследованном районе, как и в других районах Кемеровской области, очень высок авторитет региональной власти. Об этом свидетельствует и рейтинг авторитетности ведущих политических деятелей, который является довольно адекватным показателем реальных политических предпочтений населения. Рейтинг доверия политическому деятелю — это показатель доверия не только к личности, но и к декларируемой ею системе ценностей и реальной общественно значимой деятельности.

Необходимо отметить, что большая доля респондентов, затруднившихся с ответом на вопрос, от какого уровня власти они ожидают социальной поддержки, свидетельствует о том, что значительная часть населения, собственно говоря, не рассчитывает на помощь государства и его органов в разрешении личных проблем (рис. 30). Россияне уже давно привыкли действовать самостоятельно, в «автономном» режиме, и особо не рассчитывают на помощь и поддержку со стороны властей. Сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. Происходит индивидуализация мас-

Рис. 30. Распределение ответов на вопрос «С кем или чем Вы связываете надежды по разрешению личных проблем?» по населенным пунктам.

совых установок, в условиях которой говорить о какой бы то ни было солидарности, совместных действиях, осознании общности групповых интересов не приходится.

Политическая ситуация и ожидания населения. Помимо вопросов, позволяющих проанализировать отношение жителей Тяжинского района к существующей государственной социальной политике и представления населения о необходимых направлениях ее развития, анкета массового опроса также включала вопросы, позволяющие отследить политические настроения и предпочтения населения. Ответы на эти вопросы позволяют выявить не только сами по себе политические предпочтения, но и скрывающиеся за ними ценностные установки населения. Комбинация этих вопросов позволяет как выявить структуру лояльности населения, так и провести мониторинг восприятия населением эффективности государственной и социальной политики.

Анализ данных опроса показывает, что среди сельского населения Тяжинского района существуют три типа реакции на проводимую государством политику и, соответственно, три типа оценок правительства: отрицание, одобрение и неопределенность в оценке. На вопрос «Является ли правительство действительным представителем интересов населения?» 46 % респондентов ответило «Нет», 47 % — «В некоторой степени» и лишь 7 % — «Да».

Анализ возрастной структуры политической лояльности населения показывает, что число респондентов, полагающих, что правительство является действительным представителем интересов населения, колеблется от 5 % среди молодежи до 30 лет до 7 % в возрастной группе старше 50 лет и составляет 8 % в возрастной группе от 30 до 50 лет. Число опрошенных, не разделяющих подобной точки зрения и, соответственно, критично относящихся к правительству составляет 50 % среди молодежи до 30 лет, 41 % в возрастной группе от 30 до 50 лет и 48 % в возрастной группе старше 50 лет, т. е. доля недовольных правительственным курсом особенно высока среди младших поколений жителей Тяжина. В целом обращает на себя внимание равное представительство негативных и позитивных оценок правительства.

Значительная часть опрошенных полагает, что ситуация в стране развивается скорее в правильном направлении (42 %), при этом доля убежденных сторонников проводимой государством политики в Тяжинском районе крайне незначительна и составляет всего 7 %. Негативно оценивают ситуацию в стране (развитие в совершенно неправильном и скорее неправильном направлении) 16 и 35 % опрошенных соответственно. Таким образом, среди респондентов Тяжинского района положительно и отрицательно оценивающих ситуацию практически поровну (49 и 51 % соответственно).

Обращает на себя внимание низкая доля крайних, радикальных оценок: ответы «совершенно правильно» и «совершенно неправильно» выбрали соответственно 7 и 16 % от общего числа опрошенных. И, наоборот, 77 % респондентов не склонны к однозначной оценке происходящих в стране процессов, т. е. отчетливо прослеживаются тенденция средней оценки, когда подавляющее большинство опрошенных выбирают ответ «скорее правильно» или «скорее неправильно».

Данные мониторинга показывают, что, тяготея к взвешенным, средним оценкам при характеристике правительства и общего направления развития ситуации в стране, респонденты в обследованном районе намного более критично воспринимают государственную политику (политику правительства) по отношению к селу.

В социально-политической сфере люди вынуждены исходить не из некоего идеального перечня (или перечней) ценностных установок, которые представляются им наиболее важными, а из конкретного, довольно ограниченного набора ориентаций, предлагаемых им на политическом и идеологическом рынках. Именно эти ориентации и реализуются через электоральное поведение и/или выражение доверия к ведущим политическим лидерам в ходе опросов общественного мнения. Рейтинги авторитетности ведущих политических деятелей являются довольно адекватным показателем реальных политических предпочтений населения. Измеренный с помощью мониторингов общественного мнения рейтинг доверия политическому деятелю — это показатель доверия не только к личности, но и к декларируемой ею системе ценностей.

Подавляющее большинство опрошенных (86 %) не является сторонником какой-либо определенной партии или не доверяют ни одной из партий. Только около 2 % из общего количества респондентов являются сторонниками КПРФ. В составе возрастной группы старше 50 лет число сторонников КПРФ возрастает до 7 %, что компенсируется, впрочем, отсутствием ее популярности у более младших возрастных групп (0 %). ЛДПР доверяют 4 % респондентов. В младших возрастных группах этот показатель составил 3 и 6 % (до 30 лет и от 30 до 50 лет соответственно). В старшей возрастной группе эта партия вообще не популярна. Наиболее популярная партия — «Единая Россия». За нее высказались 7 % опрошенного населения, что по возрастным группам составляет 3, 10 и 4 % от младших к старшим.

Отсутствие интереса к политическим партиям можно объяснить высоким уровнем недовольства политикой по отношению к селу, проводимой сверху, к которой оказываются причастны в той или иной мере все институализировавшиеся, «думские» партии, а также своеобразным характером российской многопартийной системы, носящей во многом поверхностный, «городской» характер и не удовлетворяющей идеологический спрос сельского населения. Непопулярность политических партий объясняется,

помимо прочего, также традиционными чертами менталитета населения. Россию всегда отличали высокая степень персонифицированности власти, ее отождествление в общественном сознании с личностью конкретного политического лидера или небольшой группой политиков и ведущая роль “вождей” в развитии и совершенствовании общества. Итак, причиной непопулярности политических партий в значительной степени является тот факт, что харизматическое измерение политики оказывается более доступным для жителей района (политика идентифицируется не с партиями, а с личностями).

Наибольшей поддержкой среди населения обследованного района пользуется А. Тулеев, о доверии ему заявили 53 % опрошенных. В то же время о доверии В. Путину заявили 25 % респондентов. Такая ситуация объясняется тем, что в условиях сильной областной власти наибольшее доверие вызывает зарекомендовавший себя как успешный региональный политик-хозяйственник А. Тулеев, на фоне которого президент как бы отходит на второй план. Видимо, население ожидает от власти, наряду со стабильностью, постановки под общественный контроль крупного бизнеса, содействия перераспределению природной ренты в пользу общества, развитию малого и среднего бизнеса, усилению вертикальной мобильности, обновлению элит за счет провинциального ресурса. Однако реальная политика федеральной власти оказалась далека от этих ожиданий. В то же время многие из этих функций выполняет областная власть в лице А. Тулеева и его администрации. Отсюда весьма сдержанное отношение к президенту жителей российской провинции.

Однако рейтинг президента В. Путина выше, чем рейтинг «партии власти» (о поддержке «Единой России» заявили 7 % опрошенных), что говорит о политической лояльности власти, персонифицированной именно в лице харизматического лидера. Также 15 % опрошенных заявили, что не доверяют ни одному из действующих российских политиков.

Таким образом, результаты исследования зафиксировали снижение патерналистских настроений среди жителей обследованного района. Современная социальная политика, проводимая государством, в целом не отвечает ожиданиям населения. Несмотря на то, что сельчане по-прежнему надеются на помощь государства, однако постепенно происходит переориентация на региональные структуры власти, доказавшие в последние годы свою эффективность.

В заключение данного обзора наиболее интересных результатов экспедиции необходимо подчеркнуть, что собранные материалы далеко не исчерпываются описанными выше переменными.

2.2. Специфика адаптационных стратегий сельского населения в полиэтничных регионах

Карасукский район достаточно урбанизирован: районный центр — город с развитой инфраструктурой, который находится на пересечении транспортных потоков и является крупным железнодорожным и автодорожным узлом. Не в последнюю очередь это обусловлено специфическим географическим положением района, который граничит с Республикой Казахстан.

Обследованный район характеризуется полиэтничным составом населения: наряду с русскими здесь компактно проживают казахи и немцы. Для немцев характерен высокий уровень миграции, связанный с массовым отъездом населения в Германию. Казахи сохраняют обширный пласт традиционных социально-культурных практик, оказывающих существенное влияние на формы адаптации к новым экономическим условиям.

Предполагалось, что урбанизированность, приграничное положение и наличие мест компактного проживания окажутся факторами, существенно влияющими на социально-экономическую ситуацию в районе.

В 2003 г. были обследованы следующие населенные пункты: Карасук, Токпан, Октябрьское, Калиновка, Михайловка, Троицкое, Сорочиха, Чернокурья, Нижнебаяновский, Александровка, Карасарт. Таким образом, из двадцати трех населенных пунктов района было обследовано одиннадцать. Отбор населенных пунктов осуществлялся на основании данных о национальном составе населения: а) казахские села (Токпан, Карасарт), б) немецкие села (Октябрьское), в) русские села (Калиновка, Чернокурья), г) села со смешанным национальным составом (Александровка, Михайловка). Учитывались также численность жителей в каждом из населенных пунктов и степень эффективности работы крупхозов.

Для сбора эмпирических материалов в ходе экспедиции применялись следующие методы: 1) массовый опрос населения обследованных сел и поселков; 2) стандартизованный экспертный опрос представителей сельской интеллигенции и местной элиты; 3) выборочное неформализованное интервьюирование экспертов и представителей сельской интеллигенции; 4) паспортизация обследованных сел; 5) сбор документов официальных органов власти (статсправки, планы, программы развития и т. д.)

В ходе массового опроса населения всего было опрошено 195 респондентов. Также было проведено 87 стандартизованных экспертных интервью и 17 неформализованных интервью с представителями местной элиты (всего 6 часов аудиозаписи).

Демографическая ситуация, брак и проблемы семьи. Результаты обследования позволяют охарактеризовать современное состояние брачно-семейных отношений в районе (табл. 13). 72 % опрошенных состоят в зарегистрированном браке, 4 % — в незарегистрированном.

**Распределение ответов на вопрос о семейном положении,
% от числа ответивших**

Семейное положение	Все	Мужчины	Женщины	До 30 лет	30 — 50 лет	50 лет и старше
Состоят в браке	72	80	64	47	87	71
Не регистрировались	4	1	6	5	3	3
Не состоят в браке	24	19	29	47	10	26

Уровень брачности мужчин в районе выше уровня брачности женщин — 80 и 64 % соответственно. Однако среди женщин чаще имеют распространение незарегистрированные браки — 6 %. Также незарегистрированные браки распространены среди молодежи. Так, число респондентов в возрасте до 30 лет, состоящих в незарегистрированном браке, составляет 5 %. В возрастной группе от 30 до 59 лет состоят в незарегистрированном браке лишь 3 % опрошенных.

По району не состоят в браке 24 % опрошенных, в том числе 19 % мужчин и 29 % женщин. Наиболее высокая доля лиц, не состоящих в браке, приходится на молодежь — 47 %. Доля лиц в возрасте 30—59 лет, не состоящих в браке, составляет 10 %.

Брачное состояние населения района в этническом разрезе показывает, что в официально оформленном браке состоят 71 % русских, 79 % казахов и 64 % немцев (табл. 14). По сравнению с остальными, число лиц, состоящих в незарегистрированном браке, выше среди немцев — 7 %.

Характер браков в районе с точки зрения этнической принадлежности партнеров, до настоящего времени остается в значительной мере гомогенным (табл. 15). Данные опроса свидетельствуют, что большинство браков в районе совершается между лицами одной национальности. Это касается прежде всего русских и казахских респондентов. В этнически однородном браке состоят 71 % казахов и 69 % русских. Среди немцев района высока доля смешанных браков. В этнически однородном браке состоят только 32 % опрошенных немцев, в то время как 36 % немцев состоят в браке с представителями русской национальности.

Таблица 14

Семейное положение в этническом разрезе, % от числа ответивших

Семейное положение	Все	Казахи	Русские	Немцы
Состоят в браке	72	79	71	64
Не регистрировались	4	0	3	7
Не состоят в браке	24	21	26	29

Этническая гомогенность браков, % от числа ответивших

Национальность супруга	Все	Казахи	Русские	Немцы
Казах	23	71	0	0
Русский	41	0	69	36
Немец	5	0	1	32
Другое	6	5	3	4
Нет ответа	25	24	26	29

Число лиц, не ответивших на вопрос о национальной принадлежности супруга, коррелируется с числом респондентов, не состоящих в браке.

В то же время в районе наблюдается достаточно лояльное отношение к межнациональным бракам. По данным опроса, 93 % русских, 81 % казахов и 89 % немцев не считают такие браки менее устойчивыми, чем мононациональные. Следует отметить, что более критично относятся к межнациональным бракам респонденты младшей возрастной группы. Так, на неустойчивость подобных браков указывают 14 % респондентов в возрасте до 30 лет. В средней и старшей возрастных группах этот показатель составляет 8 и 3 % соответственно.

Повсеместное распространение практики планирования детей сформировало среди населения района определенные репродуктивные установки. По мнению респондентов, в современной семье достаточно иметь в среднем 2,3 ребенка. Репродуктивные установки казахов немного выше, чем русских и немцев: 2,6, 2,3 и 2 соответственно. Репродуктивные установки мужчин и женщин практически не различаются: 2,2 и 2,3 ребенка соответственно.

У разных возрастных групп репродуктивные установки практически совпадают, немного выше они у старшей возрастной группы — 2,4 ребенка.

Таблица 16

Количество детей в семье

Этнос	До 7 лет	От 8 до 16 лет
Все опрошенные	1,4	1,5
Русские	1,3	1,4
Казахи	1,6	1,5
Немцы	1,2	1,3

Состав семьи в этническом разрезе

Состав семьи	Все	Казахи	Русские	Немцы
Числов семьи	3,9	4,8	3,5	3,6
Работающих	1,7	1,7	1,7	1,8
Пенсионеров	1,4	1,4	1,5	1,2
Детей до 7 лет	1,4	1,6	1,3	1,2
Детей от 8 до 16 лет	1,5	1,5	1,4	1,4

По данным опроса, среднее число детей на обследованное население района составляет 2,4 ребенка на семью. Наиболее высокие показатели детности характерны для казахского этноса — 3,2 ребенка на семью, у русских — 2,1, у немцев — 1,9 ребенка.

По данным опроса, число детей в возрасте до 7 лет практически не уступает числу детей в возрасте от 8 до 16 лет: 1,42 и 1,48 соответственно (табл. 16). Но спад рождаемости продолжается, а сама рождаемость не дотягивает до уровня простого воспроизводства.

Наиболее распространены в районе нуклеарные семьи, состоящие из родителей и детей. По данным опроса, средний размер семейных домохозяйств в районе составляет 3,98 человек. Для сравнения, по данным микропереписи 1994 г., средний размер домохозяйств в России составлял 2,84 чел, в Западной Сибири — 2,92 чел.

Самые большие семьи в районе у казахов — 4,8 человека, причем это достигается за счет большего числа детей. У русских и немцев размер семьи составляет соответственно 3,5 и 3,6 человека. Структура и состав семьи у различных национальностей практически не различаются: число работающих и пенсионеров приблизительно одинаково (табл. 17).

Занятость, безработица и социальный статус. В отличие от большинства сельскохозяйственных районов Новосибирской области, в Карасукском районе наблюдается достаточно низкий уровень реальной безработицы (рис. 31).

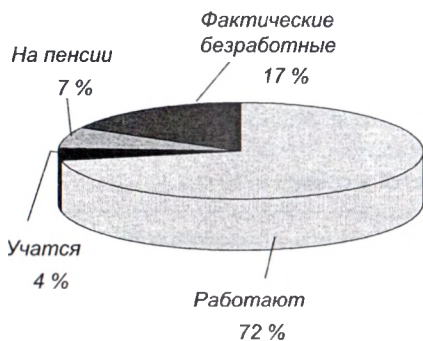

Рис. 31. Социальный статус респондентов массового опроса.

Только 17 % опрошенных в ходе массового опроса могут быть отнесены к категории безработных. При этом наиболее высок уровень безработицы среди молодежи: он достигает 27 %. По этим параметрам обследованный район близок к Новосибирскому сельскому району, т. е. к урбанизированным районам области. Экспертная оценка уровня реальной безработицы на селе близка к результатам, полученным в ходе массового опроса (табл. 18).

Достаточно низкий уровень безработицы объясняется, с одной стороны, тем что районным центром здесь является город, обеспечивающий дополнительный рынок труда и рынок сбыта, а с другой стороны, тем что в районе повсеместно сохранилась система крупхозов. Несмотря на то, что практически все крупные хозяйства района, независимо от формы собственности, переживают экономический кризис, именно крупхозы обеспечивают работой подавляющее большинство населения района (около 90 % работающего населения района работает на крупных сельскохозяйственных государственных и акционерных предприятиях).

Используя данные о характере выполняемых респондентом работ, можно реконструировать социальный статус опрошенных. Заметим, что применяемая в наших исследованиях методика основывается на выяснении ряда базовых объективных переменных (таких как тип труда — физический или умственный (табл. 19), необходимость специального образования и т. д.). Это позволяет получать более реалистичную картину социальной стратификации, нежели при использовании обычной методики, основанной на самоидентификации респондентов («К какой социальной группе Вы бы себя отнесли?»).

Данные относительно неработающего населения будут проанализированы ниже, а пока что рассмотрим более внимательно цифры, касающиеся респондентов, занятых в тех или иных формальных организациях. Среди работающих респондентов лица, занятые физическим трудом, составляют наиболее обширную группу (67 %). Работники, занятые преимущественно умственным трудом, составляют 33 %. К этой группе относятся служащие и специалисты — в основном женщины, среди которых доля занятых умственным трудом значительно больше, чем среди мужчин. Мужчины, занятые умственным трудом, в основном являются руководителями низшего звена.

Экспертная оценка реального уровня безработицы

Оценка уровня безработицы	Доля экспертов, %
Менее 10	30
От 10 до 30 %	34
От 30 до 50 %	27
Более 50 %	9
В среднем	24

Распределение ответов на вопрос «Каким видом труда Вы заняты на работе?», % от числа ответивших

Ответ	Все	Мужчины	Женщины
Нет ответа	27	27	27
Физическим	49	59	38
Умственным	28	17	40

Как правило, труд требует умения и определенной квалификации. В ходе массового опроса 62 % работающих респондентов заявили, что их работа требует образования (табл. 20). Доля респондентов, занятых низкоквалифицированным трудом, составляет 38 % от всех работающих респондентов.

Подавляющее число работающих занято на сегодня только в одной организации. Как показывают результаты прошлых исследований, такая ситуация вообще характерна для сельской местности, где слабо развит рынок труда (в отличие от городской среды).

Большинство работающих респондентов занято на предприятиях с государственной и акционерной формой собственности: 58 и 34 % соответственно. В частных организациях занято только 8 % работающего населения.

Уровень жизни во многом характеризуется не только размером доходов, но и регулярностью их получения. Для основной части населения это связано со своевременной выплатой заработной платы и различных социальных трансфертов. В обследованных населенных пунктах зафиксирован весьма высокий уровень задержек заработной платы: в среднем по массиву 47 % (рис. 32).

Как видно из рисунка, по сравнению с Маслянинским районом НСО в Карасукском районе этот показатель более «благополучен». Однако на фоне этого же показателя для Новосибирского сельского района ситуация выглядит достаточно кризисной.

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос «Требуется ли Ваша работа специального образования?», % от числа ответивших

Ответ	Все	Мужчины	Женщины
Нет ответа	27	27	27
Да	45	48	42
Нет	28	25	31

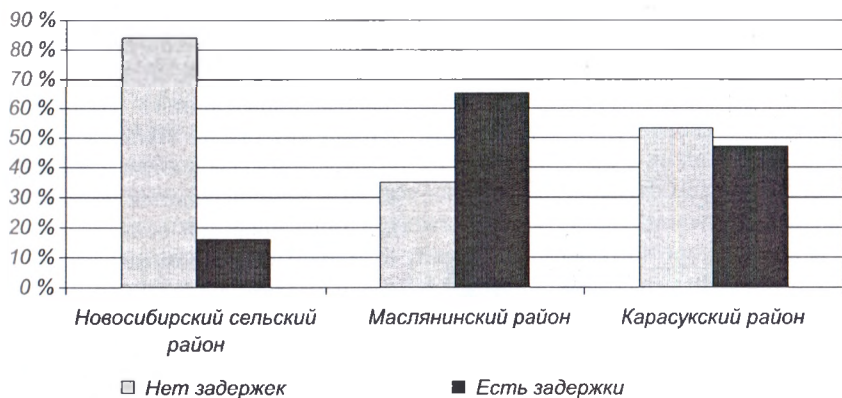

Рис. 32. Доля работников, которым задерживают зарплату, % от числа работающих

Напомним, что в сельскохозяйственных районах выплата заработной платы зависит от цикличности сельскохозяйственного производства, когда финансирование предприятие получает только после реализации своей продукции. В Новосибирском сельском районе невысокий уровень задержек по выплате заработной платы обусловлен тем, что значительная часть населения района работает на городских предприятиях, на которых задержек с выплатами практически не бывает.

В момент опроса реальный уровень безработицы (установленный по методике МОТ) составлял около 14—15 % всего трудоспособного населения, остальные 2—3 % неработающих лиц трудоспособного возраста не имеют работы, но не хотят или не пытаются ее искать. Правда, как отмечалось в наших предыдущих работах, в условиях сельской местности, где число работодателей сильно ограничено, у многих людей практически нет никаких возможностей для поиска работы и именно этот фактор оказывается лимитирующим.

Доходы населения и уровень бедности. Среднедушевой доход в Карасукском районе по данным нашего исследования составляет 894 р. на члена семьи в месяц. Такой показатель является средним для сельских районов Новосибирской области.

Можно заметить, что зафиксированный нами среднедушевой доход ниже прожиточного минимума (официальный прожиточный минимум по России составляет 1574 р.). Только малая часть опрошенных в ходе массового опроса (17 %) имели доходы выше прожиточного минимума, причем к категории зажиточных (более двух ПМ на члена семьи в месяц) относились только 3 % семей (табл. 21). Подавляющее большинство семей имели среднедушевой доход менее одного прожиточного минимума, т. е. находились за чертой бедности. При этом в 47 % обследованных семей поло-

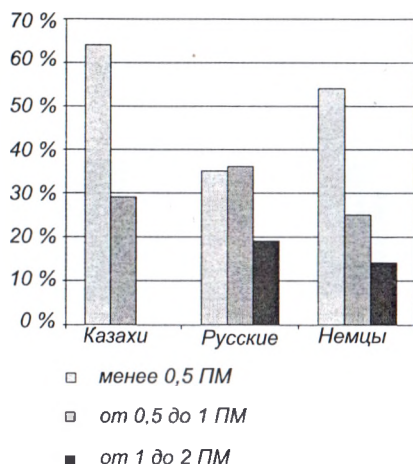

Рис. 33. Зависимость доходов от национальности опрошенных.

в зависимости от их национальной принадлежности (рис. 33).

У респондентов казахской национальности доход в 2 раза меньше, чем у русских (562 против 1094 р.). Отчасти это объясняется сравнительно большим размером семьи казахов, что, в свою очередь, прежде всего, связано с большим числом детей. Так как среднее число работающих в семьях русских и казахов одинаково (1,7 человека), большее число иждивенцев приводит к некоторому снижению уровня среднедушевых доходов у казахов.

Данные экспертного опроса позволяют проанализировать структуру доходов населения района. По сравнению с другими районами для обследованного района характерна более высокая доля заработной платы в общей структуре доходов населения (табл. 22).

жение особо тяжелое, поскольку среднедушевой доход для них находится на отметке ниже, чем половина прожиточного минимума на каждого члена семьи в месяц.

По этим параметрам обследованный район находится на средней для Новосибирской области отметке. Четыре из пяти домохозяйств района попадают в категорию крайне бедных (операционализация «бедности» и «крайней бедности» соответствует общепринятой градации, принятой в отечественной социальной статистике).

В то же время наблюдаются заметные различия в распределении респондентов по уровню доходов

Таблица 21

Уровень среднедушевых доходов населения в Карасукском районе

Уровень доходов	Доля, %
Крайняя бедность (менее 0,5 ПМ)	47
Бедность (от 0,5 до 1 ПМ)	36
Более 1 ПМ на члена семьи	14
Более 2 ПМ	3

Таблица 22

Доля зарплаты в общей сумме доходов населения

Оценка	Доля оценивших, %
Менее одной трети	39
От одной до двух третьих	34
Две третьих и более	26

По мнению экспертов, наибольшее значение для жизнеобеспечения средней сельской семьи имеют не пенсии и пособия (как в других районах), а доходы от реализации продуктов собственного хозяйства (76 %) и заработная плата (74 %), и только на третьем месте — пенсии и пособия (52 %).

Домашнее хозяйство. В силу низких денежных доходов основу жизнеобеспечения в районе составляет натурализованное личное крестьянское хозяйство. Среди респондентов массового опроса его вели 96 % опрошенных. Но товарность этого хозяйства остается на достаточно низком уровне. Тем или иным способом реализует свою продукцию 13 % хозяйств. Близость границы с Казахстаном в данном случае не играет особой роли. Основным каналом сбыта продукции на сегодня являются российские частные скупщики.

Несмотря на наличие перерабатывающих предприятий в районе и, прежде всего, в г. Карасук, их мощностей не хватает для переработки продукции, производимой домашним хозяйством. Отсутствие внутреннего локального рынка является одной из основных проблем, стоящих перед районом и определяющих низкую товарность домашнего хозяйства.

Таким образом, основная функция личного подсобного хозяйства заключается в обеспечении продуктами питания, которые потребляются внутри хозяйства, а не выводятся вовне (табл. 23).

Показатели домашнего хозяйства по району являются средними для Новосибирской области. Хотя меньше земли отводится под огород и картофель, в то же время количество скота и птицы чуть выше, чем в других обследованных районах.

78 % экспертов оценили роль личных крестьянских подворий в экономике района как «очень высокую». Наряду с этим 72 % экспертов отметили очень высокую роль крупхозов. Заметим, что фермерство, как новая организационная форма, в районе не привилось, роль фермерских хозяйств отметили только 12 % экспертов.

Таблица 23

Формы реализации продукции личного хозяйства, % от числа ответивших на соответствующий вопрос

Форма реализации	Доля ответивших
Сдача государству	1
Сдача российским частным скупщикам	8
Сдача частным скупщикам из Казахстана	1
Реализация самостоятельно или через родственников	3
Потребление в собственном домашнем хозяйстве	95

Очевидно, что в условиях низкой заработной платы государственные трансферты поступают в крестьянское хозяйство в псевдозэкономической форме (комбикорма, доступ к технике и материалам ГСМ). Небольшие земельные наделы не очень плодородной почвы (солончак) компенсируются большим количеством домашнего скота и птицы, корма для которых сельчане так или иначе получают через крупхозы.

Таким образом, специфической чертой социально-экономической ситуации в районе является наличие редистрибутивных каналов в виде крупных сельскохозяйственных предприятий.

Уровень жизни населения обследованного района находит свое отражение в структуре расходов сельчан, которая характеризуется возрастанием доли расходов на текущее потребление за счет уменьшения сбережений и капитальных вложений. Результаты экспертизы структуры расходов типичной сельской семьи являются еще одним подтверждением того, что доходы населения находятся на минимальном уровне, обеспечивающем простое выживание.

Значительная часть (40 %) денежных средств расходуется на приобретение продуктов питания, несмотря на то, что немалую часть продуктов типичная сельская семья получает в своем собственном хозяйстве.

Заметную часть расходов (15 %) составляют также коммунальные платежи и транспорт. Еще 15 % приходится на приобретение необходимых хозяйственных товаров. Кроме того, в среднем 14 % бюджета сельских жителей идет на образование детей.

После всех этих расходов доля, приходящаяся на товары долговременного пользования, составляет 12 %, а на досуг и того меньше — 3 %. Можно сказать, что типичные сельские домохозяйства не имеют свободных денежных средств и не могут позволить себе ничего «лишнего».

Поземельные отношения и земельная реформа. Более половины опрошенных в Карасукском районе (58 %) высказали положительное отношение к частной собственности на землю. Вместе с тем, 42 % опрошенных относятся к частной собственности на землю отрицательно. Интересной представляется возрастная структура распределения ответов (табл. 24).

Таблица 24

Возрастная структура распределения ответов на вопрос «Как вы относитесь к частной собственности на землю?», % от числа ответивших

Ответ	Все	До 30 лет	30—50 лет	От 50 лет
Положительно	58	71	59	32
Отрицательно	42	29	41	68

Среди молодежи сторонников частной собственности на землю приблизительно в два раза больше, чем среди людей старшей возрастной группы. Представляется, что данный факт объясняется двумя причинами. Во-первых, молодежь, как правило, оказывается более восприимчивой к изменениям в экономической и социальной сферах (в то время как население среднего и пожилого возраста склонно к консерватизму, сохранению привычного уклада).

Во-вторых, молодежь, в значительной массе не владеющая земельными паями, воспринимает землю как определенный вид капитала, не только являющийся хорошим подспорьем, но и повышающий социальный статус (что отчасти прослеживается из данных массовых опросов — именно среди молодежи и среднего возраста наблюдается некоторое число людей, намеревающихся купить землю (4—5 %).)

Как видно из рис. 34, население Карасукского района не только занимает вполне четкую позицию в вопросе о форме собственности на землю, но уже и вполне определилось, как распорядиться своим земельным участком. Подавляющая часть населения Карасукского района настроена на то, чтобы собственноручно использовать свои земельные участки. Лишь незначительная часть намерена сдавать свои участки в аренду (10 %) или продать землю (2 %). Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что даже введение частной собственности на землю при подобных настроениях населения не может привести к активному вовлечению сельскохозяйственных земель в торговый оборот.

Несколько по-другому оценивают возможное развитие событий эксперты (табл. 25).

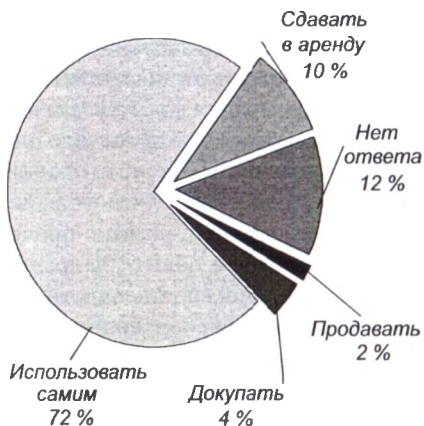

Рис. 34. Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы хотели в будущем распорядиться своим земельным участком?».

Таблица 25

Распределение ответов среди экспертов на вопрос «Роль нового Земельного кодекса в развитии Вашего села?»

Ответ	Доля, %
Земля будет сдаваться в аренду	24
Земля будет активно приватизироваться	6
Земля будет распродаваться	26
Земля будет заброшена	28
Затрудняюсь ответить	31
Нет ответа	3

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

Они достаточно критичны. Среди них сильны опасения, что земля будет распродана или заброшена. Таким образом, для экспертов характерно более осторожное отношение к новому витку земельной реформы, чем то, которое выявляется в результате массового опроса.

Итак, на момент опроса село определилось в своем отношении к частной собственности. Число сторонников частной собственности на землю среди населения Карасукского района преобладает над ее противниками, что свидетельствует, помимо прочего, о принятии демократической системы ценностей и общего направления развития российского общества.

Идея частной собственности на землю популярна среди всех возрастных групп, однако, больший отклик она встречает среди молодежи в возрасте до 30 лет. Наименьшее число сторонников частной собственности на землю среди людей пожилого возраста.

Подавляющая часть населения Карасукского района настроена на то, чтобы собственноручно использовать свои земельные участки. Лишь незначительная часть намерена сдавать свои участки в аренду или продать землю. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что даже введение частной собственности на землю при подобных настроениях населения не может привести к активному вовлечению сельскохозяйственных земель в торговый оборот.

Национальная и конфессиональная идентификация. Карасукский район населен разными по языку и культуре этносами. В ходе социологического обследования Карасукского района были опрошены респонденты в соотношении, %: казахов — 30, русских — 49, немцев — 14 и представителей иных этносов — 7.

По результатам опроса, респонденты продемонстрировали высокую степень идентификации со своей этнической группой (табл. 26).

Четкая этническая идентичность респондентов указывает на сохранение в районе границ этничности на уровне массового сознания. Несмотря на длительное сосуществование, представители различных этнических групп сумели противостоять естественной ассимиляции. Основным фактором этого можно назвать ограниченность межэтнических контактов в брачных отношениях.

Таблица 26

Этническая идентификация, %

Этнос	Все	Казахи	Русские	Немцы	Другие
Казахи	30	100	0	0	0
Русские	49	0	100	0	0
Немцы	14	0	0	100	0
Другие	7	0	0	0	100

**Согласие с утверждением, что смешанные браки менее устойчивы,
% от числа опрошенных**

Ответ	Все	Казахи	Русские	Немцы
Да	9	12	5	11
Нет	88	81	93	89
Нет ответа	4	7	2	0

Действительно, анализ этнической принадлежности родителей респондентов показывает гомогенный характер большинства их семей. Практически у 100 % респондентов национальности отца и матери совпадают. Некоторое исключение составляют немцы, в поколении родителей которых наиболее высока доля смешанных браков. Так, у 11 % немцев мать является по национальности русской.

Число межэтнических браков, как известно, в значительной степени определяется степенью лояльности этноса к их заключению. По материалам опроса, в наше время основная масса респондентов относится к смешанным бракам положительно. На стабильность этнически неоднородных браков указывают 81 % казахов, 93 % русских и 89 % немцев (табл. 27).

В полиэтническом сообществе особое значение приобретает вопрос и о возможности заключения брака между представителями различных вероисповеданий. По результатам опроса, большинство опрошенных не считают браки между людьми разных религий предосудительными и неустойчивыми (табл. 28).

В настоящее время в Карасукском районе наблюдается развитие тенденции расширения контактов русских, казахов и немцев на уровне семейно-брачных отношений. По результатам опроса, в районе только 69 % русских, 71 % казахов и 32 % немцев состоят в этнически однородном браке (табл. 29). Наиболее высокий уровень заключения межэтнических браков характерен для немцев.

Таблица 28

**Согласие с утверждением, что межрелигиозные браки менее устойчивы,
% от числа опрошенных**

Ответ	Все	Казахи	Русские	Немцы
Да	13	12	14	14
Нет	84	81	84	86
Нет ответа	3	7	2	0

Национальность жены (мужа), % от числа опрошенных

Этнос супруга	Казахи	Русские	Немцы	Другие
Казах	71	0	0	21
Русский	0	69	36	29
Немец	0	1	32	0
Другие	5	3	4	36
Нет ответа	24	26	29	14

Вместе с тем, из представленных в табл. 29 данных видно, что казахи, с одной стороны, и русские с немцами, с другой, практически не заключают браков между собой. Это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании некоторой социальной дистанции между рассматриваемыми этническими группами.

У представителей рассматриваемых трех этнических групп, при определении национальности детей, явно прослеживается стремление отнести их к своему этносу. В большей мере это характерно для казахов и, особенно, для немцев. Несмотря на то, что только 32 % немцев состоят в этнически однородном браке, 54 % немцев при определении национальности ребенка отдают предпочтение немецкой национальности (табл. 30). В данном случае можно предположить, что выбор не случаен и оправдывается практическими целями. В частности, немецкие корни позволяют ребенку претендовать на эмиграцию на историческую родину — в Германию.

Важный интерес для нашего исследования составляет языковая ситуация в районе. В ходе обследования респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какой язык (какие языки) Вы считаете родным?». Данные ответа на этот вопрос представлены в табл. 31.

Таблица 29

Национальность детей, % от числа опрошенных

Этнос	Казахи	Русские	Немцы	Другие
Казахи	76	0	0	14
Русские	0	77	25	29
Немцы	0	0	54	0
Другие	5	1	0	36

**Распределение ответов на вопрос: «Какой язык Вы считаете родным?»,
% от числа опрошенных**

Язык	Казахи	Русские	Немцы
Казахский	95	0	0
Русский	12	100	75
Немецкий	0	0	25

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

Как видно из таблицы, 70 % из всего обследованного массива считает родным языком русский язык, 29 % — казахский. В обследованном районе казахи сохраняют свой язык (95 % их отмечают его в качестве родного). Для части казахов, с детства двуязычных, русский язык также является родным (12 %). Среди немецкого населения района в отношении родного языка складывается неблагоприятное положение. В районе основная масса немцев разговаривает на русском языке, поэтому для 75 % из них он является родным.

Результаты опроса показали, что в районе сильна позиция русского языка. Все население района владеет им (2 % казахов — с трудом).

Двуязычие в Карасукском районе распространено мало. Несмотря на совместное проживание разноязычных этносов, русское население преимущественно владеет только родным языком. По данным опроса, билингвами являются казахское население района. В условиях сильного влияния русскоязычного информационного фона, 97 % казахов свободно владеют родным языком, 2 % — с трудом. Степень охвата двуязычием немцев значительно ниже, чем казахов. В немецкой среде престиж родного языка достаточно высок: 32 % немцев владеют немецким языком свободно, 25 % — с трудом.

Таблица 32

Степень владения письменным языком, % от числа опрошенных

Язык	Казахи	Русские	Немцы
Русский	72	100	89
Казахский	81	0	0
Немецкий	0	0	11
Нет ответа	2	0	11

Таблица 33

Языки мышления

Язык	Казахи	Русские	Немцы
Русский	71	100	93
Казахский	83	0	0
Немецкий	0	0	14
Нет ответа	2	0	7

Двуязычие казахов Карасукского района можно считать полным. Они в одинаковой мере владеют и казахским и русским языками, т. е. могут на обоих языках говорить, думать и писать (табл. 32, 33). Немецкое население района лучше владеет русским языком, чем родным.

Для оценки речевого поведения отдельных этнических групп Карасукского района было проанализировано, сколько языков и с какой интенсивностью употребляются людьми в семейно-бытовой и производственной сферах. В данном случае анализировалось речевое поведение, прежде всего, казахов и немцев. По представленным материалам очевидно, что русское население района общается только на русском языке.

Для казахов характерно расширенное применение казахского и русского языков одновременно. При этом масштабы функциональной нагрузки казахского языка заметно выше, чем русского (табл. 34).

Как видно из таблицы, употребление родного языка максимально широко у казахов в общении с узким кругом родственников. В то же время, около половины казахов говорят с родственниками и на русском языке. Также широко распространено употребление казахами обоих языков в производственной сфере (на работе) и в общении с соседями.

Речевое поведение немцев, напротив, характеризуется сужением использования родного языка и сокращением его коммуникативных функций. В семейно-бытовой и производственной сферах среди немцев гораздо чаще звучит русская речь (табл. 35). Немецкий язык находит в разговорной практике наибольшее употребление, прежде всего, в общении респондентов с родителями (29 %) и с родственниками (25 %). Меньше всего родной язык используется немцами в общении супругов (14 %) и с детьми (14 %).

Таблица 34

**Сферы применения казахами русского и казахского языков,
% от числа опрошенных**

Сферы применения	Русский	Казахский
Общается с родителями	50	91
Общается с супругом	48	83
Общается с детьми	55	81
Общается с родственниками	50	91
Общается с соседями, на работе	72	86

**Сферы применения немцами немецкого и русского языков,
% от числа опрошенных**

Сфера применения	Русский язык	Немецкий язык
Общаются с родителями	82	29
Общаются с супругом	89	14
Общаются с детьми	89	14
Общаются с родственниками	86	25
Общаются с соседями, на работе	86	18

В рамках социологического исследования была также затронута проблема межэтнических отношений в Карасукском районе. Для нашего исследования важный интерес представляли доминирующие тенденции в межличностных отношениях людей разной национальности и основные факторы, оказывающие на них влияние.

Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов всех национальностей (97 %) оценивают межэтнические отношения в районе, как стабильные и бесконфликтные (табл. 36).

Незначительная доля респондентов, отмечающих различные степени напряженности в межэтнических отношениях, приходится, прежде всего, на немцев и русских. Согласно их точке зрения, напряженные отношения вызываются рядом факторов — ухудшением в стране экономической ситуации, допущением ошибок в национальной политике, неуважительным отношением к обычаям и традициям этносов (табл. 37).

Таблица 36

**Оценка респондентами межнациональных отношений,
% от числа опрошенных**

Оценка	Все	Казахи	Русские	Немцы
Стабильны	97	97	97	69
Некоторая напряженность	2	0	2	4
Напряженность значительна	1	0	1	0
Нет ответа	1	3	0	0

Таблица 37

**Распределение ответов на вопрос
«Чем вызывается межнациональная
напряженность?», % от числа опрошенных**

Ответ	Доля
Борьбой за власть	0
Ухудшением экономической ситуации	1
Ошибками в национальной политике	1
Неуважением обычаев	1
Борьбой за рабочие места	0
Предоставлением льгот	0
Распределением руководящих постов	0
Другое	2
Нет ответа	98

Одним из важных оснований толерантных межэтнических отношений являются ориентации этнических групп на межэтническое взаимодействие. Уровень этнической толерантности в межличностных отношениях русских, немцев и казахов в Карасукском районе определялся нами с помощью вопросов: «Как Вы относитесь к представителям другой национальности?»; «Испытывали ли Вы к себе недоброжелательное отношение со стороны представителей другой национальности?». Данные, полученные в ходе исследования, представлены в табл. 38 и 39.

Таблица 38

**Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к людям другой
национальности?», % от числа опрошенных**

Ответ	Все	Казахи	Русские	Немцы
Национальность не имеет значения	67	69	63	79
С подозрением и неприязнью	1	0	1	0
С интересом и уважением	28	26	32	14
Затрудняюсь ответить	3	0	4	4
Нет ответа	2	5	0	4

Таблица 39

**Распределение ответов на вопрос «Испытывали недоброжелательное
отношение со стороны представителей другой национальности?»,
% от числа опрошенных**

Ответ	Все	Казахи	Русские	Немцы
Да, постоянно	1	2	0	4
Да, иногда	2	0	3	4
Никогда не сталкивался	95	93	97	93
Нет ответа	2	5	0	0

Как видно из табл. 38, отношение респондентов к представителям другой национальности можно назвать позитивным. Для 67 % опрошенных в межличностных отношениях этническая принадлежность человека не имеет значения. Отношение 28 % респондентов характеризуется интересом и уважением. Негативное отношение к представителям другой национальности испытывают только 1 % опрошенных.

Этническая толерантность жителей района подтверждается данными табл. 39. В соответствии с ними, 95 % респондентов исследуемых этнических групп никогда не сталкивались с недоброжелательным отношением к себе со стороны этноконтактных групп. Лишь 3 % респондентов в той или иной мере испытывали при общении с представителями другой национальности недоброжелательное отношение. По данному показателю выше доля казахских (2 %) и немецких (4 %) респондентов, отметивших недоброжелательное отношение при межличностном общении со стороны представителей другой национальности.

По нашим данным, контактирующие этнические группы Карасукского района обладают одинаковым статусом. По результатам социологического обследования можно говорить о достаточно высоком потенциале межэтнического согласия в районе. Сосуществование разных этнических групп в районе складывается на основе толерантных отношений.

Вместе с тем, в районе на уровне массового сознания наблюдается некоторая тревога за будущее своего этноса. 11 % респондентов в той или иной мере обеспокоены судьбой своего этноса, возможностью утраты им своей самобытности. Следует отметить, что казахских (26 %) и немецких (21 %) респондентов, отметивших наличие опасности для своего этноса, больше, чем в среднем по району.

В табл. 40 приводятся данные по актуальным проблемам, стоящим, по мнению респондентов, перед немцами и казахами. В их числе ведущее положение занимают: утрата национальных традиций, утрата национального языка, возрастание смертности и снижение рождаемости, ухудшение здоровья из-за тяжелых жизненных условий и т. д. Значительная часть респондентов считает, что проблем нет.

По результатам опроса, четкость этнической идентичности респондентов коррелирует с их стремлением к сохранению своего этноса, родного языка. Считают необходимым изучение родного языка 78 % казахов и 43 % немцев (табл. 41).

В целом, для немцев и казахов (в большей степени) рассматриваемого района характерны поддержание внутриэтнических связей, установка на поддержание своей культуры. Основная часть казахов отмечает национальные праздники (95 %), поддерживает связи с родственниками из Казахстана (81 %), использует традиционные навыки ведения хозяйства (64 %), соблюдает религиозные обряды (47 %). Участие немцев в этнокультурных меро-

**Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы стоят перед людьми
Вашей национальности», % от числа ответивших**

Ответ	Казахи	Немцы
Нет проблем	45	57
Утрата национальных традиций, обычаев	19	29
Утрата национального языка	17	29
Разрушение природной среды обитания	2	4
Рост смертности и снижение рождаемости	14	0
Ухудшение здоровья населения как следствие алкоголизма	3	0
Ухудшение здоровья из-за тяжелых жизненных условий	12	0
Широкое распространение межнациональных браков	2	7
Другое	5	11

Таблица 41

**Согласие респондентов
с утверждением о необходимости
изучения казахского (немецкого)
языков, % от числа ответивших**

Ответ	Казахи	Немцы
Да	78	43
Нет	10	0
Не знаю	10	14
Нет ответа	2	43

приятных своей общности ограничивается поддержанием родственных связей (25 %), использованием традиционных навыков ведения хозяйства (18 %) и проведением национальных праздников (18 %).

Приграничное положение и миграционные потоки. Значительную роль в экономике района играет его приграничное положение. Карасук находится на границе с Республикой Казахстан и является крупным железнодорожным узлом.

Около трети экспертов считают, что из-за приграничного положения района увеличивается товарооборот (в том числе нелегальный) за счет ввоза товаров из Казахстана. 20 % экспертов полагают, что происходит постоянный приток рабочей силы за счет мигрантов из Казахстана, что создаст определенную напряженность на рынке труда, и 25 % полагают, что приграничное положение ухудшает криминогенную обстановку в районе (табл. 42).

Специфика миграционных процессов в районе определяется близостью Казахстана и наличием мест компактного проживания представителей различных национальностей: русских, казахов и немцев.

Распределение ответов экспертов на вопрос «Какую роль играет приграничное положение района?»

Ответ	Доля, %
Увеличение рынка сбыта производимой продукции	8
Увеличение товарообмена за счет ввоза товаров из Казахстана	29
Приток рабочей силы за счет мигрантов из Казахстана	20
Обострение криминогенной обстановки	25
Увеличение нелегального товарооборота	34
Другое	2
Не играет никакой роли	39

В районе существует миграционный отток, связанный с отъездом немецкого населения на историческую родину. По данным нашего опроса, у 29 % немецких семей родственники переселились в Германию и 32 % опрошенных немцев хотели бы переехать туда же. Освободившиеся вакансии на рынке труда и жилья занимают русские мигранты из приграничных районов Казахстана. Однако их приезд, как правило, связан с проблемами получения гражданства и, следовательно, легального устройства на работу, поэтому их труд является низкооплачиваемым, а сами мигранты создают конкуренцию местным жителям на рынке труда.

У казахских респондентов миграционный отток ниже — 10 %. Основная часть мигрантов направляется в Казахстан. Каждая третья казахская семья хотела бы переехать из района, причем Казахстан в качестве вероятного места переезда указала половина изъявивших такое желание.

Представления о социальной политике. Анкета массового опроса включала вопросы, позволяющие оценить понимание населением района сущности социальной политики, проводимой в России по отношению к селу, и необходимых направлений развития политики: 1) Как Вы думаете, является ли сегодняшнее правительство России действительным представителем интересов населения или нет; 2) Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране; 3) Как можно охарактеризовать политику правительства в отношении села; 4) В каких областях социальная политика государства в отношении села является наиболее эффективной; 5) Какие сферы жизни Вашего села нуждаются в социальной защите со стороны государства?; 6) Какие меры для улучшения положения в стране, по Вашему мнению, должно предпринимать правительство?

Комбинация этих вопросов позволяет как выявить структуру лояльности населения, так и провести мониторинг восприятия населением эффективности государственной политики, в том числе и социальной, осуществляемой государством по отношению к селу, проанализировать существующие представления о том, какой должна быть социальная политика государства, в каких направлениях развиваться.

Среди сельского населения Карасукского района существуют три преобладающих типа реакции на проводимую государством политику, и соответственно, три типа оценок правительства: отрицание, одобрение, и достаточно неоднозначное, непредвзятое отношение к деятельности правительства той части населения, которое, имея собственное представление об эффективности действий государственного аппарата, оценивают правительство и его деятельность скорее положительно.

Количественные отклонения в типе оценки правительства (табл. 43) среди различных возрастных и этнических групп не очень значительны.

Наиболее полярные оценки правительства даны русским населением Карасукского района, среди которого наиболее высоки доли как сторонников правительства (11 %), так и людей, дающих ему негативную оценку (41 %). Среди казахского и немецкого населения района ответы на вопрос распределены приблизительно одинаково, причем в восприятии правительства значительно преобладает неоднозначная (скорее положительная) оценка правительства.

Анализ структуры политической лояльности населения по возрастному принципу показывает, что число респондентов, полагающих, что правительство является действительным представителем интересов населения, колеблется от 10 % среди молодежи до 30 лет до 12 % в возрастной группе старше 50 лет и составляет 8 % в среде возрастной группы от 30 до 50 лет.

Таблица 43

**Распределение ответов на вопрос «Является ли правительство действительным представителем интересов населения»,
% от числа опрошенных**

Ответ	Распределение ответов по национальности опрошенных, %				Распределение ответов по возрастным группам, %			
	Все	Казахи	Русские	Немцы	Все	До 30 лет	30—50 лет	От 50 лет
Да	9	9	11	7	9	10	8	12
В некоторой степени	54	60	47	63	54	59	55	44
Нет	36	31	41	30	36	29	37	44

Число опрошенных, не разделяющих подобной точки зрения, и, соответственно, критично относящихся к правительству, составляет 29 % среди молодежи до 30 лет, возрастает до 37 % в возрастной группе от 30 до 50 лет и, далее, до 44 % в возрастной группе старше 50 лет, что позволяет говорить о том, что доля недовольных правительственным курсом особенно высока среди старших поколений жителей Карасука.

В целом, обращают на себя внимание большое число негативных оценок правительства (36 %) и тот факт, что большинство респондентов все же в той или иной степени положительно относятся к правительству и, следовательно, к государственной политике — 9 % опрошенных, давших однозначно положительный ответ, и 54 % респондентов, в некоторой степени согласных с тем, что правительство выражает интересы населения.

При анализе ответов на вопрос об оценке развития ситуации в стране прослеживаются ряд следующих тенденций (табл. 44, 45).

Значительная часть опрошенных полагают что ситуация в стране развивается скорее в правильном направлении (49 %). Однако доля убежденных сторонников проводимой государством политики в Карасукском районе крайне незначительна и составляет всего 8 %.

Таблица 44

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете развитие ситуации в нашей стране?», % от числа опрошенных

Ответ	Распределение ответов по национальности опрошенных, %				Распределение ответов по возрастным группам, %			
	Все	Казахи	Русские	Немцы	Все	До 30 лет	30—50 лет	От 50 лет
В совершенно правильном направлении	8	9	10	2	8	10	7	6
Скорее в правильном направлении	49	50	45	58	49	51	49	50
Скорее в неправильном направлении	31	26	35	30	31	27	33	32
В совершенно неправильном направлении	12	16	11	9	12	12	12	12

Распределение ответов на вопрос «Как можно охарактеризовать политику правительства в отношении села»? , % от числа опрошенных

Ответ	Все	До 30 лет	30—50 лет	От 50 лет
Предпринимает усилия для развития села	12	20	8	9
Бросило село на произвол судьбы	59	46	70	53
Политика направлена против села	27	32	20	35

Негативной оценки развития ситуации в стране (развитие в неправильном и скорее неправильном направлении) придерживается 43 % опрошенных. Таким образом, среди респондентов Карасукского района положительная оценка развития ситуации преобладает над отрицательной (57 и 43 % соответственно).

Обращает на себя внимание низкая доля крайних, радикальных оценок: ответы «совершенно правильно» и «совершенно неправильно» выбрали соответственно 8 и 12 % от общего числа опрошенных.

И, наоборот, 80 % респондентов не склонны к однозначной оценке происходящих в стране процессов, т. е. отчетливо прослеживаются тенденции средней оценки, когда подавляющее большинство опрошенных выбирают ответ «скорее правильно» или «скорее неправильно». Причем, наименее склонны к радикальным оценкам немцы Карасукского района, среди которых только 11 % высказали крайние оценки развития ситуации, 88 % выбрали при ответе неоднозначный ответ.

Данные мониторинга показывают, что, тяготея к взвешенным, средним оценкам при характеристике правительства и общего направления развития ситуации в стране, респонденты в обследованном районе намного более критично воспринимают государственную политику (политику правительства) по отношению к селу (см. табл. 45).

В целом, большинство населения района приходит к выводам, что правительство бросило село на произвол судьбы (59 %), значительная часть респондентов (27 %) считают даже, что правительственная политика направлена против села; лишь 12 % населения полагает, что правительство предпринимает усилия для развития села, причем наиболее высокая доля придерживающихся последней из упомянутых точек зрения среди молодежи района (20 %). Также число жителей района, в целом положительно воспринимающих проводимую сверху по отношению к селу политику незначительно возрастает за счет казахской общины — здесь 17 % респондентов считают, что правительство предпринимает усилия для развития села, в то время как среди русских подобного мнения придерживается лишь 9 % опрошенных.

Для того чтобы выявить, каким образом население Карасукского района понимает сущность проводимой государством социальной политики, в анкеты массового опроса был включен вопрос «В каких областях социальная политика государства в отношении села является наиболее эффективной?» и «В каких областях социальная политика государства в отношении села является неэффективной?» (табл. 46, 47).

Внимательный анализ ответов на этот вопрос позволяет понять восприятие населением эффективности отдельных направлений современной социальной политики по отношению к селу.

Как можно видеть, 32 % опрошенных не дали ответа о том, в каких областях социальная политика государства наиболее эффективна, возможно, будучи не в состоянии положительно оценить достижения ни в одной из сфер, что подтверждает и тот факт, что лишь 11 % респондентов не дали ответа на вопрос, в каких областях государство неэффективно.

По мнению 61 % опрошенных, наиболее эффективно государство функционирует в сфере выплаты зарплат, пенсий, распределения социальных трансфертов, а также в области контроля за этим процессом: 48 % респондентов выделили в качестве наиболее успешной сферы деятельности государства выплату пенсий и различных пособий и 13 % — контроль за выплатой зарплаты и социальных трансфертов. Можно отметить, что наименьшее число отрицательных оценок (от 20 до 30 %) также приходится на эти направления деятельности государства.

Таблица 46

**Распределение ответов на вопрос «В каких областях социальная политика государства в отношении села наиболее эффективна?»,
% от числа опрошенных**

Ответ	Все	Казахи	Русские	Немцы
Ни в каких	32	26	36	33
Занятость населения	9	2	11	14
Обеспечение минимального прожиточного минимума	6	5	7	5
Здравоохранение	6	5	4	9
Образование	6	5	4	5
Выплата пенсий и различных пособий	48	57	47	40
Контроль за выплатой зарплат и социальных трансфертов	13	10	11	21
Контроль за ценообразованием	1	0	2	0
Выдача ссуд и кредитов на льготных условиях	8	3	9	14

Распределение ответов на вопрос «В каких областях социальная политика государства в отношении села неэффективна?», % от числа опрошенных

Ответ	Все	Казахи	Русские	Немцы
Занятость населения	52	64	50	40
Обеспечение минимального прожиточного минимума	39	41	41	33
Здравоохранение	36	36	38	30
Образование	35	34	39	26
Выплата пенсий и различных пособий	22	26	23	14
Контроль за выплатой зарплат и социальных трансфертов	28	33	28	23
Контроль за ценообразованием	24	33	23	14
Выдача ссуд и кредитов на льготных условиях	21	21	19	23
Нет ответа	11	12	11	12

Государственную социальную политику в других областях, исходя из ответов респондентов, следует признать не столь эффективной.

9 % опрошенных отметили эффективность политика государства по обеспечению занятости населения. (Причем эта оценка оказывается частично зависящей от возраста опрашиваемых: если среди молодежи 12 % признают деятельность государства в этом направлении успешным, то в возрастной группе старше 50 лет подобную оценку даст лишь 6 % опрошенных.) Низко оценивается эффективность государственной деятельности по обеспечению занятости — 52 % от общего числа опрошенных считают такую деятельность неэффективной.

Деятельность государства по выдаче ссуд и кредитов на льготных условиях успешной признали 8 %. Еще 5 % отметили эффективность государственной социальной политики в сфере образования. И по 6 % респондентов признали эффективной социальную политику государства в области здравоохранения, образования и деятельность государства по обеспечению минимального прожиточного минимума. Неэффективной государственную социальную политику в этих областях считают от 22 % (выдача ссуд и кредитов на льготных условиях) до 39 % (обеспечение минимального прожиточного минимума).

Схожие с результатами массовых опросов оценки эффективности социальной политики выявляются и при анализе результатов экспертного

опроса. Более половины экспертов признали неудовлетворительными (низкими) достижения в следующих сферах: равная доступность сферы образования, охрана здоровья населения, защита материнства и детства, сокращение безработицы и борьба с бедностью.

При анализе ответов, данных представителями различных этнических групп Карасукского района при оценке эффективности социальной политики, заметны некоторые различия.

Так, среди казахов района эффективной государственную политику в сфере занятости признает лишь 2 %, тогда как среди русских число респондентов, давших положительную оценку государству в этой сфере, возрастает до 11 %, а среди немцев — до 14 %. Такая же пропорция прослеживается при анализе отрицательных оценок: если среди казахов 64 % респондентов считают государство неэффективным в этой области, то среди русских таких оценок 50 %, среди немцев района — 40 %.

В то же время более половины опрошенных респондентов казахской национальности (57 %) отмечают эффективность государства в области выплаты пенсий и различных пособий, в то время как среди русских подобный ответ предпочли 47 %, среди немцев — 40 %.

Среди немцев, ответивших на вопрос, число респондентов, считающих эффективной государственную политику в области контроля за выплатой зарплат и социальных трансфертов, в два раза больше (21 %), чем среди русских (11 %) и казахов (10 %).

Таким образом, анализируя оценку эффективности отдельных направлений социальной политики государства, можно прийти к выводам, что в представлении респондентов наиболее эффективно государство функционирует в сфере выплаты зарплат, пенсий, распределения социальных трансфертов, а также в области контроля за этим процессом. Наибольшее недовольство вызывает социальная политика в области обеспечения занятости, обеспечения минимального прожиточного уровня, здравоохранения и образования.

Представления населения Карасукского района о том, в каких направлениях должна развиваться социальная политика государства по отношению к селу, или социальные ожидания респондентов, позволяет выявить анализ распределения ответов на вопрос «Какие меры, по Вашему мнению, должно предпринимать правительство для улучшения положения в стране?» (табл. 48).

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, какого типа социальная политика находит поддержку у респондентов в обследованном районе.

В качестве первоочередных мер для улучшения положения в стране большинство опрошенных предпочли три варианта ответов: обеспечение полной занятости (44 % от общего числа опрошенных), контроль за ростом цен (25 %), обеспечение гарантированного минимума для нуждающихся

(24 %). Подобные меры регулирования социальной сферы были наиболее типичны для государственной политики в социалистическом обществе. Гораздо менее популярны среди ответов на данный вопрос такие меры как перераспределение доходов посредством налогов (9 % общего числа опрошенных) и типично рыночный способ поднятия уровня доходов — позволить частным компаниям самим устанавливать объем зарплат (5 %).

Представления жителей села о том, какой должна быть социальная политика государства, какими должны быть ее первоочередные направления, на основе анализа вышеприведенных данных массовых опросов в целом можно охарактеризовать как патерналистские.

Подобные выводы подтверждаются и результатами экспертного опроса — более 90 % опрошенных экспертов полагают, что развитие села без помощи государства невозможно.

Вместе с тем, достаточно высокий уровень лояльности населения Карасукского района по отношению к правительству и сама структура распределения ответов на вопрос о первоочередных мерах по улучшению ситуации (признание помимо государственного регулирования социальной сферы необходимости и рыночных механизмов распределения доходов) не допускают однозначной характеристики представлений жителей Карасукского района в контексте оппозиции социалистических и либеральных ценностей. Население района тяготеет скорее к ценностям, ассоциирующимся с консерватизмом. Имеется в виду не стремление сохранить нынешнее состояние или реставрировать социализм, а акцент на «трудовые» и «государственные» ценности, органическое развитие, справедливость и т. п. в неразрывной связи с поощрением личной инициативы.

Таблица 48

Распределение ответов на вопрос: «Какие меры, по Вашему мнению, должно предпринимать правительство для улучшения положения в стране?»

Ответ	Доля, %
Обеспечить нуждающихся только гарантированным минимумом	24
Обеспечить полную занятость	44
Уменьшить с помощью налогов очень большие доходы	9
Предоставить частным компаниям возможность самим устанавливать объем зарплат	5
Ввести контроль за ростом цен	25

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

Отказ от политики патернализма происходил в условиях устойчивого кризисного состояния экономики, исчерпания и обесценения финансовых и материальных запасов, перехода безработицы в открытые формы, нарастания подоходной дифференциации населения. В результате, в социальной поддержке и защите сегодня нуждается большинство населения страны.

Подобные настроения закономерны, когда становление рыночной экономики опережает развитие гражданского общества, т. е. институты рынка не подкреплены в должной степени институтами вне рыночной самоорганизации, которые обеспечили бы защищенность индивида и представительство его интересов. В результате актуализируется стремление сочетать экономическую свободу с «покровительством» государства.

Итак, анализ данных мониторинга позволяет выявить, что среди населения Карасукского района существуют три преобладающих типа реакции на проводимую государством политику и, соответственно, три типа оценок правительства: отрицание, одобрение и достаточно неоднозначное, непредвзятое отношение к деятельности правительства той части населения, которое, имея собственное представление об эффективности действий государственного аппарата, оценивает правительство и его деятельность скорее положительно.

Большинство респондентов в той или иной степени положительно относятся к правительству и государственной политике, хотя негативные оценки также достаточно распространены. Значительная часть населения района (около половины от общего числа опрошенных) придерживается мнения, что ситуация в стране развивается скорее в правильном направлении. Доля убежденных сторонников и противников проводимой государством политики в Карасукском районе крайне незначительна.

Тяготая к взвешенным, средним оценкам при характеристике правительства и общего направления развития ситуации в стране, респонденты в обследованном районе намного более критично воспринимают государственную политику (политику правительства) по отношению к селу.

Результаты мониторинга позволяют понять восприятие населением эффективности отдельных направлений современной социальной политики по отношению к селу. По мнению большинства респондентов, наиболее эффективно государство функционирует в сфере выплаты зарплат, пенсий, распределения социальных трансфертов, а также в области контроля за этим процессом. Низко оцениваются эффективность государственной деятельности по обеспечению занятости, в области здравоохранения, образования и социальная политика по сохранению минимального прожиточного минимума.

При анализе ответов, данных представителями различных этнических групп Карасукского района при оценке эффективности социальной политики, заметны некоторые различия. Так, среди казахов района эффективной государственную политику в сфере занятости признает лишь 2 %, тог-

да как среди русских число респондентов, давших положительную оценку государству в этой сфере занятости возрастает до 11 %, а среди немцев — до 14 %. Такая же пропорция прослеживается при анализе отрицательных оценок. В то же время более половины опрошенных респондентов казахской национальности отмечают эффективность государства в области выплаты пенсий и различных пособий.

Представления населения Карасукского района о том, в каких направлениях должна развиваться социальная политика государства по отношению к селу, или социальные ожидания респондентов, можно охарактеризовать как патерналистские.

В качестве первоочередных мер для улучшения положения в стране большинство опрошенных предпочли три варианта ответов: обеспечение полной занятости, контроль за ростом цен, обеспечение гарантированного минимума для нуждающихся. Подобные меры регулирования социальной сферы были наиболее типичны для государственной политики в социалистическом обществе. Гораздо менее популярны среди ответов на данный вопрос такие меры, как перераспределение доходов посредством налогов и типично рыночный способ поднятия уровня доходов — предоставление частным компаниям самим устанавливать объем зарплат.

Вместе с тем, достаточно высокий уровень лояльности населения Карасукского района по отношению к правительству и сама структура распределения ответов на вопрос о первоочередных мерах по улучшению ситуации (признание помимо государственного регулирования социальной сферы необходимости и рыночных механизмов распределения доходов) не допускают однозначной характеристики представлений жителей Карасукского района в контексте оппозиции социалистических и либеральных ценностей. Население района в своем понимании социальной политики тяготеет скорее к ценностям, ассоциирующимся с консерватизмом.

Политические ориентации. Помимо вопросов, позволяющих проанализировать отношения жителей Карасукского района к существующей государственной политике и представления населения о необходимых направлениях развития социальной политики, анкета массового опроса также включала два вопроса, позволяющие понять политические настроения и предпочтения населения: 1) Считаете ли Вы себя сторонником какой-либо политической партии или движения; 2) Какому из следующих российских политиков Вы в наибольшей степени доверяете?

Ответы на эти вопросы позволяют выявить не только сами по себе политические предпочтения, но и скрывающиеся за ними ценностные установки населения.

Рассмотрим ответы респондентов на вышеуказанные вопросы.

87 % населения не является сторонником какой-либо определенной партии или не доверяют ни одной из партий. Только около 7 % из общего количества респондентов поддерживают КПРФ. В составе возрастной

группы старше 50 лет число сторонников КПРФ возрастает до 15 %, что компенсируется, впрочем, низкой популярностью коммунистов среди молодежи (3 %). Среди казахского населения района доля сторонников КПРФ (12 %) больше, чем среди иных этнических сообществ.

Число сторонников иных партий колеблется в рамках погрешности (до 2 %). Лишь ЛДПР пользуется относительной популярностью среди сельской молодежи района (5 %).

Особенно непопулярны существующие политические партии среди немецкого населения Карасукского района, среди которого только 4 % являются сторонниками партий — КПРФ (2 %) и Аграрной (2 %). Самым важным результатом анализа политических (партийных) предпочтений респондентов в Карасукском районе следует признать слабо выраженные партийные предпочтения населения. Представляется, что подобному явлению можно найти объяснения, и они совпадают с комментариями, данными по поводу политических ориентаций жителей Тяжинского района Кемеровской области.

Причиной непопулярности политических партий в значительной степени является тот факт, что харизматическое измерение политики оказывается более доступным для жителей района (политика идентифицируется не с партиями, а с личностями). В этой связи показательно, что на вопрос, «Кому из политиков вы доверяете?», не дали ответа (или ответили «Никому не доверяю») лишь 21 % опрошенных.

Судя по данным мониторинга, наибольшей поддержкой среди сельского населения Карасукского района пользуется президент (на момент опроса) Российской Федерации, Владимир Путин (58 % от общего числа опрошенных), воплощающий в своем лице высшую государственную власть, что само по себе свидетельствует о высоком уровне политической лояльности населения.

Доверие к Путину высказывают приблизительно в одинаковых долях в различных возрастных группах. Значимых различий в оценках основных социально-демографических групп нет — Путин является президентом «среднего россиянина», хотя можно отметить, что наиболее популярен Путин среди русского района (61 % высказавших доверие), а наименее — среди немцев Карасукского района (53 %).

Поддержка Путина населением в контексте проводимой им политики «укрепления вертикали власти», усиления эффективности деятельности государства, в сочетании с неоднократно заявленной им приверженности продолжения курса реформ в экономике и общественной сфере — свидетельствует о том, что с появлением Путина был удовлетворен существующий в обществе запрос на волевого, сильного и энергичного лидера, сочетающего в сознании населения ценности демократического и патерналистско-консервативного характера.

Достаточно высокой поддержкой среди населения пользуется левоцентристская фигура Амана Тулеева — 11 % от всего числа опрошенных свидетельствуют о своем доверии ему. Менее популярен этот политик среди молодежи района (5 % поддержки) и немецкой общины (9 %).

Итак, самым важным результатом анализа политических предпочтений респондентов в Карасукском районе следует признать слабую выраженность партийных предпочтений населения. Непопулярность политических партий объясняется, помимо прочего, также традиционными чертами менталитета населения. Россию всегда отличали высокая степень персонифицированности власти.

В этой связи показательно, что уровень поддержки конкретных российских политиков намного выше поддержки партии.

Высока доля населения, доверяющего В. Жириновскому и Г. Зюганову (вместе около 13 %), которую можно отнести к протестному электорату, негативно относящемуся к происходящим трансформационным процессам.

В ходе опросов вполне определенно прослеживается отторжение западнического идеологического комплекса. Политики, воплощающие либеральные ценности, практически не пользуются доверием населения.

Судя по данным мониторинга наибольшей поддержкой среди сельского населения Карасукского района пользуется президент Российской Федерации (58 % от общего числа опрошенных), воплощающий в своем лице высшую государственную власть, — что само по себе свидетельствует о высоком уровне политической лояльности населения. Значимых различий в оценках основных социально-демографических групп нет — Путин является президентом «среднего россиянина». Поддержка Путина населением в контексте проводимой им политики и с учетом отмеченных выше патерналистских тенденций свидетельствует о том, что с появлением Путина был удовлетворен существующий в обществе запрос на волевого, сильного и энергичного лидера, сочетающего в сознании населения ценности демократического и патерналистско-консервативного характера.

Глава 3. Адаптационные стратегии

3.1. Стратегии выживания сельского населения и адаптационные стратегии

Реформы, проводимые правительством, поставили население перед необходимостью выработки новых поведенческих стратегий, соответствующих новым социально-экономическим реалиям. Успешная социально-экономическая адаптация населения выступает главным условием завершения трансформации и основным показателем эффективности выбранного курса реформирования. Поэтому именно процессы адаптации населения постсоветских обществ к социально-экономической модернизации определяют сегодня тенденции общественного развития.

Анализ адаптационного потенциала, определение общей динамики социально-экономических ориентаций и условий формирования, реализации адаптационных стратегий сельского населения — одна из самых актуальных исследовательских задач сельской социологии на современном этапе развития.

Обнаружившиеся адаптационные возможности, по сути дела, обеспечили необходимую взаимосвязь между двумя уровнями преобразований: социально-политическими и социально-экономическими задачами, которые ставили перед собой либеральные реформаторы, и повседневными практиками, осуществляемыми населением. Эта взаимосвязь предопределила корреляцию между темпами социальных изменений, проводимых сверху, и адаптационными возможностями населения: сложившаяся социально-экономическая среда блокировала одни адаптационные стратегии и поддерживала другие. В свою очередь, скорость, с которой население вырабатывало стратегии адаптации, в конечном счете определяла общие темпы, а также глубину и масштабы реформирования.

Несмотря на то, что, в силу исторических обстоятельств, стратегии адаптации неминуемо наследовали некоторые элементы и установки со-

ветского опыта, фактически они представили собой принципиально новые стратегии выживания, максимально учитывающие всю специфику происходящих вокруг изменений.

В то же время, в условиях постсоветских реалий, как правило, сами процессы реформирования, стимулируя отказ от старых форм и моделей социально-экономического поведения (ориентированных на советскую систему), не обеспечивали в достаточной степени поддержку новых поведенческих моделей, возникающих на месте старых. В результате появились и продолжают появляться квазирыночные модели поведения, не вписывающиеся в рамки классического развития капитализма. Новые адаптационные стратегии, практикуемые большими группами населения, не соответствуют ни традиционным советским нормам, ни новым институциональным установлениям.

Основные изменения, вызванные либеральными реформами в системе социальных ориентиров населения постсоветских государств, — это изменения в приоритете индивидуальных потребностей, изменения ожиданий, связанных с государством, и изменения общественных интересов. Реорганизация форм экономической активности привела к утверждению в сознании населения ориентаций на формы хозяйствования, альтернативные коллективному государственному труду, — на индивидуальную деятельность, занятость в различных негосударственных объединениях. Однако проведенная приватизация не дала оформиться этим новым моделям экономического поведения настолько, чтобы они приняли массовый характер.

Нестабильность институциональной среды, а также частая смена приоритетов в выборе тех или иных стратегий на уровне государственных решений обуславливают краткосрочный характер адаптационных стратегий населения. Отсутствие согласованности относительно целей, векторов и направлений реформ на уровне проводящих их элит, нестабильность и слабость новых социально-экономических институтов, с одной стороны, вызвали кризис доверия властям со стороны населения, а с другой — стали причиной сильного ограничения возможностей населения при выработке эффективных адаптационных стратегий. Характерная черта современной ситуации — отсутствие обратной связи с внешней средой, в силу чего население принимает складывающиеся внешние социально-экономические условия как некую данность, пытаясь вписаться в них, но не пытаясь каким-либо образом оказать на них влияние.

Основной целью адаптации выступает такая мобилизация всех имеющихся у индивидов ресурсов, при которой ресурсы, в целом соответствуя содержанию и целям жизненных стратегий индивидов, могут в то же время наиболее эффективно реализовываться в сложившейся институциональной среде.

Таким образом, процесс адаптации включает в себя несколько составляющих:

1. Институциональная среда, определяющая уровень и степень контроля государства в экономической сфере, и коррелирующая с уровнем социальной поддержки государством различных слоев общества (выбор между либеральной, социально-демократической, патерналистской моделями развития).

2. Адаптационные стратегии, основными из которых на сегодня являются: а) единичная занятость, при которой основным источником средств к существованию оказывается заработная плата, обеспечивающая достаточно высокий и стабильный доход на единственном рабочем месте; б) самозанятость, предполагающая, что, используя собственные ресурсы и возможности, индивид сам организывает для себя рабочее место и источник получения дохода (наиболее ярким примером является предпринимательство); в) множественная занятость, основанная на совмещении нескольких работ, имеющая, как правило, нестабильный характер и ориентированная на разовые приработки; г) занятость в личном подсобном хозяйстве, при которой получаемые доходы имеют преимущественно натуральный характер и выполняют функцию основного источника выживания; д) ориентация на получение государственных социальных трансфертов в виде различных пенсий и пособий. Выделенные адаптационные стратегии взаимосвязаны и взаимообусловлены, являясь различными сторонами одной адаптационной модели.

3. Результаты адаптационных стратегий индивидов, которые могут иметь материальное (связанное с увеличением материальных ресурсов) и статусное (связанное с изменением социального положения) выражение.

В целом, возможности адаптации населения постсоветских государств обусловлены неравномерностью социально-экономического развития страны, уровнем развития региона, типом поселений, т. е. территориальным фактором. Также успешность адаптации зависит от развития локального и регионального рынков труда и соотношения государственного и частного секторов экономики.

Многолетние наблюдения за процессами, происходящими в сельских районах Сибири, позволяют сделать вывод о наличии разнообразных способов адаптации сельских домохозяйств к изменениям внешней среды. Набор и интенсивность использования этих способов, на наш взгляд, определяются не только спецификой каждой конкретной семьи (ее адаптационным потенциалом), но и более широким контекстом — наличием альтернатив занятости и ролью «крупхоза» (этим термином мы обозначаем все предприятия, созданные на базе колхозов (совхозов) в ходе осуще-

ствления реформ начала 90-х годов), экономическими и социокультурными особенностями исследуемого региона⁶³.

Социальное содержание социально-экономических преобразований и реакций населения на эти преобразования наиболее отчетливо может быть проиллюстрировано на примере сельских сообществ. Здесь фундаментальные экономические сдвиги, а также обусловленные ими социальные изменения выступают в форме моделей, демонстрирующих истинную природу трансформационных процессов. Именно село в полной мере испытало на себе последствия модернизационных реформ.

Еще одной причиной обращения к примеру сельских сообществ при анализе социально-экономических реалий процессов модернизации является тот факт, что именно в сельской местности проживает значительная часть населения постсоветских государств.

Процессы, происходящие в последние годы в сельских сообществах, свидетельствуют о том, что село продолжает оставаться активным агентом происходящих социальных перемен и в современных условиях пытается вырабатывать собственные адаптационные стратегии в ответ на изменения социально-экономической среды и все более сокращающуюся поддержку государства, а также сохранить, а частично, и заново сконструировать социальные механизмы поддержания своей самоидентичности.

Сравнительный анализ адаптационных стратегий сельских сообществ показал, что, несмотря на известную региональную специфику, на всех обследованных территориях наблюдается типологически сходная социальная ситуация. Сельское население в различных регионах и даже странах СНГ реагирует на тяжелую ситуацию во многом одинаково, и несмотря на то, что результаты, которых достигают в процессе адаптации, конечно же, различаются, все-таки между ними очень много общего.

Повсеместно сельские жители сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем, такими как безработица, резкое сокращение денежных доходов населения, увеличение роли социальных трансфертов в структуре доходов населения, вытеснение трудовых ресурсов в сферу личного крестьянского хозяйства. Демонстрируя обеспокоенность проблемами, наиболее остро стоящими в их населенных пунктах, жители российского и казахстанского села практически единодушны в ранжировке проблем по степени их важности.

Наиболее остро перед сельским населением сегодня стоит проблема безработицы, что отметили 65 % россиян. Близкими по остроте респонденты сочли только проблемы пьянства (57 %) и бедности (37 %). Все прочие проблемы представляются населению гораздо менее актуальными.

⁶³ См.: Фадеева О. Современное российское село: путешествие в параллельные миры // <http://www.ruralworlds.msses.ru/newtexts/fadeeva5.rtf>

Проблемы, названные респондентами среди самых острых, находятся в определенной взаимосвязи, т. е. являются комплексными, выступая интегральным показателем экономического и социокультурного неблагополучия. Очевидно, что в сознании жителей села преобладают проблемы, связанные с экономическим положением населения: безработица, бедность, задержка заработной платы. В этом контексте пьянство, являющееся традиционной проблемой деревни еще с советских времен, — это, прежде всего, культурно-социальная проблема, и во многом она обусловлена социально-экономическими реалиями. Ранжировка проблем по степени остроты отражает ситуацию, когда материальная бедность и озабоченность экономическими трудностями предопределяют бедность духовную, проявляющуюся в таких феноменах как пьянство, наркомания, преступность или же моральная деградация.

При этом можно заметить, что, на фоне общих тенденций в восприятии остроты проблем, российские жители села, в целом, переживают все проблемы более остро, по сравнению с сельским населением Казахстана. Суммарный уровень тревожности (суммарный показатель озабоченности проблемами в той или иной социальной группе, характеризующий общий уровень социальной тревожности группы или степень ее включенности в проблемы общественной жизни) у россиян выше, чем у казахстанцев, и составляет 375 % в сравнении с 261 %. Возможно, это является свидетельством более кризисного состояния российского села, но в то же время говорит о том, что россияне социально более активны и в большей степени включены в общественную жизнь.

Проблемы, отмеченные селянами в ходе исследования, отнюдь не являются плодом их воображения, а отражают реальные процессы, происходящие в современном селе. Так, исключительная важность проблемы безработицы, которую выделило подавляющее большинство респондентов, подтверждается фактическими данными. Для российского села среднее значение уровня безработицы составляет порядка 26 % трудоспособного населения. При этом в ряде регионов (например, в Улаганском районе Республики Алтай) доля неработающих жителей достигает двух третей.

Особенно остро на селе стоит проблема молодежной безработицы, что связано как с ограниченностью рабочих мест на селе, так и с низким уровнем квалификации молодых людей, не имеющих достаточного опыта работы и, соответственно, могущих претендовать лишь на низкий уровень заработной платы. Невозможность полноценного трудоустройства и, как следствие, отсутствие позитивной перспективы для жизни на селе вынуждает молодежь в поисках работы ориентироваться, прежде всего, на город.

Основными факторами, влияющими на безработицу и структуру занятости сельского населения, являются развитие локального рынка труда и наличие рынков сбыта. Вплоть до настоящего момента занятость сельского населения обеспечивается за счет предприятий государственной

формы собственности — колхозов и совхозов, в которых работают 60 % сельского населения России.

Помимо государственных предприятий занятость значительной части населения обеспечивается за счет негосударственных (акционерных) форм крупных хозяйственных предприятий («крупхозов») — различных ЗАО, ТОО, образовавшихся в результате реорганизации колхозов и совхозов. Частное предпринимательство в постсоветском селе развито в гораздо меньшей степени: на предприятиях частной формы собственности занято не более 20 % работающего населения, причем их активность сосредоточена, в основном, в сфере обслуживания населения и торговли.

Выше уже отмечалось, что фермерство как специфически современная форма хозяйствования, насаждавшаяся на первоначальных этапах реформирования, не прижилось, а примеры удачного ведения фермерского хозяйства являются скорее исключением из правил.

Данные экспертного опроса подтверждают значительную роль, которую в экономике села играют крупхозы, независимо от формы собственности, обеспечивающие рабочими местами подавляющую часть населения. В то же время, роль фермерских хозяйств оцениваются экспертами гораздо ниже. Также высока роль личного подворья, которое за годы реформ превратилось в основу выживания сельского населения.

Очевидно, что процессы в сфере занятости не просто демонстрируют одну из негативных тенденций, а носят системообразующий характер, приводя к заметной трансформации всего социального облика современного села. В условиях постоянного экономического кризиса, в котором российское и казахстанское село находилось в течение последних лет, когда происходило сокращение всех отраслей сельскохозяйственного производства, подавляющее большинство сельского населения вынуждено было выбрать установку не на развитие, а на выживание.

Основная проблема заключается в том, что занятость на предприятии отнюдь не является гарантией процветания и достатка его работников и не избавляет их от полунизшего существования. Как мы уже отмечали, затянувшийся экономический кризис породил новую форму бедности — бедность экономическую, и наиболее ярко этот феномен проявился именно на селе. Резкое снижение доходов сельского населения обусловлено, кроме прочего, крайне низким уровнем заработной платы.

Сложившаяся модель бедности является, прежде всего, результатом низкого уровня доходов от занятости. Факторы, связанные с крайне неудовлетворительной ситуацией на рынке труда, низким качеством рабочих мест, доминируют среди причин дифференциации семей по статусу бедности.

Главными источниками денежных средств для большей части сельского населения России сегодня является не зарплата в формальной организации, а пенсии и прочие социальные трансферты. Сравнимо по важности в качестве источника денежных средств и личное подсобное хозяйство (ЛПХ).

Причем значение ЛПХ в современном селе тем выше, чем ниже прочие доходы населения. По сути дела, трудовые ресурсы оказались вытесненными в сферу личного крестьянского хозяйства, которое из подсобного превратилось в основной фактор выживания сельского населения.

Исследования показывают, что специфической чертой современного подсобного хозяйства является его преимущественно натуральный характер. В большинстве случаев продукция, полученная в личном подсобном хозяйстве, потребляется самим домохозяйством, и лишь небольшая доля этой продукции реализуется на рынке.

Единственная товарная форма подсобного хозяйства на сегодня — реализация продукции через частных скупщиков, операторов черного рынка, особенно в тех регионах, где имеется емкий городской рынок сельхозпродукции (например, Новосибирская область).

В то же время, следует подчеркнуть, что общее положение подавляющего большинства сельских сообществ остается очень тяжелым, и возможностей личного хозяйства оказывается недостаточно для поддержания минимального уровня жизни населения. В этом случае наблюдается прогрессирующая тенденция к депопуляции сельских поселений.

На уровень жизни сельского населения также оказывают влияние изношенность материальной базы предприятий, недостаточное число объектов социальной инфраструктуры, дефицит безопасной питьевой воды, а также экологические проблемы. Полуразрушенные сельские дороги ограничивают экономическое развитие села. Сокращение численности школ, больниц, учреждений культуры и спорта ограничивает возможности сельских жителей, особенно бедных. Несмотря на то, что сельские жители осознают необходимость и важность получения высшего образования, многие из них не могут дать достойное образование своим детям.

Результатом мониторинговых исследований, проводимых в сельских ареалах России, стала разработанная авторским коллективом типология адаптационных реакций сельских сообществ на процессы модернизации. Как показали исследования, в условиях модернизации для сельских сообществ характерны три основных типа адаптационных реакций:

1) натуральный тип, основанный на сочетании традиционных форм жизнеобеспечения с сильной зависимостью от государственных трансфертов. Переориентация всей социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, которое служит, прежде всего, целям простого воспроизводства, является наиболее типичной приспособительной реакцией. В данном случае натуральное хозяйство обеспечивает минимально приспосабливаемый уровень жизни;

2) криминальный тип, основанный на широком распространении экономики черного рынка. Развитие черно-рыночных отношений происходит в тех регионах, где имеются каналы сбыта сельскохозяйственной продукции;

3) деструктивный тип адаптации, характеризующийся прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией и, в итоге, заканчивающийся деструктуризацией локального сообщества.

Изучение ситуации в различных регионах дает основание предполагать, что эти типы не являются параллельными и независимыми формами адаптации, а представляют собой различные стороны одной и той же адаптационной модели, по-разному проявляющей себя в разных обстоятельствах и в разных регионах.

Анализ данных социологического мониторинга показывает, что складывающаяся на селе натуральная экономика не является самостоятельным экономическим феноменом. Она не может существовать без наличия мощного редистрибутивного потока, направленного из «большого общества» в экономику сельских сообществ. По меньшей мере, две трети всех материальных средств, используемых сельскими жителями, поступает извне локального сообщества. Основными внешними факторами, влияющими на развитие конкретного села, оказываются государство и локальный рынок. Внутренними факторами выступают личностные качества сельчан.

Основную роль в редистрибутивном механизме играют крупные сельскохозяйственные предприятия — крупхозы. Именно в крупхозе подавляющая часть сельских жителей получает доступ к таким жизненно необходимым ресурсам, как топливо, корма, техника, транспорт и т.д. Без наличия постоянной подпитки бесплатными ресурсами личное крестьянское хозяйство просто не могло бы просуществовать в течение сколько-нибудь длительного времени. В сложившейся ситуации крупхоз оказывается не столько экономической, сколько редистрибутивной структурой.

Натуральный характер крестьянского хозяйства объясняется тем, что значительная часть ресурсов присваивается крестьянским хозяйством в форме, не допускающей их непосредственного потребления. Крестьянам требуется собственное хозяйство, преобразующее эти ресурсы в пригодную для потребления форму. Естественно, что характер такого хозяйства будет крайне натуральным.

Аналогичным образом можно объяснить и роль черного рынка в сельской экономике: поскольку значительная часть ресурсов присваивается неформальным и часто внеправовым образом, их нельзя предложить для обмена на открытом рынке (технику, принадлежащую сельхозпредприятиям, например, можно использовать только для теневых операций).

Наконец, в тех случаях, когда интенсивность редистрибутивного потока оказывается недостаточной, мы становимся свидетелями прогрессирующего распада сельского сообщества

Таким образом, в условиях переходного состояния, когда экономика является кризисной, адаптация сельского населения происходит за счет развития неформальных экономических отношений, которые, в свою оче-

редь, оказывают кардинальное воздействие на все сферы социального развития этих сообществ.

В настоящее время преобладающая роль в социальных процессах, в том числе и в сфере занятости населения, принадлежит государству, доминирующему функционирование натурального крестьянского хозяйства и в большинстве случаев являющемуся основным источником средств и ресурсов, необходимых для жизнедеятельности села.

В целом, стратегию поведения сельского населения, несмотря на реально существующее многообразие вариантов ее реализации, можно охарактеризовать как «ориентацию на выживание, а не на развитие». Эта стратегия выражается в консервации всех основных процессов, определяющих жизнь села: снижении трудовых мотиваций, низкой товарности домашнего хозяйства, спаде демографических показателей, резком сокращении уровня потребления.

Процесс адаптации к новым социально-экономическим условиям в российском селе еще не завершен. Прошедшие годы социально-экономических преобразований привели к тому, что основные формы адаптации на селе (натурализация, ориентация на черный рынок, деструкция) в какой-то степени действительно устоялись и стабилизировались. Однако сам характер этих форм таков, что не позволяет определенно говорить о каких-либо стратегиях развития села на долгосрочную перспективу. В этих условиях решающим для дальнейшего развития села оказывается фактор государства, а основным направлением деятельности государства в отношении села — переход от стратегии поддержки через неформальные практики (крупхозы и черный рынок) к продуманной и дифференцированной социальной политике, учитывающей специфику сельского образа жизни.

Как мы уже отмечали, процесс исторического перехода к информационному обществу и глобальной экономике характеризуется широко распространенным ухудшением условий жизни и труда. Это ухудшение в разных контекстах принимает различные формы: повышение структурной безработицы в Европе; снижение ставок заработной платы, рост неравенства и нестабильность работы в Соединенных Штатах; неполная занятость и ускоряющаяся сегментация рабочей силы в Японии. В развивающихся странах, экономика которых, как правило, слабо развита и застойна, проявлением этих тенденций оказывается, прежде всего, включение в неформальную экономику, снижение статуса новой городской рабочей силы и растущее отставание сельскохозяйственной рабочей силы. Пример развития большинства сельскохозяйственных регионов России подтверждает этот тезис.

3.2. Натурализация и развитие ЛПХ как адаптационная стратегия

Как отмечалось выше, переориентация социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, которое служит, прежде всего, целям простого воспроизводства (выживания), является наиболее типичной приспособительной реакцией на селе.

Во всех обследованных регионах Сибири⁶⁴ зафиксировано преобладание натурализованной домашней экономики крестьянских хозяйств, служащей основой адаптационных возможностей сельских локальных сообществ. В сельскохозяйственных регионах (Республика Алтай, Ханты-Мансийский автономный округ, Горная Шория, Республика Казахстан) это преобладание носит подавляющий характер. Товарно-денежные отношения редуцированы и носят лишь вспомогательный характер.

Во многом аналогичная ситуация складывается и в более урбанизированных районах Новосибирской области. Хотя здесь роль денег несколько выше. Объясняется это не более высокой степенью товарности сельскохозяйственного производства, а напротив, меньшей развитостью все того же натурализованного крестьянского хозяйства, продукции которого здесь иногда недостаточно для обеспечения семьи. В связи с этим здесь сравнительно большую роль играют временные заработки («отходничество» в город и т. п.), подавляющая часть которых получается на неформальной бесконтрактной основе.

Подобные тенденции характерны для всего российского села в пореформенное время.

Так, например, в 1998 г. в России примерно 14 млн сельских домохозяйств с помощью городских садоводов произвели 59 % общего объема сельскохозяйственной продукции. В 1992 г. доля произведенной домохозяйствами продукции составляла 32 %. За этот же период доля крупных товарных производителей сократилась с 69 до 39 %.

Из данных табл. 49 очевидно, что главным образом благодаря быстрой переориентации миллионов семей на самообеспечение в рассматриваемый период удалось избежать социального взрыва не только на селе, но в значительной мере и в городе⁶⁵.

⁶⁴ См.: Мархинин В.В., Нысанбаев А.Н., Нечипоренко О.В., Шмаков В.С. Проблемы социальной модернизации в полиэтничных сообществах (Сибирь и Казахстан) // Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития. Новосибирск, 2003. С. 23.

⁶⁵ См.: Пациорковский В.В. Сельская Россия на рубеже веков (1991—2001 гг.). // Россия — десять лет реформ. 1992—2001. М.: ИСЭПН РАН, 2002.

**Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств
в 1991—2000 гг., %**

Хозяйства	1991	1992	1995	1996	1998	1999	2000
Крупные	69	67	50	47	39	41	43
Фермерские	0	1	2	2	2	2	3
Домохозяйства	31	32	48	51	59	57	54

Источник: Россия в цифрах, 2001. М.: Госкомстат России, 2001. С. 199.

Итак, в связи с изменением роли сельских подворий серьезно меняются смысл и значение «личного подсобного хозяйства» (ЛПХ) применительно к положению дел в сельской местности. Если ранее поступления с приусадебных участков составляли в среднем 10—15 % доходов сельской семьи, то сегодня даже по официальным данным натуральное потребление продуктов питания из ЛПХ составляет в сельской местности более 75 % общего рациона семей⁶⁶.

В сегодняшних условиях именно это «подсобное хозяйство» на самом деле является основным источником средств к существованию для подавляющего большинства жителей, тогда как работа в той или иной формальной организации выполняет как раз подсобную функцию. В домохозяйстве обеспечиваются процесс воспроизводства населения и социализация подрастающего поколения.

И, наконец, еще одна группа фактов, обнаруженных в результате проведенных нами обследований. Домашнее хозяйство носит практически натуральный характер, далее мы чуть глубже рассмотрим этот вопрос, в связи с участием домохозяйств в неформальной экономической деятельности. Подавляющая часть продуктов домашнего хозяйства присваивается в натуральной форме. Единственно значимой формой товарно-денежных отношений является реализация некоторой части продукта через частных скупщиков. Однако, даже эта практика характерна лишь для 15—20 % семей.

Надо отметить, что этот слабо включенный в товарно-денежные отношения социально-экономический субстрат появился, конечно, не на пустом месте. Еще в советскую эпоху, по данным Л. Тимофеева, основанным на анализе государственной статистики, «на приусадебных участках, по разным подсчетам занимающих лишь два с половиной или даже полтора

⁶⁶ Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., Лылова О.В. и др. Изменения условий жизни сельского населения. // Россия 1999. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 2000, С. 316—343.

процента всех посевных площадей страны... производилась треть всего сельскохозяйственного продукта»⁶⁷. Аналогичные данные для Сибири 1985 года приводятся в фундаментальной работе «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири» (Новосибирск, 1991). Однако, в советский период товарность домашнего хозяйства была заметно выше (как за счет полупринудительной системы государственных закупок сельхозпродукции, так и в не меньшей степени за счет черного рынка).

Иногда применительно к феномену роста значимости подсобного хозяйства говорят о возрождении крестьянского уклада — в этом плане показательно название предмета исследований Т. Шанина («крестьяноведение»), В.В. Пациорковский также полагает что понятие «личного подсобного хозяйства» уже не отвечает сущности феномена, являющегося основным источником доходов для жителей села и основным производителем сельхозпродукции, и допускает применимость к ЛПХ понятия «крестьянское хозяйство», которое, впрочем, уже не может применяться столь категорично, как лет 80 тому назад, ибо на селе живут не только крестьяне, но и иные социально-профессиональные группы, представители которых тоже ведут домашнее хозяйство⁶⁸. Суть позиции В.В. Пациорковского сводится к следующему. Опираясь на свой человеческий и социальный капитал, сельские домохозяйства приспосабливались к новой обстановке, вызванной реформами в стране, постепенно приобретая мелкотоварный характер. В исследуемый период времени (1991—2001 гг.) формирование мелкотоварного сектора в сельской местности осуществлялось посредством трансформации потребительского домохозяйства сперва в хозяйство с более высокой долей самообеспечения продуктами питания, а затем — в мелкотоварное производство, близкое по экономической сущности к фермерскому. В.В. Пациорковский доказывает, что это мелкотоварное сельскохозяйственное производство имеет большие возможности. Как предполагает исследователь, в перспективе примерно 50 % сельских домохозяйств будут производить продукцию в целях повышения личного благосостояния, т. е. в режиме устойчивого развития. Еще около 30 % — хозяйствовать в режиме выживания, т. е. как-то обеспечивать собственное потребление. Но, по прогнозам того же автора, в 20 % домохозяйств производство продукции будет минимальным или полностью отсутствовать по двум прямо противоположным причинам: для 5 % за ненадобностью (богатые), а для 15 % в связи с недееспособностью⁶⁹.

На наш взгляд, подсобное хозяйство имеет крайне мало общего с крестьянскими хозяйствами. Неверно также мнение о перспективности развития экономики подсобных хозяйств.

⁶⁷ Тимофеев Л.М. Черный рынок как политическая система. М., 1993. С. 17.

⁶⁸ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991—2002 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. С. 60—62, 84—87, 92, 108, 193—195 и др.

⁶⁹ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991—2001 гг. С. 345.

Понятие крестьянства является историческим системным понятием (из области истории аграрного сектора), в котором отражаются особый тип социальных связей (как правило, общинных), особый тип взаимосвязи с землей, которая в «традиционной» культуре воспринимается не как объект коммерческой деятельности, а как жизненное пространство, «земля-кормилица», ценность земли поэтому не сводима к рациональному пониманию ресурсов хозяйственной деятельности.

В работах А.В. Чаянова и его последователей, в их теориях крестьянство рассматривается как семейно-трудовое хозяйство — специфическая форма частнохозяйственного предприятия, базирующегося на труде членов семьи.

Ни одно из этих пониманий неприменимо к современному подсобному хозяйству селян, которые крестьянами могут называться только лишь в иносказательном, неточном смысле слова.

Многие домохозяйства в социальном плане представлены учителями, врачами, работниками культуры, торговли и другими специалистами не аграрного профиля. Успехи в адаптации достигаются домохозяйствами путем наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда и ограниченного использования техники, кормов, удобрений, а также услуг коллективных хозяйств.

Очевидно, что нетоварное или мелкотоварное сельскохозяйственное производство может быть привлекательным только на определенном временном интервале — как явление, возникшее в ходе кризисных явлений в социально-экономической сфере, как типично адаптационное явление. Поэтому вряд ли имеют под собой основания надежды на модернизацию подсобных хозяйств и дальнейший рост товарного производства в них, равно как и на создание устойчивой и конкурентоспособной системы сельскохозяйственного производства на основе экономики, базирующейся на деградировавшей системе социальных отношений. Модернизация заключается в обновлении структурной и экономической основы сельского социума, а не возвращении к исторически обреченным формам землепользования и производства в аграрной сфере.

Развитие подсобных хозяйств — типично адаптационная стратегия, форма выживания, обусловленная сложностями модернизации, структурной перестройкой.

Дело даже не в низкой товарности ЛПХ. Будущее аграрной сферы, как показывает мировой опыт, заключается в развитии крупных товаропроизводящих хозяйств, использующих рабочую силу на основе трудового найма.

Остановимся теперь еще на втором моменте — а именно на архаичном характере натурализованной экономики. Как справедливо отмечает Дениз Кандиетти, «пока советологи искали ошибки советской системы, а ученые Союза восхваляли триумф прогрессивной модернизации, остава-

лась незамеченной динамика изменений, приспособления и сопротивления ...» со стороны традиционных социально-экономических структур⁷⁰.

Весьма любопытно, что к аналогичным выводам относительно протекания процессов модернизации в сельских ареалах приходят и авторы, занимающиеся изучением стран Третьего мира. Вот как, например, выглядит ситуация в современной китайской деревне:

«Рыночные реформы вряд ли приведут к образованию рыночной экономики ... снижение давления со стороны государственной перераспределительной системы обнажает весьма архаичные экономические отношения»⁷¹.

Проявления феномена натурализации и архаизации могут быть обнаружены и в других регионах России⁷², и в среднеазиатских республиках бывшего СССР. Английский исследователь Сергей Поляков в своей работе 1992 г. убедительно доказывает, что под покровом «перестроечной» модернизации скрывается реальность неперестроенного традиционного общества. В работе С. Полякова показывается, что в постсоветской Центральной Азии вновь возникла надельная система землепользования, имеющая такие архаичные черты, как натуральная форма арендной платы («издольщина»), личная зависимость крестьян от владельцев земли и т. д.⁷³ Вопреки принятому словоупотреблению, надел — это не подсобное хозяйство, а основа теневой экономики. Таким образом, считает Поляков, «советская власть в определенной степени способствовала сохранению докапиталистических форм, уничтожив более развитые социальные и экономические структуры»⁷⁴. Автор указывает, что 85 % взрослого населения Центральной Азии занято в мелком производстве.

Архаизация экономических практик зафиксирована и в некоторых других странах бывшего Советского Союза. Эти же выводы подтверждаются данными наших исследований в Казахстане.

С другой стороны, аналогичные феномены можно обнаружить не только в постсоветских экономиках. Даже в Европе сегодня прослеживается наличие некоторых архаичных институтов, вновь возникающих под воздействием все большего включения национальных экономик в глобализованное мировое сообщество. В частности, как показывают полевые исследования Ф.Энтрены, вхождение Испании в «Общий рынок» привело

⁷⁰ **Kandiyoti D.** Modernization without market? // *Economy and Sociology*. 1996. Vol. 25, P. 42.

⁷¹ **Кузнецова В.В.** Социальные изменения в китайской деревне // *Китай: от закрытого общества к открытому миру*. М., 1995. С. 17.

⁷² См.: **Мартынова И.Н.** Заметки о социальных изменениях в аграрном секторе России. // *Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений*. Новосибирск, 1996.

⁷³ См.: **Poliakov S.** *Everyday Islam: religion and tradition in rural Central Asia*. New York, 1992.

⁷⁴ *Ibid.* P. 118.

к нарастанию партикуляристских тенденций во многих испанских сельских кооперативах, т. е. к отказу от ориентации на рынок и превращению их в более или менее закрытые самообеспечивающиеся коммуны⁷⁵. Похожие тенденции обнаружены и финскими социологами⁷⁶.

Таким образом, можно видеть, что между ситуацией в постперестроечной России и ситуацией в других «не западных» странах существует целый ряд общих моментов и тенденция к ренатурализации не может быть объяснена исключительно специфическими чертами российского сельского хозяйства. Дело выглядит так, что наблюдаемый на данных нашего исследования поворот к натуральным формам хозяйствования представляет собой совершенно новый феномен, имеющий своим основанием не какие-то реликты прошлого, а напротив, — современные формы экономической модернизации сельских локальных сообществ.

Вместе с тем в институциональном плане изменения так глубоки, что сегодня в сельской местности крупные агропромышленные предприятия также зависимы и от отдельных домохозяйств, и в значительной степени от сельской администрации.

Таким образом, как данные государственной статистики, так и наши данные показывают, что в жизни села за короткий период произошли огромные социальные и экономические изменения. Очевидна архаизация экономических практик, отмечаемая многими исследователями как неотъемлемая черта преобразований, происходящих в постсоветских странах. Феномен архаизации экономической деятельности и социальных отношений проявляется в натурализации экономической деятельности, т. е. в переходе отдельных индивидов или домохозяйств на самообеспечение, «избегание» рыночного пространства.

3.3. Неформальные социально-экономические практики и неформальная экономика

Одно из наиболее значительных явлений, отчетливо проявившихся в ходе реформирования аграрной сферы, — широкое распространение неформальной экономики и неформальных практик на селе. Как представляется, данное явление в реальности имеет важное, едва ли не решающее значение для социально-экономического развития села в настоящем и ближайшем будущем, поэтому феномен неформальности требует теоре-

⁷⁵ См.: **Entrena F.** Reactions of Spanish agrarian co-operatives to globalization // Journal of Rural Cooperation, 25th anniversary issue. 1999. Vol. 26, No. 1—2 / International Research Center on Rural Cooperative Communities, Yad Tabenkin, Ramat Efal, Israel.

⁷⁶ См.: **Oksa J.** Regional and Local Responses to Restructuring in Peripheral Rural Areas in Finland // Urban Studies. 1992. Vol. 29, N 6.

тического осмысления, а развитие неформальных хозяйственных практик — практического изучения.

Весомая часть неформальной экономики всегда была связана с материальным самообеспечением широких групп населения, и поэтому наличествовала даже в условиях огосударствленной экономики социализма. В постсоветский же период теневая активность служит главным источником средств существования для многочисленных социальных групп, а работа в неформальном секторе становится для многих основной формой занятости. Тенденция постсоветского времени, состоит в том, что в «тени» все больше концентрируются представители социально уязвимых слоев населения: женщины, пенсионеры, «бюджетники», работники, уволенные с предприятий формального сектора.

Неформальная экономика, включающая в себя широкий спектр нерегистрируемой государственными органами хозяйственной некриминальной деятельности, является вторым измерением теневой экономики.

В ее основании лежит неформальная практика — взаимодействие индивидов или социальных институтов, лишенное непосредственного государственного регулирования. Государственное регулирование выступает главным образом в форме административного, законодательного, нормативного вмешательства в организацию дел сообщества. Неформальная практика присуща не только экономической, но и политической, социальной и иным сферам человеческой деятельности.

Неформальная практика существует в сложном симбиозе с официализированной (регулируемой государством) формальной практикой. Она возникает в случаях: принципиальной невозможности регулирования отношений в отдельной части функционирования сообщества; временного отсутствия регламентации; чрезмерной регламентации; «ошибочной» (неразделяемой с точки зрения норм сообщества) регламентации и т. д. Таким образом, обе названные практики существуют неразрывно одна от другой.

В любом обществе остается пространство для неформальной экономики, которое возникает в результате сознательного уклонения части экономических субъектов (мелких торговцев; ремесленников, специалистов) от государственного регулирования в целях укрытия доходов, сложности и дороговизны процесса государственной регистрации и лицензирования и так далее.

Кроме того, современное российское общество характеризуется полиэтническим составом населения, выходцев из различных по степени цивилизационного развития регионов одной страны и разных государств. Различные категории населения в разной степени склонны избегать государственного регулирования их деятельности.

Массовым является уклонение от государственного регулирования в период экономических трансформаций, когда государство не может на-

ладить оптимальный и взаимоприемлемый компромисс с экономическими субъектами, как это имеет место в настоящее время в России.

Модернизационные процессы в постсоветских обществах сопровождались затяжным структурным кризисом, не имеющим прецедентов в истории XX в. К новому тысячелетию эти общества пришли с разрушенной финансовой системой, с отсталой структурой производства, опутанными внешними долгами. В условиях модернизации, отягощенной кризисным состоянием экономики, протекающие экономические процессы характеризуются натурализацией экономики, повышением редистрибутивной роли государства и развитием неформальных экономических отношений.

Экономический кризис оказал кардинальное воздействие на все сферы социального развития постсоветских государств. Теперь уже очевидно, что большинство развивающихся обществ сталкивается в процессе модернизации со значительными трудностями социального характера. Социальные последствия экономических экспериментов 90-х годов везде оказались одинаковы: ухудшение условий существования основной массы населения, происходящий на этом фоне беспрецедентный рост неравенства в доходах и обвал социальной сферы.

Бесспорным фактом является резкое увеличение доли населения, осуществляющего теневую деятельность. Именно благодаря неформальным практикам, являющимся своеобразной адаптационной реакцией широких слоев населения на социально-экономическую трансформацию, выживают те категории граждан, доходы которых оказались (по официальным статистическим данным) значительно ниже прожиточного минимума. Способствуя повышению доходов населения и преодолению наиболее отрицательных последствий структурных реформ, неформальная экономика оказывает стабилизирующее влияние в масштабах всей страны. И это воздействие не следует недооценивать.

Поскольку неформальная экономика затрагивает интересы большой массы населения, требуется максимальная продуманность мер государственного воздействия на нее. В ином случае неизбежен рост социальной и политической напряженности в обществе.

Значительный потенциал сконцентрирован в экономике домохозяйств. Экономика такого рода тесно связана с неформальной экономикой и даже является, с некоторыми оговорками, ее составной частью⁷⁷. В России особенно велика роль самообеспечения продуктами питания и самообслуживания (self-provisioning and self-servicing activities). При этом список конкретных видов деятельности, подпадающих под это определение, гораздо шире, чем в домохозяйствах развитых стран.

⁷⁷ См.: Anderson M., Bechhofer F. & Gershuny J. The Social and Political Economy of the Household. Oxford: Oxford University Press. 1994.

В 1990 г. доходы от личного натурального хозяйства составляли по некоторым данным 7,8 % от всех доходов семей. По данным мониторинга экономических и социальных перемен в России, проводимого Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 1991 г. денежные доходы населения сократились на 30—40 %, одновременно с этим доля доходов от натурального хозяйства предположительно поднялась до 25 %. Кроме того, социологами и экономистами называется цифра 25—30 % «теневых доходов» в совокупном доходе семей⁷⁸.

Достоверные данные о денежном обороте в некриминальных структурах теневой экономики представляют интерес не только с фискальной точки зрения. Они важны для дифференцированного политического подхода к соответствующей проблеме. Социологические исследования теневой экономики позволяют получить более или менее достоверные сведения о некоторых процессах, оказавшихся за пределами официальных средств информационного доступа и государственного влияния. Например, о формировании неформального рынка труда, о распространенности теневых платных услуг.

Результаты специального исследования показали, что денежные расходы семей респондентов в декабре 2000 г., выплаченные неофициально, составили треть (33,7 %) семейных доходов в этом месяце⁷⁹.

По данным социологических обследований, нарушение правовых норм становится одним из основных видов реактивно-адаптационного поведения разных групп населения. Например, мелкие хищения на производстве, совхозном поле, стройке не осуждают в селе 65 %, а в крупном городе — 62 % опрошенных⁸⁰.

Рыночные реформы лишили многие миллионы людей привычных социальных ниш, уровня жизни и сбережений. Хотя цены были «отпущены», введена свободная торговля и реализованы некоторые другие меры по либерализации экономики, механизмы экономического отбора не были запущены. Поэтому в промышленности, сельском хозяйстве и других секторах были сохранены на многие годы неэффективно работающие предприятия, на которых существовали сотни тысяч рабочих мест с зарплатой на уровне и ниже прожиточного минимума. В то же время никаких формальных и легальных альтернатив экономической активности для работников на таких местах не было. Людям пришлось искать средства к сущест-

⁷⁸ См.: **Заславская Т.И.** Анализ результатов опросов. Новые данные о доходах россиян. Показатели фактических доходов населения. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. С. 11—13.

⁷⁹ См.: **Бойков В.Э.** Серая экономика: масштабы развития и влияние на массовое сознание // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 32.

⁸⁰ См.: **Заславская Т.И., Шабанова М.Л.** Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 15—16.

вованию и новые виды занятий вне каких-либо сложившихся формальных экономических институтов: найма и увольнения, оплаты, материального и морального поощрения, должностного продвижения и др.

Для подавляющего большинства населения некриминальная теневая экономика представляет собой своего рода отдушину для получения средств выживания. Поэтому «общество согласно мириться с “теневой” экономикой как с меньшим из двух зол, интуитивно понимая, что борьба с теневой экономикой со стороны государства, с учетом недавних советских традиций, приведет к еще большему (в сравнении с перечисленными выше) злу. Скорее всего, она приведет к искоренению с той или иной степенью глубины ростков частной экономики, а значит, в конечном итоге — и частной жизни, весьма хрупких в постсоветской России»⁸¹.

Среди работ зарубежных ученых о неформальной экономике в России следует упомянуть о работе С. Сэмпсона. Автор, анализируя неформальную экономику при социализме, сосредоточил внимание на четырех преобладающих ее формах в странах Восточной Европы: натуральных крестьянских хозяйствах; теневой экономике социалистических предприятий; подпольных (underground) предприятиях и теневой экономике в торговле и сфере услуг. Сэмпсону удалось обобщить значительный объем материала, посвященного этой теме. Однако из сферы его внимания ускользнули такие важные моменты, как самостоятельное строительство жилья и дач, обмен услугами, обслуживание различных типов жилья агентами неформальной экономики.

Можно выделить стандартные функции неформальной экономики в различных странах: удовлетворение потребностей населения с невысоким уровнем дохода (услуги более низкого качества); расширение сферы предоставления услуг (работа в вечерние и ночные часы, торговля специфическим ассортиментом товаров и услуг и т.д.); приближение услуг к непосредственным потребителям (уличная торговля, услуги на дому и т.д.); предоставление безналоговых, престижных услуг потребителям с высоким уровнем дохода, не заинтересованным в декларировании своих приобретений; расширение рынка труда и т.д.

Неформальная экономика зависит от формальной, регулируемой государством экономики и определяемой действующим законодательством, в то же время она подчиняется неписаным нормам, соседским и родственным отношениям.

«Неформальные средства» активно использовались на социалистических предприятиях. При управлении персоналом вовлекались средства не только формального, экономического принуждения, но и неформального характера. От руководителя зависело предоставление работнику

⁸¹ Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России. // Социологические исследования. 2002. № 4.

льгот из общественных фондов потребления (жилье, путевки, льготы), возможности использования государственного оборудования и материалов в личных целях и многое другое.

Работник, выполнивший просьбу руководителя, имел в виду, что его стимулирование будет шире, чем просто премирование. Руководитель останется ему «обязанным». Именно благодаря возможности использования государственного транспорта по низким ценам, приобретения по договоренности с заводским начальством дефицитных стройматериалов или в результате прямых хищений этих материалов, изготовления деталей, необходимых в домашнем хозяйстве, на заводах было возможно «эффективное» функционирование домохозяйств.

Доходная часть экономики домохозяйств большинства российских семей складывалась из официальной заработной платы, пенсий, пособий, иных государственных страховых выплат, стоимости услуг, предоставляющихся из общественных фондов потребления (расходы на здравоохранение, образование, санаторно-курортное обслуживание и т. д.), трудно фиксируемых органами статистики «прочих» доходов (выплат разного рода на субподрядных работах), а также подводной части айсберга — совокупных доходов семей, полученных в денежной или иной форме от работ на основе самообслуживания, взаимопомощи, «блата». Сами эти работы стали плодом длительной эволюции несовершенной экономической модели развития страны, в которой бытовой сфере, жилищному строительству, индивидуальному транспорту доставалось по известному «остаточному принципу». Таким образом, налицо реальное расхождение между официальными доходами и совокупным доходом семьи. Это расхождение явилось объективным следствием несовершенства социально-экономической модели развития СССР. Низкая заработная плата, вкупе с официальными доходами семьи, стимулировала развитие семейного самообслуживания, консервировала традиционный (сельский) уклад жизни, что в свою очередь сдерживало развитие полноценной экономики и сферы услуг. Указанная тенденция в несколько видоизмененном виде существует до настоящего времени.

Совокупность неформальных практик в целях исследования можно обозначить как неформальный сектор.

Под неформальным сектором обычно понимается совокупность мелких хозяйственных единиц, а также экономическая деятельность, осуществляемая на базе домохозяйств или индивидуально. Как отмечает В. Гимпельсон, понятие неформального сектора не тождественно понятию теневой экономики. Потому что к теневой экономике относится любая не регистрируемая и не облагаемая налогами экономическая деятельность, включая криминальную, а также не регистрируемую в рамках крупных или средних зарегистрированных предприятий, тогда как неформальный сектор не включает занятых запрещенной деятельностью (контрабанда,

производство и распространение наркотиков, проституция, и т. п.), а также тех, кто работает без регистрации на крупных и средних предприятиях формального сектора. Однако он может включать как самозанятых, так и занятых по найму (на предприятиях неформального сектора или у физических лиц)⁸².

Поэтому неформальный сектор — это весьма специфический вид теневой экономики, важнейшее отличие которого заключается в том, что его основу составляют не урегулированные законодательно и не поддающиеся государственному контролю и регулированию в силу специфики объекта (незначительных масштабов такой деятельности, непредпринимательского ее характера и традиционных подходов к регулированию социально-экономических неформальных практик).

Некоторые исследователи связывают неформальную экономическую активность не столько с сектором домашних хозяйств, сколько с корпорированными субъектами⁸³.

С точки зрения российской статистики «предприятиями неформального сектора считаются предприятия домашних хозяйств, или некорпоративные предприятия, принадлежащие домашним хозяйствам, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не имеют правового статуса юридического лица»⁸⁴.

«Голубая книга» системы национальных счетов (СНС 93) рабочее определение «неформального» («неофициального») сектора дает со ссылкой на резолюцию 15 Международной конференции по статистике труда. В резолюции, в свою очередь, содержится ссылка на методологию СНС и предприятия неформального сектора определяются как некорпорированные и принадлежащие домашним хозяйствам, действующие обычно на законном основании и нацеленные на производство товаров и услуг для обеспечения в этих хозяйствах занятости и доходности.

Совокупность неформальных предприятий составляет по отношению к сектору домашних хозяйств подсектор. В него включаются «предприятия, работающие для собственных нужд домашних хозяйств» (например, осуществляющие собственными силами индивидуальное строительство) и «предприятия с неформальной занятостью».

К последним относятся те предприятия, на которых отношения между работодателем и наемным работником (или между несколькими партнерами) не закреплены формально, т. е. каким-либо договором или другим

⁸² См.: Гимпельсон В. Неформальная занятость в России // Население и общество. 2003. № 107.

⁸³ См.: Неформальный сектор в российской экономике / ИСПАП, М., 1998.

⁸⁴ Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. М.: Госкомстат России, 2001.

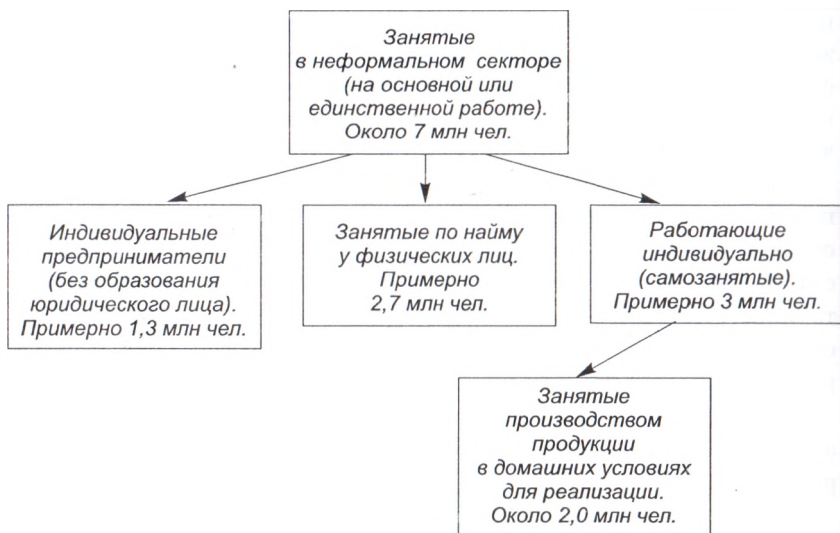

Рис. 35. Структура занятости в неформальном секторе на основной работе в 2001 г. (в среднем за год).

юридическим документом: отмечается, что этот подсектор может иметь особо важное значение для развивающихся стран⁸⁵.

Неформальный сектор в целом и занятость в нем очень трудно оценить количественно. На одном полюсе в спектре видов неформальной занятости находятся высококвалифицированные услуги, оказываемые в индивидуальном порядке профессионалами (например, врачами, преподавателями, адвокатами). На другом — малопроизводительная деятельность, направленная на обеспечение условий простого выживания семей (как, например, производство продуктов в домашнем хозяйстве для последующей продажи на рынке). Еще один дополнительный сегмент — это малое предпринимательство. Оно может носить индивидуальный и некорпорированный характер (т. е. не быть оформленным в виде фирмы) и поэтому остается вне отчетности формального сектора.

Важнейший источник информации о занятости в неформальном секторе — обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимые Госкомстатом России. Они во многом отвечают международным требованиям по измерению неформальной занятости.

Укрупненная структура неформального сектора, выделенного в соответствии с принятым определением, показана на рис. 35.

⁸⁵ См.: Исправников В.О. «Теневая» экономика и перспективы образования среднего класса // *Общественные науки и современность*. 1998. № 6. С. 40—50.

Выделение занятых в неформальном секторе осуществляется на основе комбинирования ответов на несколько вопросов, ключевым из которых является вопрос о месте работы. Он предполагает следующие варианты⁸⁶:

- (а) на предприятии, в учреждении, организации;
- (б) в фермерском хозяйстве;
- (с) предпринимательская деятельность без образования юридического лица;
- (d) на индивидуальной основе;
- (е) по найму у отдельных граждан).

Группы (с)—(е) полностью относятся к неформальному сектору. Занятые в (а) и (б) также относятся к неформальному сектору в том случае, если они работают «без регистрации или оформления документов» «на собственном предприятии или в собственном деле для получения дохода» или «в качестве члена производственного кооператива (артели)». К неформальному сектору также относятся занятые производством продукции или оказанием услуг в домашнем хозяйстве, если эта продукция или услуги реализуются на рынке.

К неформальной занятости следует относить и ту занятость, которую сами граждане считают своей основной работой, и ту, которая является второй или дополнительной. Понятно, что в большой мере вовлеченность граждан в неформальный сектор проявляется в форме вторичной занятости. Доля этого сектора в общих затратах рабочего времени в экономике может при этом быть значительно больше, чем его доля в численности занятых.

3.4. Сельская (крестьянская) неформальная экономика

Десятилетие аграрных реформ в постсоветской России не только не решило проблему становления эффективной многоукладной сельской экономики, но и вызвало заметное ухудшение социально-экономического положения большинства жителей села. «Рыночная» реорганизация коллективных хозяйств (бывших колхозов и совхозов) закончилась для многих из них фактическим банкротством. Недавние колхозники утратили многие преимущества советской поры — в первую очередь стабильную занятость в общественном хозяйстве и денежную оплату своего труда.

Собственно аграрной реформы как рационального, системного и развивающего процесса, который бы поддерживался и осуществлялся самими сельхозпроизводителями, не было и нет. Крестьянство оказалось не готово к ней, «без рыночной компоненты в сознании»⁸⁷. Работники, не полу-

⁸⁶ Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. М.: Госкомстат России, 2001.

⁸⁷ См.: Многоукладная аграрная экономика и российская деревня / Под ред. Е.С. Строева. М.: Колос 2001.

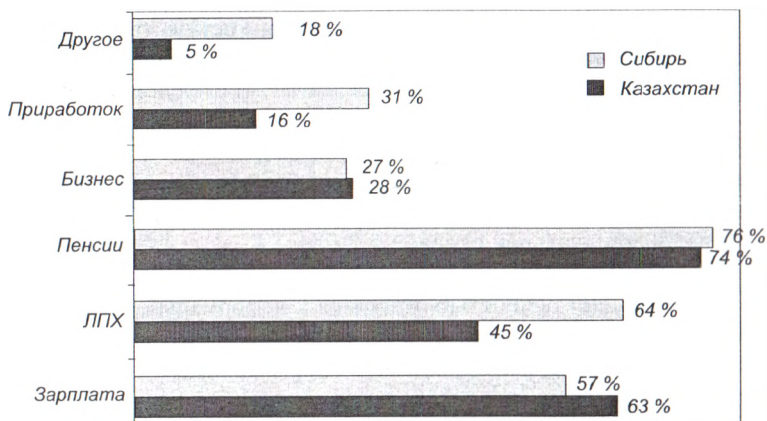

Рис. 36. Источники денежных средств в сельских регионах.

Источник: **Нечипоренко О.В., Шмаков В.С.** Постсоветское пространство в зеркале социально-экономической трансформации: типология адаптационных реакций (Казахстан и Сибирь) // Социально-философские, культурно-исторические, экономико-правовые проблемы развития казахстанского общества. Алматы, 2003, С. 272.

чающие в течение ряда лет денежную зарплату, тем не менее сохраняют свои рабочие места на экономически слабых сельхозпредприятиях⁸⁸.

В результате аграрных «реформ» сотни тысяч сельских семей переместились за официально признанную черту бедности. Сравнительные изучения адаптации сельских локальных сообществ к процессам социальной модернизации, проводимые нами более 10 лет в регионах Западной Сибири, Алтая и в Республике Казахстан, показывают⁸⁹, что фактически, если ориентироваться именно на среднедушевой уровень денежных доходов, почти все домохозяйства в обследованных регионах находились ниже порога бедности, а более двух третей семей относились к крайне бедным (ниже половины прожиточного минимума). При этом главную роль в качестве источника денежных средств играет не зарплата в формальной организации, а пенсии, прочие социальные трансферты, приработки (вторичная занятость) (рис. 36).

⁸⁸ См.: **Фадеева О.П.** Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. Март 2001. Т. 2. № 2. С. 61—93.

⁸⁹ См.: **Нечипоренко О.В., Вольский А.Н.** Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай. Новосибирск, 2000; **Нечипоренко О.В., Вольский А.Н.** Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. Новосибирск, 2002; **Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития.** Новосибирск, 2003.

Распределение населения по уровню доходов (по Кош-Агачскому району)

Уровень доходов	1998 г.	2001 г.
Крайняя бедность (менее 0,5 ПМ)	79 %	81 %
Бедность (от 0,5 до 1 ПМ)	13 %	12 %
Более 1 ПМ на члена семьи	8 %	7 %
Среднедушевой доход (рублей)	192	529

Анализ материала, полученного в результате двух экспедиций 1998 и 2001 гг., в ходе которых были обследованы два сельских района Республики Алтай: Кош-Агачский и Усть-Канский, показывает критические результаты относительно денежных доходов населения⁹⁰. Практически все опрошенные имеют доход ниже прожиточного минимума (табл. 50). При этом около трети опрошенных фактически не имеют вообще никаких регулярных денежных поступлений (30 % — Кош-Агачский район, 39 % — Усть-Канский).

Наиболее низкой является зарплата именно в сельском хозяйстве. Так, в 2000 г. она составляла всего 164 рубля, или 17 % от среднего уровня зарплаты по районам.

Приведенные данные могли бы склонить нас к мысли, что в обследованном ареале наблюдается острый социальный кризис. Практически полное отсутствие денежных доходов у некоторой части населения должно было бы означать полуголодное существование для большинства населения. Однако, как показывают результаты этого и других исследований, реальное положение весьма далеко от такой критической картины. Конечно, уровень жизни основной массы селян весьма невысок, но совершенно не заметно каких-либо катастрофических социальных явлений.

Дело в том, что основу экономики сельских локальных сообществ в Республике Алтай, как и во всех обследованных сельских регионах, на сегодня составляет вовсе не денежная экономика, связанная с занятостью в тех или иных формальных организациях, а так называемое «подсобное» крестьянское хозяйство, имеющее резко выраженный натуральный характер. Конечно, именно это подсобное хозяйство и доходы, получаемые неформальным путем, оказываются основным источником средств к существованию, тогда как «работа» в формальных организациях играет лишь подсобную, второстепенную роль.

Реальное представление об экономической жизни крестьянских домохозяйств может существенно измениться, если учесть неформальные практики,

⁹⁰ См.: Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай; Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Сельские локальные сообщества Горного Алтая.

которые используются ими в своей стратегии выживания. Негативные последствия проводимых на селе социально-экономических реформ привели к резкому изменению социального статуса многих социальных групп и послужили своеобразным пусковым механизмом поиска альтернативных сфер занятости, источника новых доходов и каналов социальной мобильности.

Рост производства в личных подсобных хозяйствах селян привел к тому, что они заняли доминирующие позиции в производстве мяса и молока в общероссийском масштабе, но сформировавшийся тип хозяйства не соответствует рыночной модели. Ренатурализация многих сфер жизни и использование различных неформальных практик, часто не имеющих ничего общего с законами рынка и официальными социальными нормами, являются этому причиной.

Исследования, проведенные в европейской части России (Саратовской области) О. Запорожцем свидетельствуют о специфической пространственной локализации неформальных практик — более частому обращению к ним сельских жителей: 46,4 % опрошенных в больших городах периодически используют неформальные производственные практики, в малых городах — 41,8 %, а в деревнях — 87,4 %.

Исследования В.В. Пациорковского показывают, что в ходе опросов 1995—1997 гг. население отмечало острую нехватку наличных «живых» денег, начиная с 1997 г. были включены вопросы о дополнительной занятости членов семьи. Результаты опроса 1999 г. показали, что число лиц, имеющих дополнительную работу, достигло 19 %. В основном это переработка сельскохозяйственной продукции, торговля, ремонт сельскохозяйственной техники, автомобилей и др. Благодаря вторичной занятости, носящей чаще всего разовый, эпизодический или сезонный характер, эти лица стремились поддержать падающий материальный уровень семьи. Мужчины в основном занимаются ремонтно-строительными, торгово-посредническими и сельскохозяйственными работами. Владельцы сельскохозяйственной техники (культиваторов, картофелесажалок) обрабатывают участки односельчан. Женщины и подростки выполняют различную работу на полях и подворьях фермеров и зажиточных односельчан.

Использование неформальных практик носит вынужденный характер из-за отсутствия условий для использования формальных практик. Таким образом, использование неформальных практик является адаптационной стратегией выживания, приспособления к меняющемуся социальному окружению. К неформальным практикам прибегают те, кто не смог добиться значительных успехов в формальной сфере отношений. Так, 59,5 % опрошенных в Саратовской области, использующих неформальные практики адаптации, предпринимали попытки адаптироваться и в сфере формальных экономических отношений — что говорит о «размытости» границ между формальными и неформальными практиками: экономические аген-

ты свободно переходят из одной сферы в другую, сочетая или последовательно применяя соответствующие практики.

Какие же неформальные практики используются сегодня? К числу наиболее распространенных видов неформальной деятельности, по данным исследования, могут быть отнесены:

- обзаведение собственным приусадебным хозяйством — 70,4 % опрошенных, использующих неформальные практики,
- собирательство — сбор грибов, ягод и пр. — 26,7 %,
- «рукоделие», к которому наряду с традиционными видами — шитьем, вязанием — нами было отнесено изготовление домашней утвари, мебели и т. п. — 20,1 %,
- выращивание домашнего скота или разведение пчел — 11,3 %,
- приготовление пищи на продажу — 5,7 %,
- охота и рыбалка — 5,5 %,
- оказание услуг (ремонт, массаж, стрижка и пр.) — 3,1 %.

Подавляющее большинство обследованных семей имеют «подсобное хозяйство» (85—90 %). Кроме того, помимо сельскохозяйственного производства, существенной частью домашнего крестьянского хозяйства в обследованном ареале является промысловая деятельность, характерная для 40—50 % семей на юге и до 70 % — в северных регионах Сибири.

Из данных наших экспедиций можно получить очень важный вывод относительно специфики натуральной экономики современных сельских домохозяйств и ее отличия от замкнутых сельских экономик прошлого. Анализ данных показывает, что подобная форма хозяйства не является самостоятельной, самодостаточной системой.

Основной чертой рыночного хозяйства считается господство товарно-денежных отношений. В связи с этим логична постановка вопроса: превращаются ли созданные людьми продукты в товары, становятся ли они предметами обмена, т. е. попадают ли они в сферу действия рыночной экономики? Как свидетельствуют данные исследований в Саратовской области, в большинстве случаев этого не происходит: производимые предметы или услуги предназначаются только для личного использования, т. е. находятся вне сферы рынка. К примеру, половина опрошенных (50,4 %), имеющих дачи или огороды, подчеркивает, что выращивает только для своих нужд, еще треть заявляет, что может продать выращенное в случае необходимости (36,2 %) и лишь десятая часть (13,1 %) утверждает, что выращивает овощи, фрукты, цветы и пр. специально для продажи. Еще более «нерыночная» ситуация складывается с другими неформальными практиками. Единственным исключением выступает животноводство: 40,0 % опрошенных изначально ориентированы на товарное производство, еще 49,1 % готовы продать произведенное в случае необходимости. Подобные данные подтверждают предположение о преимуществ-

венно нерыночном характере неформальных производственных экономических практик, ведущем к натурализации экономической жизни.

Можно ли на основании изложенных фактов говорить о перыпчной ориентированности неформальной экономики? Абсолютизация этого тезиса представляется нам ошибочной. На наш взгляд, сведения о высокой степени натурализации неформальных экономических практик могут быть следствием как несовершенства исследовательских техник сбора данных, так и феномена «преувеличенной натурализации». Люди не будут говорить о том, что производят товары на продажу, находясь в плену стереотипов советской эпохи, осуждавших индивидуальную экономическую деятельность, или современных опасений: страха перед налоговой службой и соответствующего желания не раскрывать свои реальные доходы.

Наиболее типичной реакцией является персориентация всей социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, которое служит, прежде всего, целям простого воспроизводства и обеспечения минимально приемлемый уровень жизни.

Однако в тех регионах, где имеются каналы сбыта сельскохозяйственной продукции, происходит развитие черно-рыночных отношений.

Изучение ситуации в различных регионах дает основания предполагать, что эти реакции не являются параллельными и независимыми формами адаптации. Они представляют собой различные стороны одной и той же по сути адаптационной модели, по-разному проявляющей себя в разных обстоятельствах и в разных регионах.

В целом ряде регионов зафиксировано существенное развитие черно-рыночных отношений на селе, дополняющих натурализованный уклад и стимулирующих повышение товарности домашних экономик.

В Кош-Агачском районе Республики Алтай зафиксирован некоторый рост товарности личных хозяйств за счет сбыта продукции животноводства частным скупщикам из других регионов России и Монголии, а также активные черно-рыночные отношения вокруг транзитного товаропотока из Китая в Россию, проходящего через Монголию по территории района. В Новосибирской области крестьянские хозяйства выходят на черный рынок с продукцией животноводства и птицеводства, а также обеспечивая подавляющую часть товарного картофеля. В Горной Шории интенсивно развивается черный рынок пушнины и других продуктов охотничьего промысла. В Тюменской области многие сельские жители включаются в черно-рыночные схемы, существующие вокруг нефтегазового комплекса⁹¹.

В то же время надо понимать, что указанные процессы все же играют вспомогательную роль, дополняя основную жизнеобеспечивающую функцию натурализованного личного хозяйства. На черный рынок выносятся в основном излишки ресурсов, остающиеся в этом хозяйстве (в том числе избыток труда, как в Новосибирской области и Ханты-Мансийском

⁹¹ См.: Мархинин В.В., Нысанбаев А.Н., Нечипоренко О.В., Шмаков В.С. Проблемы социальной модернизации в полиэтнических сообществах. С. 24—25.

автономном округе, где размер и, соответственно, эффективность личных хозяйств ниже, чем в других регионах)⁹².

Очень важно отметить, что эта внешняя среда должна быть крайне высокотехнологичной, чтобы наблюдаемая нами натуральная экономика имела шанс выжить. В самом деле, она основана на использовании, хотя бы эпизодическом, современной машинной техники. По единодушному утверждению наших экспертов, без возможности получать транспорт в «совхозе» (промхозе, «у геологов» etc.), хозяйственная деятельность была бы неосуществима в принципе. Должна также каким-то образом (кем-то извне) поддерживаться достаточно развитая инфраструктура (дороги, связь). Все это не может быть произведено самим крестьянским хозяйством. Иными словами, эта натуральная экономика является дотационной по определению. Фактически, своим существованием она обязана мощной государственной редистрибутивной машине, закачивающей средства в село.

Важно понять, что речь здесь идет не только о явных социальных трансферах, таких как пенсии или пособия. Основную роль в этой редистрибуции играют «квазипроизводственные» механизмы. «Планово-убыточные» сельские предприятия, безвозвратные ссуды «на развитие фермерских хозяйств» и т. п. лишь внешне выглядят как экономические институты, тогда как на практике они представляют собой звенья распределительной системы.

В Кош-Агачском районе Республики Алтай крупхозы обеспечивали рост поголовья скота в личной собственности путем передачи своего стада в аренду частным лицам (фактически бесплатно). В Новосибирском сельском районе сохранившиеся крупхозы обеспечивают личное хозяйство комбикормом, молодняком птицы и т. п. (все это тоже практически бесплатно).

Кроме того, результаты исследований показывают, что в большинстве сельских ареалов ту же редистрибутивную роль играют и школы, — вторые по величине после крупхозов формальные организации в современном российском селе.

В рамках исследований в Республике Алтай, Новосибирской области и Республике Казахстан впервые удалось количественно оценить долю перераспределяемых в пользу сельских локальных сообществ ресурсов в общем объеме экономики домашнего крестьянского хозяйства. Как оказалось, этот показатель составляет, по меньшей мере, половину всех материальных средств, используемых сельскими жителями (а весьма вероятно, что и значительно больше). Только прямые денежные трансферты (пособия, пенсии) составляют более 40 % всех денежных поступлений. Значительная часть редистрибутивного потока также присваивается хозяйствами в натуральной форме (топливо, корма, техника, сельская инфраструктура)⁹³.

Один из важных аналитических ориентиров, позволяющих увидеть и идентифицировать существенные характеристики теневых социально-экономических форм, был сформулирован В.В. Радаевым, который от-

⁹² См.: Там же. С. 24.

⁹³ См.: Там же. С. 23—24.

метил, что «неформальная экономика не просто указывает на отдельные формы хозяйства, но обозначает общий экономико-социологический подход к миру хозяйства. Неформальная экономика предстает как определенная логика действий экономических агентов»⁹⁴. В основании эксплоярных действий кроется особое понимание возможных форм связи субъекта с миром хозяйства и миром в целом.

Неформальная крестьянская экономика — это система усилий, целью которых является поддержание существования локального сообщества. Агенты неформальной крестьянской экономики развили в себе способности к выживанию, к противостоянию обстоятельствам, бедности и ограниченности ресурсов. Эти способности бесценны именно в экстремальных условиях, когда семейная экономика вынуждена развернуться на самое себя, замкнуться в родственных социально-экономических структурах, стремительно нарастить горизонтальные, стихийно-кооперативные связи с родственниками и односельчанами. Эти способности буквально из ничего сотворили сегодня некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой — физическое и социальное выживание⁹⁵.

Задача достижения наибольшего удовлетворения путем рационального использования ограниченных ресурсов вовсе не исчерпывается лишь экономической деятельностью человека. Решение этой задачи базируется на всем социально-культурном опыте субъекта и зависит от него. Универсальное правило действия в условиях ограниченности средств формулируется К. Поланьи хотя и несколько экстравагантно, но вполне точно и остроумно: «Не будь дураком!»⁹⁶. Сущность такого поведения — рациональное использование ограниченных ресурсов.

Эти способности, социально-технологические изобретения, можно было бы назвать «орудиями слабых»⁹⁷. То есть практическим аппаратом людей, которые балансируют на грани выживания. Именно с помощью подобной орудийно-технологической базы конструируются довольно прочные механизмы социальной адаптации.

Как отмечает В.Г. Виноградский, «орудия слабых» объективно поддерживают и воспроизводят архаичные социальные отношения, часто нивелируя жизненные стили членов сообщества, приглушая намерения и стремления вырваться из круга общепринятых социальных норм. В данном смысле «орудия слабых», адаптационные механизмы, основой которых являются подсобные хозяйства, сетевые неформальные отношения, неформальные

⁹⁴ Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 36.

⁹⁵ См.: Виноградский В.Г. Вне системы: Крестьянское семейное хозяйство // Социологический журнал. 1998. N 3/4.

⁹⁶ См.: Поланьи К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.

⁹⁷ См.: Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 36—48.

экономические, — это мощный инструмент социальной инерции, необходимый в условиях неудавшейся аграрной реформы и ее последствий — бедности сельского населения и ограниченности экономических ресурсов.

3.5. Сети взаимопомощи сельских домохозяйств

Еще один важный источник жизнеспособности села — это своеобразный социальный капитал социальных связей и отношений. Речь идет главным образом о семейных, родственных, соседских, общесельских связях и отношениях. Они традиционно помогали селянам выживать в трудные времена, обеспечивая доступ к ресурсам (к тому же редистрибутивному потоку из «большого мира»). В трансформирующемся обществе эта система играет роль стабилизирующего фактора в экономической жизни крестьянской семьи и частично компенсирует кризис государственных социальных институтов⁹⁸.

Для анализа неформальных практик доступа к ресурсам домохозяйств используется понятие «сеть социальной поддержки» (network of social support; сеть социальной взаимопомощи).

В рамках сетевого подхода подчеркивается, что сети существуют не только и не столько как антитеза плану или рынку, а как скрытый структурный элемент в механизме и плановой, и рыночной экономики. Реальные проявления рынка и приказной иерархии немыслимы без сетевизации рыночных и плановых структур.

Реальные рынки нигде и никогда не являются практической реализацией логики товарного обмена. Рынок, как и плановое хозяйство, погружен в социальные сети. Правда, сетевизация рыночной среды обычно трактуется как механизм повышения гибкости рынка, уменьшения риска его участников, тогда как роль сетей, пронизывающих разные уровни дистрибутивной системы, часто оценивают негативно, с наклеиванием ярлыков типа «коррупция», «блат», «патрон-клиентизм» и пр.

Начало сетевому анализу положено Х. Уайтом, показавшим роль сетей в функционировании рынка труда.

В России эмпирические характеристики сетевых отношений социальной поддержки выявлялись коллективом под руководством Т. Шанина, В. Радаева, которыми в 1999—2000 гг. в Саратовской области и Краснодарском крае было проведено сравнительное исследование «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена»⁹⁹. Результаты показывают, что социальные отношения на основе родства и дружеских связей (персонализированные связи и отношения в неформальных институтах семьи, соседства,

⁹⁸ См.: Emirbayer M. Goodwin J. Network Analysis. Culture and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1980. N 6.

⁹⁹ См.: Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: РОСПЭН. 2002.

дружеской компании и прочих социальных объединениях на основе взаимных интересов, общности биографии и т. п.) обеспечивают сельскому домохозяйству доступ к необходимым ресурсам и поддерживают ее социальный и экономический статус, выступая в качестве одного из главных каналов неформальных экономических практик.

Неформальные, семейно-родственные отношения, а также различные виды моральной поддержки и психологической помощи обеспечивают материальные, денежные, трудовые потоки, необходимые домохозяйству для выживания.

Статистика показывает, что средняя зарплата жителя села составляла в 2000 г. 500 руб., т. е. формальные денежные поступления за год в семье не превышали 1—2 тыс. руб. на человека. Понятно, что реальные доходы семьи включают неформальные денежные или натуральные поступления от продажи продукции своего подсобного хозяйства и дополнительной занятости. Между тем указанное исследование показало, что средний размер денежных поступлений домохозяйства составлял 23 160 руб. (были семьи с доходом в 7 000 и 82 000 руб.)¹⁰⁰.

Эти цифры косвенным образом отражают долю «сетевого ресурса» в бюджете сельской семьи. Исследование показало, что в денежном и натуральном выражении он составляет от 30 до 70 %. Существование неформального «сетевого ресурса» позволяет понять, как может выживать сельская семья, хронически не получая денежные и натуральные выплаты от своего предприятия, как выживают семьи, не имеющие оптимального по размерам для местных условий ЛПХ?

Как действует такая сеть? «Предположим, жителю города, у которого родители-пенсионеры проживают в селе, необходимо запасти корма для ЛПХ, которое они содержат. Покупать их на рынке невыгодно, а в бывшем колхозе пенсионерам дают только 1/3 от необходимого. Если бы председатель СПК был родным братом, т. е. если бы в нашей модели возник “сетевой узел”, тогда проблемы с льготным приобретением кормов не возникало бы. Но в нашем случае председатель СПК не входит в родственный клан. Тогда актору приходится прокладывать к нему сложный сетевой маршрут, через другие “сетевые узлы”, состоящие из знакомых, родственников, соседей, товарищей детства, армейских сослуживцев и проч.

Это будет продолжаться до тех пор, пока не будут налажены нужные связи для доступа к источнику ресурсов. Такие маршруты входят в так называемые стратегии выживания или практики повседневности»¹⁰¹.

¹⁰⁰ См.: Штейнберг И. Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской семьи // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования / Ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. — СПб.: Центр независимых социальных исследований, 2003. С. 98.

¹⁰¹ Штейнберг И. Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской семьи. С. 99.

Изучение таких неформальных практик возможно благодаря применению междисциплинарного подхода, соединяющего качественные и количественные методы исследования¹⁰².

Сеть социальной поддержки семьи существует одновременно в нескольких измерениях: экономическом, социологическом, психологическом и культурно-духовном, которые фиксируются в ходе исследования разными методами. Исследование семейного бюджета фиксирует экономическое измерение — потоки материальных ресурсов, частоту взаимодействий, а социологическое интервью — социальное измерение: количество и качество социальных связей, поддерживающих социальный статус семьи, а также характер отношений между членами сети, круг моральной поддержки, духовные ценности, религиозные и этнические традиции, которыми живет семья, включенная в сетевые отношения.

В зависимости от того, насколько полно в семейной сети представлены все эти измерения, можно говорить о ее стабильности и социальном самочувствии.

Результаты исследований сельской семьи по этим показателям показывают, что в зависимости от размеров дохода сеть поддержки сельской семьи существенно меняет свою количественную и качественную конфигурацию¹⁰³. Семья с низким доходом — это молодая семья с двумя малолетними детьми. Она имеет сильную донорскую поддержку родственников. Связи носят в основном односторонний характер. Здесь, как правило, решаются проблемы физического выживания.

Семья со средним доходом имеет самую развитую сеть, существующую во всех перечисленных выше измерениях. Здесь сильны потоки материальных ресурсов на основе взаимобмена, широка сеть полезных социальных связей внутри села и в городе с родственниками и друзьями.

Сеть семьи с относительно высоким доходом схожа с сетью социальной поддержки «бедной» семьи, так как такие семьи намеренно обрезают свои социальные связи в целях сохранения и упрочения уровня благосостояния. Эта семья прошла фазу расширения сети и сделала свой выбор в пользу ограничения контактов с родственниками и друзьями. Однако упрочение экономического и социального положения за счет селекции психологических и культурно-духовных отношений с «бесполезными» членами семейного клана порождает определенный дискомфорт.

Например, фермер из Саратовской области так говорит об этом: «С соседом реже стали общаться. Запросто уже не заходим друг к другу. Ну вот как, он ко мне приходит, у меня всегда и выпить и закусить, как говорится, все по-человечески, утостить в любой момент могу, хоть налью, хоть что. А у

¹⁰² См.: Ковалев Е.М., Штейнберг Н.Е. Качественные методы полевых социологических исследований. М.: Логос. 1949.

¹⁰³ См.: Штейнберг И. Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской семьи. С. 102.

него встретить гостей иной раз нет ничего. Вот ему неудобно перед мною. И мне перед ним тоже неловко. Вроде достатком своим хвалюсь. Деньги он у меня занимает, а я у него нет, ну потом то задержит, то так, давно уже не спрашивал, может у других занимает. А так отношения хорошие у нас с ним»¹⁰⁴.

Имущественное расслоение приводит к тому, что с ростом доходов семейная сеть на селе имеет тенденцию к сворачиванию до минимальных и необходимых размеров. Однако это верно только по отношению к, условно говоря, «сети выживания». Наблюдения свидетельствуют о том, что вместе со сворачиванием «сети выживания» возникает «сеть развития», цель которой не физическое сохранение семьи, а дальнейшее повышение благосостояния и качества жизни. Эта сеть формируется под влиянием совсем иных правил взаимобменов и стратегий, в ней связи завязываются для развития или в надежде получения ответной помощи. Для этих целей большое значение имеет сравнительная ценность оказываемой материальной и моральной помощи. Например, о значимой помощи можно говорить, если она, по мнению участников взаимобмена, составляет весомую долю бюджета семьи-донора или физических и временных затрат членов помогающей семьи.

Исследования показывают, что для существования сети социальной поддержки в той же степени необходимы моральные ресурсы, как и экономические. Особенно это заметно в социальных сетях, построенных на базе этнической группы, проживающей в обществе с иными культурой, языком, религией.

Стратегии таких сетей направлены на увеличение человеческого, а не экономического капитала. Среди ресурсов таких сетей важнейшую роль играют носители языка, религии, культурно-духовных традиций данного этноса, вокруг которых идут процессы сплочения членов сети.

Сетевая неформальная экономика базируется на реципрокном обмене.

Известный историк-экономист и антрополог Карл Поланьи в книге «The Livelihood of Man», детально исследует формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи и в разных странах. При этом он опирался как на результаты собственных изысканий, так и на труды Бюхера, Тенниса, Торнвальда, Малиновского, Вебера, Дюркгейма, Ростовцева и других признанных ученых. Поланьи указывает на следующие основные формы интеграции в человеческом хозяйстве — редистрибуция (redistribution), обмен (exchange) и реципрокация (reciprocity). Последняя — движение товаров и услуг (а также людей) между взаимодействующими сторонами на симметричной основе, т. е. взаимопомощь родственников, деревень и даже государств, например в форме лендлиза — не рассматривается им как образующая экономический тип общества. Две другие формы интеграции экономического процесса — обмен и редистри-

¹⁰⁴ Там же. С. 106.

буцию — Поланьи выделяет в качестве основы классификации всего множества национальных хозяйств¹⁰⁵.

Реципрокный обмен происходит в форме одаривания (а не продажи), что, однако, не означает альтруистической готовности ничего не получить в ответ. И хотя сроки «отдара» не оговариваются и взаимность достигается только в долгосрочном периоде, каждый участник реципрокных отношений понимает необходимость ответного жеста. Принципу товарного обращения «товар—деньги—товар» противостоит идея возвратности и взаимности даров¹⁰⁶.

Продажа товара возможна как одноразовая сделка незнакомых партнеров, но обмен дарами предполагает стабильность контактов. Товарный обмен — воплощение абстрактности отношений, их универсальности, тогда как обмен дарами — это всегда конкретные отношения.

Субъекты дарообмена выбираются из числа родственников и друзей на основе не объяснимых с экономической точки зрения предпочтений, симпатий и антипатий. Сеть строится на системе предпочтений внескономического характера, тогда как сущность товарного обмена заключена в универсальности отношений анонимных контрагентов.

Регуляторами реципрокных отношений выступают культурные нормы, а не обезличенные законы рынка.

Реципрокность не преследует цели максимизации прибыли. Смысл этого типа социальных отношений состоит в защите близких людей от внешней среды, противостоянии неблагоприятным обстоятельствам общими силами, выравнивании жизненных шансов участников сети. Дарение носит бескорыстный, а продажа — корыстный характер.

Зачастую социальная сетевая помощь приобретают форму дара, образуя иную реальность, — так называемую экономику дара (gift-based economy). Соответственно суть обмена существенно трансформируется. Если для товаров предполагается рыночный обмен, то дары формируют паутину реципрокности, под которой понимается обмен дарами между членами социальной горизонтальной сети, объединяющей представителей одного или разных социокультурных полей. Таким образом, понятие реципрокности можно редуцировать до слов «взаимность даров». По мнению Ю. Эльстер, в основе реципрокных отношений лежат нормы взаимной любезности, которые «обязывают нас платить любезностью за любезность, оказанную нам другими. Норма может не требовать от меня подарка кузену на Рождество, но, если он начнет дарить мне подарки, придется в ответ делать то же самое»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. (Изд. 2-е, перераб. и дополн.). Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. С. 55.

¹⁰⁶ См.: Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. С. 3.

¹⁰⁷ Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 75.

Реципрокность накладывает на участников сети неформальные обязательства «платить по счетам». Плата может быть самой разнообразной, вплоть до почтительного отношения к дарителю. Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров, не выходить за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи. При обмене же товарами всегда жестко проговариваются условия сделки, выторговывается режим благоприятствия для себя в ущерб контрагенту, что вовсе не обязательно означает общность культурного пространства участников сделки. Если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то отношения реципрокности основываются на догадливости в рамках культурного контекста.

Было бы неправильно говорить, что в реципрокных обменах нет калькуляции. Она, конечно, есть. Но каждый участвующий в таких обменах рубль или час трудовой помощи имеет свои, ведомые только участникам обмена, «поправочные коэффициенты». Внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников. Ведь за каждый обменным актом стоит не обезличенная потребность максимизации прибыли, а многослойный контекст отношений контрагентов, культурные коды микросоциума. Данное обстоятельство емко и образно выражено в используемом И. Штейнбергом понятии «психологический рубль»¹⁰⁸.

Однако нельзя на этом основании отказаться от всех попыток количественного анализа сетевых взаимодействий. В конце концов, если уж говорить об экономической неэквивалентности, то хотелось бы иметь представление, как минимум, о ее степени. К тому же разговоры о том, что сетевым обменам присуща иная, вневещная логика, ставят вопрос о необходимости ее выявления.

Пусть и не исчерпывающе, калькулируемые показатели сетевой активности улавливают важные закономерности жизни сети.

Наиболее полной формой фиксации сетевых трансфертов являются ежедневные записи прихода и расхода ресурсов по каналам сети с указанием направления трансферта, его ресурсной природы, объема в натуральных и стоимостных показателях. Желательное время сбора эмпирических данных — год, что позволяет фиксировать сезонные колебания сетевой активности. Результаты количественного анализа получают дополнительное обоснование или, наоборот, повод для скептицизма при сравнении с качественными данными, полученными в режиме углубленных интервью. Подобная триангуляция повышает обоснованность выводов.

Реципрокные отношения имеют альтернативу не только в форме товарного обмена. Более тонкая и трудно формулируемая грань отделяет

¹⁰⁸ Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи — «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭ, 2002. С. 183—189.

дары от дани. Другими словами, благо может быть товаром, даром или данью в зависимости от того, в какую структуру отношений оно встроено. Дар — атрибут реципрокности, товар — участник товарного обмена, а дань — основа отношений «патрон—клиент».

Что же такое «патрон-клиентские» отношения? «Это устойчивая система отношений субъектов, обладающих дифференцированной ресурсной обеспеченностью в результате принадлежности к разным уровням объединяющей их иерархии. Патрон опекает клиента за счет находящихся в его распоряжении ресурсов, собирая ответную дань в форме благодарности за опеку»¹⁰⁹. «Основу для патрон-клиентских взаимоотношений составляет обмен между действующими лицами, обладающими неравной властью и статусами: патрон, ведущий и более могущественный участник этих взаимоотношений, предлагает свою защиту и обеспечивает доступ к дефицитным ресурсам (земле, рабочим местам, инвестициям) менее могущественным участникам (зависящим от него клиентам).

Клиенты, в свою очередь, обеспечивают поддержку патрону и предоставляют ему разного рода ценности и услуги, которые мы будем называть “данью”»¹¹⁰. Клиентелистские сети пронизывают распределительные механизмы широкого профиля — от распределения материальных благ, рабочих мест, земли до распределения разрешений на деятельность, меры ответственности и наказаний, поощрений и привилегий.

Такие отношения могут возникнуть в любой формальной и неформальной организации. Внешне происходит добровольный обмен ресурсами, минуя товарный обмен. Никто никого ни к чему не принуждает. Движение благ осуществляется исключительно на добровольной основе. И никакие формальные претензии в случае отклонения от участия в этих практиках не предусмотрены. Но никто не нарушат заведенного порядка. Все понимают, что эта добровольность весьма иллюзорная¹¹¹.

Сеть, имеющая иерархическое строение, провоцирует систему зависимостей на основе неравного доступа к сетевым ресурсам. Ресурсная зависимость и есть скрытая пружина принуждения, которое принимает видимость добровольных жестов. Внешне добровольный обмен иерархично организованных субъектов не порождает реципрокности, а обмениваемые ресурсы не превращаются в дары. Скорее, происходит мимикрия под отношения реципрокности вследствие соблюдения внешних атрибутов одаривания. На деле же ресурсы курсируют в форме дани, которую «патрон» собирает со свои «клиентов», отвечая более полным учетом их интересов

¹⁰⁹ См.: Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. С. 4.

¹¹⁰ Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон — клиент» в российской экономике // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 128.

¹¹¹ См.: Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. С. 5.

в ходе распределения курируемых им ресурсов. Симметричность сети делает принципиально возможным чередование ролей донора и реципиента в отличие от жестко закрепленных ролей патрона и клиента в несимметричных, иерархических структурах.

Сети могут быть структурной основой принципиально различных социальных отношений, далеко выходящих за пределы реципрокности. Реципрокность не единственный способ распределения благ, который воплощен в сетевой структуре. Логике реципрокности как экономики дара в полной мере воплощают лишь сети домохозяйств, тогда как другие структуры осуществляют распределение благ на основе обмена или перераспределения.

Таким образом, между понятиями «сеть» и «реципрокность» нет жесткого соответствия: реципрокность далеко не единственный тип отношений, реализуемых в сетевой структуре. Но почти всегда реципрокность — доминирующий тип отношений, если речь идет о сетях домохозяйств, формирующихся на основе родственных и дружеских связей.

По поводу распространенности межсемейной взаимопомощи исследователи вошли в некоторое противоречие. По данным В. Радаева, доля семей, связанных отношениями реципрокного обмена, составляет около 70 %¹¹². По мнению же О. Фадеевой, «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями»¹¹³. Этой же оценки придерживается и В. Лылова: «Особенность жизни на селе такова, что каждая семья в той или иной ситуации становится донором или реципиентом услуги»¹¹⁴. Разницу оценок вряд ли можно свести к различиям городского и сельского сообществ (хотя и этот аспект не стоит недоучитывать). Видимо, дело в инструментарии: Г. Градосельская и В. Радаев пользовались формализованным анкетным опросом, а О. Фадеева использовала наблюдения и углубленные интервью. Мы полностью согласны с В. Виноградским, который отмечает, что «данный вид неформальной экономической практики включен в крестьянскую повседневность как общая жизненная атмосфера, как воздух. Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты»¹¹⁵. Эта «незаметность» и не позволила формализованной анкете уловить масштабы этого явления.

¹¹² Radaev V. Urban Households in the Informal Economy // Explainin Patchworks / Ed. by K. Segbers. Vol. 2. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 356.

¹¹³ Фадеева О. Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. С. 193.

¹¹⁴ Лылова В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 84.

¹¹⁵ Виноградский В. «Орудия слабых». С. 45.

Показательно, что И. Штейнберг называет межсемейные сети «русское чудо»¹¹⁶, хотя «неофициальная, межсемейная поддержка и защита является одним из важнейших факторов ослабления бедности во многих странах, и Россия не является исключением из общего правила»¹¹⁷.

Ключи к разгадке масштабов, интенсивности, конкретных проявлений реципрокных отношений в России пытаются найти представители исторической традиции в социологии. Большая часть таких работ относится к истории крестьянства, что связано с двумя обстоятельствами. Первое: длительный исторический период «количественно крестьянство было Россией»¹¹⁸, и это объясняет «окрестьянивание» российской экономической ментальности. Второе: так называемые горожане являются детьми или внуками крестьян, имеют родственников на селе, т. е. имеют непосредственный доступ для восприятия поведенческих норм и ценностей крестьянского сообщества.

Много работ посвящены роли общины в повседневной жизни крестьян. Две ее основные функции — распределительная и управленческая — были направлены на выживание сообщества благодаря «круговой поруке», позволяющей слабому надеяться на помощь сильного. Но было бы ошибкой рассматривать эти «социальные приспособительные приемы» (терминология Дж. Скотта) как радикально эгалитарные¹¹⁹. Они, скорее, гарантируют только право на жизнь за счет ресурсов общины и не более. Община гарантировала спасение от индивидуального голода, но не сытость наравне со всеми.

В современных условиях по сельским и по городским сетям проходят столь значительные объемы ресурсов, что трудно назвать сети дополнительным, декоративным элементом социальной жизни¹²⁰. Скорее сети являются одним из основных механизмов поддержания домохозяйств «на плаву», выполняя мощную перераспределительную функцию среди семей разного достатка, разного возраста и стиля жизни.

Сетевые взаимодействия не являются инструментом максимизации прибыли их участников. Вероятнее всего, это механизм выравнивания жизненных возможностей участников сети, система разноплановой и оперативной взаимопомощи. При объединении в сеть совокупная сопротивляемость бедных домохозяйств внешней среде повышается в результате

¹¹⁶ Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 227—239.

¹¹⁷ Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Всемирный банк реконструкции и развития / Под ред. Д. Клугман. Вашингтон, 1998. С. 252.

¹¹⁸ Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905—1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 30.

¹¹⁹ Скотт Дж. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 542.

¹²⁰ См.: Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. С. 8—14.

более гибкого использования совокупных ресурсов и возможности их очередного использования на благо входящих в сеть домохозяйств.

В настоящее время нарушения формальных норм нельзя рассматривать как чисто отрицательное явление. В массовом сознании подобные практики воспринимаются как обоснованные и справедливые. В действительности неформальные отношения дополняют возможности официальной занятости, амортизируя неизбежные сбои в отладке формирующейся социально-экономической системы и облегчая большим группам населения социальную адаптацию к новым условиям. Несмотря на формальную противозаконность, эти практики культурно одобряются или, по меньшей мере, не осуждаются.

Отличительная черта неформальной экономики — особая роль социальных сетей связывающих ее субъектов. Использование в них неформальных норм, своих особых внутренних законов, основывающихся на таких специфических категориях, как доверие, репутация, власть, принуждение, с одной стороны, ведет к повышению гибкости неформальных взаимодействий, позволяя избежать издержек, связанных с формализацией отношений, и сделать их более маневренными, а с другой — привносит в деятельность субъектов существенный элемент риска: если в формальной экономике выполнение взаимных обязательств гарантировано законом, то неформальность отношений лишает субъекты этих гарантий.

Когда идет речь о борьбе с теневой или неформальной экономикой, необходимо говорить прежде всего о наркобизнесе и отмывании полученных от него доходов и о других видах чисто криминальной части «теневой» экономики. К иным же ее частям отношение в современном мире, в том числе и в странах с развитой рыночной экономикой, не столь однозначное. Так, в докладе генерального директора МОТ «Меняющийся мир труда: главные проблемы будущего» (1986 г.) акцентируются потенциальные преимущества неформального сектора в сфере занятости, связанные с использованием относительно трудоемких методов производства, легкостью вложений капитала в рискованное предприятие и невысокой потребностью в квалифицированной рабочей силе, а также с возможностью использования местного сырья. Эти факторы, способствующие тому, что неформальный сектор создаст (прямо или косвенно) больше рабочих мест на единицу капиталовложений, чем формальный, придают ему гибкость в период спада.

Еще одна характерная его черта, называемая в докладе: производство товаров и их потребление становятся доступными семьям с низким уровнем доходов. Гендиректор МОТ не отрицает, что неформальный сектор становится почвой для злоупотреблений. Но резкое усиление контроля подавило бы динамизм и потенциал неформального сектора. МОТ выступает как за изыскание путей предотвращения негативных последствий развития неформальной экономики (прежде всего в социальной области) и принятие мер защиты тех, кто в ней работает, так и за использование позитивных начал, которые она в себе несет.

3.6. Социальная политика в отношении села

Как следует из всего вышесказанного, современное российское село переживает сложный процесс приспособления к новым рыночным отношениям, которые развиваются в условиях многообразия форм собственности. Однако кризисные явления, заметные сегодня, начали проявляться еще раньше, в советскую эпоху.

Так, кризисная ситуация в социальной сфере российского села нарастающими темпами стала формироваться еще в середине 1980-х гг. Более низкий уровень качества жизни на селе способствовал формированию миграционных настроений сельских жителей, снижал уровень их экономической заинтересованности. Сельское хозяйство не обеспечивало потребностей страны.

В течение 1990-х гг., до принятия Земельного кодекса РФ, развитие земельных отношений шло непоследовательно и неупорядоченно.

Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» регулирует:

- оборот земельных участков сельхозназначения;
- оборот долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, т. е. земельных долей;
- приватизацию земель сельхозназначения;
- определяет условия предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной и муниципальной собственности, а также изъятия их в государственную или муниципальную собственность.

Закон устанавливает основные принципы, на которых основывается оборот земель сельскохозяйственного назначения:

- сохранение целевого использования земельных участков;
- в целях недопущения латифундизма, усиления социального раскола и обезземеливания крестьянских хозяйств установлены предельные максимальные размеры земельных участков, которые могут находиться в собственности граждан и юридических лиц;
- преимущественное право субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления на покупку земельного участка при его продаже;
- преимущественное право субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления на покупку доли в праве общей собственности на земельный участок;
- установление особенностей предоставления земельных участков иностранным гражданам, лицам без гражданства.

Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» вводит ряд норм, существенно расширяющих полномочия субъектов РФ в области правового регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения.

Закон устанавливает особенности оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения; куплю-продажу; аренду, прива-

тизацию (приобретение в собственность или аренду из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности; наследование). Закон определяет условия аренды земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, в соответствии с которыми договор аренды может быть заключен на срок, не превышающий сорок девять лет. Одновременно предусматривается введение мер экономического стимулирования лиц, использующих земельные участки на основании договоров аренды, заключенных на срок не менее чем 10 лет (гл. II, ст. 9, п. 3).

Закон определяет, что участник долевой собственности вправе по своему усмотрению распорядиться ею (продать, подарить, обменять, завещать, отдать в залог, внести в уставный (складочный) капитал юридического лица, передать в доверительное управление или распорядиться ею иным образом в соответствии с гражданским законодательством).

Устанавливаются ограничения по размерам земельных участков, находящихся в собственности граждан, в соответствии с которыми установленный законом субъекта Российской Федерации размер их общей площади не может быть менее, чем 10 % общей площади сельскохозяйственных угодий в границах одного административно-территориального образования.

Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» вступил в силу 27 января 2003 г.

За 10 лет земельной реформы и преобразований в АПК и сельской местности в целом удалось создать основополагающую законодательную базу новых социальных и хозяйственных отношений.

Право собственности непосредственного производителя, в том числе на землю, экономическая свобода, новая мотивация к эффективной трудовой деятельности, приоритет личного интереса стали законодательно закрепленной реальностью, хотя далеко еще не реализованы на практике.

Мировой опыт свидетельствует о том, что рыночному обороту земель должно предшествовать проведение комплексных землеустроительных и земельно-кадастровых работ. В целях соблюдения законности при регистрации прав землевладельцев и недопущения нарушений этих прав в ходе оборота или перераспределения земель необходимы определение и уточнение площади земельных угодий, находящихся в собственности.

Но само по себе последовательное проведение земельной реформы не является панацеей социально-экономических проблем села.

Недостаточная конкурентоспособность отечественных сельхозтоваропроизводителей на мировом рынке (а также в условиях конкуренции с импортерами сельхозпродукции на внутреннем рынке) не позволяет рассчитывать на полную саморегуляцию сельскохозяйственного производства и, соответственно, самодостаточное развитие социальной сферы села.

Государственная поддержка села и агропромышленного производства со стороны государства должна заключаться в финансировании федеральных и региональных целевых программ развития сельскохозяйственного производства, инфраструктуры села.

Заключение

Реформы, проводимые в последние годы, поставили население России перед необходимостью выработки новых поведенческих стратегий, соответствующих новым социально-экономическим реалиям. Успешная социально-экономическая адаптация населения выступит основным условием завершения трансформации и основным показателем эффективности выбранного курса реформирования.

В этой ситуации проблема выбора концепции социальной политики и ее корректировки в соответствии с социальными, экономическими и политическими реалиями приобретает стратегическое значение, становясь одним из главных факторов в определении траектории эволюции между ловушками переходного периода и общемировым путем развития.

Особенно актуальны сегодня проблемы реализации социальной политики в сельской местности, где кризис вследствие трансформационных процессов проявился наиболее сильно, поскольку адаптационные возможности сельского населения оказались существенно ниже, нежели горожан. Причинами этого являются как свертывание всей социальной структуры села, так и гораздо меньшие возможности трудоустройства в сельской местности, а также традиционная значительная зависимость экономики села от природно-климатических условий.

Эмпирической базой исследования послужили обширные материалы мониторинга социально-экономических процессов в сельских сообществах, проводившегося авторами в 1997—2005 гг. на территории Новосибирской, Кемеровской областей и в Республике Алтай. В ходе эмпирических исследований фиксировался ряд показателей, таких как уровень среднедушевых доходов, уровень безработицы, структура доходов и расходов сельского населения, позволяющих оценить адаптационные возможности сельских сообществ.

Раньше Россия уже имела специфический модернизационный опыт — речь идет об опыте, полученном в «советский» период развития. Интерпретация советского опыта как «модернизационного» оправдана схожестью

двух «альтернативных» моделей развития — капиталистического мира Запада и «социалистического лагеря»: несмотря на существующие между ними политические различия, их сутью являются индустриализация и создание индустриальной культуры, обеспечивающие условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния, основанные на ярко выраженном стремлении к рационализации.

Проведенные нами исследования дают основания полагать, что методологическая схема, предлагаемая цивилизационным подходом, может быть применена и к процессам, происходящим внутри трансформирующегося российского общества: в этом случае в качестве «вызова» интерпретируется политика, проводимая государством, т. е. собственно модернизационные реформы, а в качестве «ответа» — модели социально-экономического поведения, вырабатываемые населением в процессе адаптации к реформам. Очевидно, что полюса дихотомии «вызов/ответ» не являются статичными и могут периодически меняться: «вызов» не обязательно должен исходить от государства, а «ответ» не всегда дает общество. Вызов может исходить от общества, и тогда реформы являются лишь ответом государства на актуальные вызовы общественного мнения. Таким образом, предлагаемая схема очерчивает традиционную диалектическую взаимосвязь «верхов» и «низов». Колебания курса государственной политики, ее ситуативность и «маятниковая» стратегия реализации, с одной стороны, и адаптационные стратегии, вырабатываемые населением, — с другой, являются косвенным следствием подобного смещения дихотомии «вызов/ответ».

Рассуждая о характере трансформации российского общества, необходимо отметить ее нелинейный и противоречивый характер. Кроме того, эти процессы во многом инерционны и, следовательно, не гарантируют движения общества к сплочению и интеграции. Наблюдение за опытом трансформаций в странах бывшего социалистического лагеря показывает, что развитие стран по модели догоняющей модернизации изменяет цели, средства и способы функционирования социальной системы, приводя, таким образом, социальную систему страны в особое состояние, формируя специфическое сознание и поведение людей, специфические социальные адаптационные реакции, что сопровождается как появлением новых социальных феноменов, так и возрождением традиционных социальных отношений (феномен вторичной архаизации социальных отношений).

Несмотря на то, что модернизационное развитие «догоняющего» типа в силу ряда причин оказалось преобладающей стратегией развития российского общества, однако конечная цель модернизационных реформ — создание механизмов рыночной экономики и демократически-правовой государственности — не была полностью достигнута, и это является важным для понимания специфики трансформационных процессов в современной России. Уже к середине 90-х наместились первые признаки форми-

рования своеобразного, устоявшегося режима, по своему характеру являющегося квазирыночным и квазидемократическим, что, в свою очередь, обусловило специфические черты в формировании стратегий социальной адаптации населения России.

Одним из последствий рыночных преобразований и связанной с ними структурной и институциональной перестройки российского общества стало изменение основных моделей социально-экономического поведения населения, а также выработка новых индивидуальных и коллективных практик и стратегий, призванных адаптировать население России к изменившимся социально-экономическим условиям.

По нашему мнению, обнаружившиеся адаптационные возможности, по сути дела, обеспечили необходимую взаимосвязь между двумя уровнями преобразований: социально-политическими и социально-экономическими задачами, которые ставило перед собой российское правительство, и повседневными практиками, осуществляемыми населением. Эта взаимосвязь предопределила корреляцию между темпами социальных изменений, проводимых сверху, и адаптационными возможностями населения: сложившаяся социально-экономическая среда блокировала одни адаптационные стратегии и поддерживала другие. В свою очередь скорость, с которой население вырабатывало стратегии адаптации, в конечном итоге определяла общие темпы, а также глубину и масштабы реформирования.

Несмотря на то, что, в силу исторических обстоятельств, стратегии адаптации неминуемо наследовали некоторые элементы и установки советского опыта, фактически они представляли собой принципиально новые стратегии выживания, максимально учитывающие всю специфику происходящих вокруг изменений.

В то же время, в условиях постсоветских реалий, как правило, сами процессы реформирования, стимулируя отказ от старых форм и моделей социально-экономического поведения (ориентированных на советскую систему), не обеспечивали в достаточной степени поддержку новых повседневческих моделей, возникающих на месте старых. В результате появлялись и продолжают появляться квазирыночные модели поведения, не вписывающиеся в рамки классического развития капитализма. Новые адаптационные стратегии, практикуемые большими группами населения, не соответствуют ни традиционным советским нормам, ни новым институциональным установлениям и обусловлены неравномерностью социально-экономического развития страны и спецификой регионального развития. Как показали исследования, острота восприятия проблем или уровень тревожности населения являются показателем социального благополучия/неблагополучия региона и, соответственно, эффективности проводимой в регионе социально-экономической политики.

Проведенный в 2004—2005 гг. сравнительный анализ динамики развития сельских сообществ показал, что адаптация сельскохозяйствен-

венные районов, расположенных в промышленных регионах, проходит более благополучно.

Сельскохозяйственные районы в последние годы переживают новый виток трансформации отношений, связанных с изменением форм собственности сельскохозяйственных предприятий — постепенным увеличением доли акционерных обществ и частных предприятий за счет уменьшения доли предприятий с государственной формой собственности.

Масштабы этих процессов не в последнюю очередь обусловлены спецификой внутрирегионального перераспределения капиталов, когда часть доходов от деятельности промышленных предприятий по различным каналам идет на развитие сельскохозяйственных районов, являющихся дотационными. Естественно, что более активно процессы, связанные с изменением формы собственности предприятий, идут в более экономически развитых, т. е. преимущественно промышленных районах.

Одно из негативных последствий такого перераспределения — то, что на фоне достаточно высоких общих показателей социально-экономического развития районов внутри области оказывается даже более жестко дифференцировано по сравнению с регионами, которые «равномерно бедны». В результате не только уровень и качество жизни сельскохозяйственных районов области сильно уступает промышленным районам, но и уровень социальной напряженности здесь может быть высок.

Кроме этого успешность адаптации зависит от развития локального и регионального рынков труда и соотношения государственного и частного секторов экономики. Результаты адаптационных стратегий индивидов могут иметь как материальное (связанное с увеличением материальных ресурсов), так и статусное (связанное с изменением социального положения) выражение.

Основной целью адаптации выступает такая мобилизация всех имеющихся у индивидов ресурсов, при которой ресурсы, в целом соответствуя содержанию и целям жизненных стратегий индивидов, могут в то же время наиболее эффективно реализоваться в сложившейся институциональной среде. Институциональная среда определена выбранной моделью государства, уровнем и степенью контроля государства в экономической сфере и государственными приоритетами в социальной сфере, т. е. социальной поддержкой государством различных слоев общества и выбором между либеральной, социально-демократической, патерналистской моделями государственного развития.

Нестабильность внешней институциональной среды обусловила нестабильный краткосрочный характер адаптационных стратегий сельского населения. Отсутствие согласованности относительно целей, векторов и направлений реформ на уровне проводящих их элит, нестабильность и слабость новых социально-экономических институтов, с одной стороны, вызвали кризис доверия властям со стороны населения, а с другой, стали

причиной сильного ограничения возможностей населения при выработке эффективных адаптационных стратегий. Характерная черта современной ситуации — отсутствие обратной связи с внешней средой, в силу чего население принимает складывающиеся внешние социально-экономические условия как некую данность, пытаясь вписаться в них, но не пытаясь каким-либо образом оказать на них влияние.

Проведенные нами исследования показали, что в сельской местности результатом модернизации стало формирование нового уникального типа социально-экономических отношений, сочетающего в себе черты натурального хозяйства и черно-рыночной экономики и существенным образом зависящего от государственной и региональной редиистрибутивной политики. Такая ситуация складывается в большинстве сельских районов Сибири.

Как показали исследования, в условиях модернизации для сельских сообществ характерны три основных типа адаптационных реакций:

1. **Натуральный тип**, основанный на сочетании традиционных форм жизнеобеспечения с сильной зависимостью от государственных трансфертов. Пересориентация всей социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, которое служит, прежде всего, целям простого воспроизводства, является наиболее типичной приспособительной реакцией. В данном случае натуральное хозяйство обеспечивает минимально приемлемый уровень жизни.

2. **Криминальный тип**, основанный на широком распространении экономики черного рынка. Развитие черно-рыночных отношений происходит в тех регионах, где имеются каналы сбыта сельскохозяйственной продукции.

3. **Деструктивный тип адаптации**, характеризующийся прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией и, в конечном счете, заканчивающийся деструктуризацией локального сообщества.

Изучение ситуации в различных регионах даст основания предполагать, что эти типы не являются параллельными и независимыми формами адаптации, а представляют собой различные стороны одной и той же по сути адаптационной модели, по-разному проявляющей себя в разных обстоятельствах и в разных регионах.

Сравнительный анализ адаптационных стратегий сельских сообществ в различных регионах показал, что, несмотря на известную региональную специфику, во всех обследованных регионах наблюдается типологически сходная социальная ситуация, обусловленная одинаковым набором проблем, в том числе, резким сокращением денежных доходов населения, безработицей, увеличением роли социальных трансфертов в структуре доходов населения, вытеснением трудовых ресурсов в сферу личного крестьянского хозяйства, превратившегося из подсобного в основной фактор выживания сельского населения. Наиболее остры проблемы социально-эко-

номического характера: безработица, распространение бедности и нищеты. Также для сельских сообществ очень актуальна проблема алкоголизма.

Об исключительной важности проблемы безработицы во всех без исключения сельских районах говорят как субъективные оценки населения, так и фактические данные. По различным регионам Сибири средний уровень безработицы, зафиксированный нами в ходе исследований, составил порядка 25 % трудоспособного населения. При этом в ряде регионов (например, в Улаганском районе Республики Алтай) доля неработающих жителей превышает половину всего населения. Вследствие такой масштабности, процессы в сфере занятости не просто являются одной из негативных тенденций, но носят системообразующий характер, приводя к заметной трансформации всего социального облика современного села.

Хотя в сознании сельского населения преобладают проблемы, связанные с его экономическим положением: безработица, бедность, задержки заработной платы, — все наиболее острые с точки зрения сельчан проблемы находятся в определенной взаимосвязи, т. е. являются комплексными и вместе выступают интегральным показателем социокультурного неблагополучия.

В целом ранжировка проблем по степени остроты отражает ситуацию, когда материальная бедность и озабоченность материальными проблемами предопределяют бедность духовную, проявляющуюся в таких феноменах, как пьянство, наркомания, преступность или же моральная деградация.

Данные многолетних исследований дают основания утверждать, что наиболее значимым фактором адаптации сельских локальных сообществ к процессам социальной модернизации является социальная политика как управление социальным развитием общества и регулирование процессов общественной дифференциации.

В сложившихся условиях социальная политика выступает редистрибутивным механизмом, посредством которого осуществляется перевод ресурсов из «большого» общества на локальный уровень сельских сообществ. Анализ данных социологического мониторинга показывает, что по меньшей мере, две трети всех материальных средств, используемых сельскими жителями, поступает извне локального сообщества.

В силу того, что собственных ресурсов сельских локальных сообществ недостаточно для их выживания (село не обеспечивает ни полной занятости сельского населения, заставляя его ориентироваться на город, ни, соответственно, достаточных доходов), редистрибутивный характер социальной политики определяет ее значение для сельского населения.

Именно объем и характер редистрибуции объясняют все многообразие наблюдаемых форм социальной адаптации сельских сообществ.

Как показали наши исследования, характерной чертой социальной политики в сельских сообществах является ее многоакторность. Основными акторами, влияющими на развитие сельского сообщества, являются: госу-

дарство, крупные хозяйственные предприятия (крупхозы), функционирующие на территории поселков, а также местная власть.

Очевидно, что государство является основным актором социальной политики на селе, поскольку именно ему принадлежит преобладающая роль в социальных процессах, в том числе и в сфере занятости населения, дотирования функционирования крестьянских хозяйств, ограничения форм хозяйственной деятельности крупхозов или полномочий локальных органов управления. В некоторых аспектах эта роль проявляется явно, как в случае социальных трансфертов или поддержания социальной инфраструктуры села. В других фактическая редистрибуция денежных средств в деревню осуществляется в «псевдозакономических» формах, таких как плановые закупки сельхозпродукции, безвозвратные ссуды предпринимателям или поддержание на плаву убыточных сельскохозяйственных предприятий.

Государственное влияние сохраняет свою значимость независимо от реализуемой государственной социально-политической стратегии — это подтверждает сравнительный анализ данных наших исследований.

Развитие государства на современном этапе характеризуется переходом от патерналистской к субсидиарной модели социальной политики. В рамках этого перехода наиболее значимым событием последних лет является реформа по изменению форм социальной поддержки населения», осуществляемая с 2005 г.

Как показали результаты исследований, у жителей сельских населенных пунктов на момент проведения данная реформа не вызвала однозначно негативного восприятия. Почти половина из них относилась к данным мерам положительно, а остальные либо не определились со своей позицией, либо относились к очередному этапу социальному реформированию отрицательно.

Отрицательное отношение к социальной реформе основывалось на опасении что размер установленных денежных компенсаций будет очень мал, другая значительная часть респондентов обосновывала свою позицию традиционным для российского населения неверием в то, что власти вообще будут выполнять свои обещания (соблюдать гарантии), т. е. опасаются, что денежные компенсации не будут выплачиваться.

Среди сельчан, высказавшихся о положительном отношении к данной социальной реформе, большинство ссылалось в качестве обоснования своей позиции на то, что они не пользуются льготами, хотя и имеют их (что вполне объяснимо в условиях сельской местности, где льготники не могут реализовать, например, свое право на бесплатный проезд в общественном транспорте, льготную оплату услуг телефонной связи и ряда коммунальных услуг). Меньшее число опрошенных, поддерживающих замену натуральных льгот денежными компенсациями, обосновывало свой выбор тем, что предпочитают использовать наличные средства по своему усмотрению.

Редистрибутивная деятельность крупхозов, таким образом, объясняет натуральный характер крестьянских хозяйств: ресурсы, получаемые через крупхоз, бесплатны, но в то же время не могут потребляться непосредственно (например, корма). Крестьянское хозяйство преобразует эти ресурсы в пригодную для потребления форму.

Натурализация хозяйства стала одной из самых значимых тенденций в развитии села и вызвала всплеск научных исследований с области сельской социологии. Общепринятая интерпретация этого феномена сводилась к постулатам о возрождении российского крестьянства с его традиционным образом жизни и о возвращении к корням.

Данные наших исследований показывают, что подобная трактовка не вполне релевантна существующей ситуации. Проведенный сравнительный анализ параметров развития личных подсобных хозяйств и оценка их товарности позволили выявить следующую тенденцию: значение ЛПХ в современном селе тем выше, чем ниже прочие доходы (доходы из других источников) населения. Таким образом, наблюдаемая натурализация является вовсе не возвращением к мифическим истокам, а вынужденной мерой, помогающей населению выжить. Причем масштабы натурализации таковы, что за годы реформ она оказывается основной адаптационной стратегией. Проведенные исследования зафиксировали, что натурализация сельской экономики сопровождается переориентацией невостребованных трудовых ресурсов на подсобные хозяйства. В большинстве случаев для подсобных хозяйств характерна низкая товарность: продукция, полученная в личном подсобном хозяйстве, потребляется самим домохозяйством, и лишь небольшая доля этой продукции реализуется на рынке.

В том случае, когда возможностей личного хозяйства оказывается недостаточно для поддержания минимального уровня жизни населения, наблюдается прогрессирующая тенденция к депопуляции сельских поселений.

Отмеченные процессы (деятельность крупхозов, натуральный характер получаемых через него ресурсов) объясняют еще одну черту, характеризующую крупхоз как агент социальной политики: деятельность крупхозов по поддержанию инфраструктуры села или сельского населения очень часто имеет неформальный характер и стимулирует развитие черно-рыночных отношений.

Кроме этого, крупхозы традиционно решают социальные и экономические проблемы населенных пунктов, на территории которых они функционируют. Характерно то, что даже в этом случае их помощь происходит не в денежной, а в натуральной форме: как правило, это снабжение населенных пунктов углем, помощь в поддержании объектов социальной инфраструктуры села и пр.

Значение местной власти как актора социальной политики на фоне крупхозов и государства не так велико, что объясняется ее долговременной зависимостью от государства и отсутствием финансовой самостоя-

Исследование показало, что сложившаяся модель бедности является, прежде всего, результатом низкого уровня доходов от занятости. Работа на предприятии отнюдь не является гарантией процветания и достатка сельчан и не избавляет их от полунического существования.

Данные мониторинговых исследований говорят сами за себя: Если в современном селе доля безработных в среднем составляет около 20 % экономически активного населения, то доля семей, живущих за порогом бедности, составляет около 70 %. Таким образом, для села характерна ситуация, когда люди, имеющие работу, не имеют при этом достаточно средств к существованию. Фактически, если ориентироваться на среднедушевой уровень денежных доходов населения, более двух третей домохозяйств в обследованных регионах находились ниже порога бедности, причем более половины семей не имели даже половины прожиточного минимума на каждого члена семьи в месяц, т. е. являлись крайне бедными.

В этой ситуации увеличение роли государственных трансфертов вполне объяснимо. В условиях чрезвычайно низких зарплат население рассчитывает на пенсии и пособия. Обычной является ситуация, когда наименее нуждающимися слоями общества оказываются пенсионеры, только в силу того, что они имеют фиксированный и по сельским меркам не маленький доход от государства.

О роли государства в поддержании жизнеобеспечения села говорит тот факт, что больше половины сельского населения работает на предприятиях с государственной формой собственности, а также то, что главную роль в качестве источника денежных средств для большей части сельчан сегодня играет не зарплата в формальной организации, а пенсии и прочие социальные трансферты.

Проведенное исследование показало, что процессы адаптации сельских сообществ к новым социально-экономическим условиям имеют стихийный характер: несмотря на многочисленные программы по развитию села, ни государственная, ни региональная политика практически не учитывают не только наблюдаемые инновации в структуре сельских сообществ, но и специфику сельского образа жизни как такового. В современных условиях только дифференцированный подход и учет региональных особенностей развития сельских сообществ, сопровождаемые направленными усилиями государства и регионов, могут стать залогом успешного завершения трансформации процессов социальной адаптации сельского населения.

Стратегию поведения сельского населения, несмотря на реально существующее многообразие вариантов ее реализации, можно охарактеризовать как «ориентацию на выживание, а не на развитие». Эта стратегия выражается в консервации всех основных процессов, определяющих жизнь села: снижении трудовых мотиваций, низкой товарности домашнего хозяйства, спаде демографических показателей, резком сокращении уровня потребления.

В настоящее время процесс адаптации к новым социально-экономическим условиям в российском селе еще не завершен. Прошедшие годы социально-экономических преобразований привели к тому, что основные формы адаптации на селе (натурализация, ориентация на черный рынок, деструкция) в какой-то степени действительно устоялись и стабилизировались.

Однако сам характер этих форм таков, что не позволяет определенно говорить о каких-либо стратегиях развития села на долгосрочную перспективу. В этих условиях решающим для дальнейшего развития села оказывается фактор государства, а основным направлением деятельности государства в отношении села — переход от стратегии поддержания через неформальные практики (крупхозы и черный рынок) к продуманной и дифференцированной социальной политике, учитывающей специфику сельского образа жизни.

В то же время процессы, происходящие в последние годы в сельских сообществах, свидетельствуют о том, что село продолжает оставаться активным агентом происходящих социальных перемен и в современных условиях пытается вырабатывать собственные адаптационные стратегии в ответ на изменения социально-экономической среды и все более сокращающуюся поддержку государства, а также сохранить, а частично и заново сконструировать социальные механизмы поддержания своей самодетичности.

Исходя из рассмотренных выше сложностей адаптации сельских локальных сообществ к рыночной экономике и специфических типов адаптационных реакций сельского населения, курс социальной политики по отношению к конкретным сельским сообществам должен определяться не только в зависимости от их численности в составе административно-территориальных образований или состояния местных бюджетов, а также исходя из уровня интегрированности сельского населения в рыночную экономику или же степени сохранения у него традиционным фирм жизнеобеспечения. В качестве объекта социальной политики в сельской местности выступают конкретные общины, которые могут быть отнесены к одному из следующих типов:

- 1) населенные пункты с сохраняющейся традиционной системой жизнеобеспечения, или со значительно натурализованной экономикой;
- 2) населенные пункты со смешанным укладом;
- 3) населенные пункты, успешно адаптировавшиеся к новым реалиям, т. е. интегрированные в рыночную экономику;
- 4) населенные пункты с деструктивным типом адаптации.

В зависимости от типовой принадлежности сельских поселений определяются и объемы финансирования действующих в них социальных программ, и разрабатываются мероприятия по социально-экономическому развитию села.

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Методология и методика.....	6
1.1. История развития и современное состояние сельской социологии.....	6
1.2. Методология и методические аспекты социологического исследования.....	25
Глава 2. Социально-экономическое состояние регионов.....	38
2.1. Социальная адаптация сельских сообществ в условиях промышленного развития региона.....	38
2.2. Специфика адаптационных стратегий сельского населения в полиэтнических регионах.....	73
Глава 3. Адаптационные стратегии.....	105
3.1. Стратегии выживания сельского населения и адаптационные стратегии.....	105
3.2. Натурализация и развитие ЛПХ как адаптационная стратегия.....	114
3.3. Неформальные социально-экономические практики и неформальная экономика.....	119
3.4. Сельская (крестьянская) неформальная экономика.....	127
3.5. Сети взаимопомощи сельских домохозяйств.....	135
3.6. Социальная политика в отношении села.....	145
Заключение.....	148

Сведения об авторах

Шмаков Владимир Сергеевич — доктор философских наук, зав.сектором Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Нечипоренко Ольга Владимировна — кандидат философских наук, с.н.с. Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Тематический план выпуска изданий СО РАН
Научное издание

Шмаков Владимир Сергеевич
Печипоренко Ольга Владимировна

СИБИРСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ

Монография

Утверждено к печати
Ученым советом Института философии и права СО РАН

Редактор *Н.А. Лившиц*
Верстка *М.В. Гончаровой*

Подписано к печати 25.12.2008. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 11,06. Тираж 150 экз. Заказ № 1225.
Отпечатано в типографии ООО «Параллель».
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98.